

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2008

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2008 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2009. — 162 с. — ISBN 978-5-02-025618-7

Редакционный совет:

чл.-кор. РАН *В. В. ОКРЕПИЛОВ* (*председатель совета*);
к. и. н. *Е. А. ИВАНОВА* (*ученый секретарь совета*);
акад. *Б. В. АНАНЬИЧ*; проф., д. ф. н. *Т. В. АРТЕМЬЕВА*; чл.-кор. РАН *В. Е. БАГНО*;
С. В. ВАЛЬЧУК; чл.-кор. РАН *И. И. ЕЛИСЕЕВА*; д. ф. н. *Ю. И. ЕФИМОВ*;
акад. *Н. Н. КАЗАНСКИЙ*; проф., д. и. н. *А. Н. КИРПИЧНИКОВ*;
проф., д. ф. н. *Э. И. КОЛЧИНСКИЙ*; проф., д. ф. н. *С. А. КУГЕЛЬ*;
проф., д. и. н. *Е. И. КЫЧАНОВ*; акад. *А. В. ЛАВРОВ*; проф., д. п. н. *В. П. ЛЕОНОВ*;
чл.-кор. РАН *И. П. МЕДВЕДЕВ*; чл.-кор. РАН *С. И. НИКОЛАЕВ*;
чл.-кор. РАН *Е. Н. НОСОВ*; проф., д. и. н. *Ю. А. ПЕТРОСЯН*;
чл.-кор. РАН *М. Б. ПИОТРОВСКИЙ*; д. и. н. *В. Н. ПЛЕШКОВ*;
проф., д. и. н. *И. Ф. ПОПОВА*; проф., д. ф.-м. н. *Л. А. РУХОВЕЦ*;
чл.-кор. РАН *Н. Н. СКАТОВ*; акад. *И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ*;
к. ф. н. *Ю. П. ТРЕТЬЯКОВ*; проф., д. ф.-м. н. *Э. А. ТРОПП*; д. и. н. *И. В. ТУНКИНА*;
д. и. н. *Ю. К. ЧИСТОВ*

*Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке
Научной программы СПбНЦ РАН 2008 года*

ISBN 978-5-02-025618-7

© Санкт-Петербургский научный центр РАН,
2009
© Издательство «Наука», оформление, 2009

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. К. ОГЛОБЛИН, В. С. ХРАКОВСКИЙ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Введение

Современная типология представлена различными научными направлениями, которые отличаются друг от друга и по объекту, и по методам исследования, и по ближайшим конкретным результатам, и по перспективным целевым установкам. Свои особенности с этой точки зрения присущи и так называемой Петербургской (Ленинградской) типологической школе, базовым центром которой в настоящее время служит Лаборатория типологического изучения языков (ЛТИЯ) Института лингвистических исследований РАН. В 2011 г. исполняется 50 лет с момента возникновения этого направления — одного из основных в современной лингвистической типологии, теоретические положения которого, по словам одного из ведущих современных типологов Б. Комри, «выросли из описаний и аналитической работы и тем самым отражают по крайней мере один важный аспект Лейбница идеала *theoria cum praxi*, теории с практикой». ¹ Грядущий юбилей побуждает и обязывает нас попытаться в сжатом виде охарактеризовать результаты работы школы за прошедший период.

Авторам настоящей статьи, которые являются участниками работы ЛТИЯ с момента ее основания, уже не раз приходилось знакомить читателей с творческой биографией основателя школы проф. А. А. Холодовича и теоретической программой школы, реализуемой в коллективных и индивидуальных монографиях, а также статьях, публикуемых сотрудниками ЛТИЯ. ² Поэтому основная

¹ Reciprocal constructions / Ed. by V. P. Nedjalkov, with the assist. of E. S. Geniushe and Z. Guenchéva. Amsterdam; Philadelphia, 2007. Vol. I—V. P. XVIII.

² *Оглоблин А. К., Храковский В. С.* А. А. Холодович. 1) Творчество и научная школа / Типология и грамматика / Отв. ред. В. С. Храковский. М., 1990. С. 5—20; 2) А. А. Холодович: теоретические основы творчества // Проблемы типологии и общей лингвистики. Мат-лы междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. СПб., 4—6 сент. 2006. СПб., 2006. С. 94—102; 3) Петербургская типологическая школа // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований / Отв. ред. Г. Г. Сильницкий. Вестник Смоленского гос. ун-та. Сер. 1: Филология. Т. 1. Смоленск, 2007. С. 74—90; 4) Группа типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР: теоретическая программа, исследо-

цель этой публикации состоит в том, чтобы привлечь внимание к тем новым знаниям, которые были получены участниками школы в опубликованных ими работах. Такая базовая установка позволяет нам лишь кратко напомнить о теоретических взглядах проф. А. А. Холодовича, которые легли в основу программы основанного им творческого коллектива.

Создавая в 1961 г. типологическую группу и формируя ее научную программу, проф. А. А. Холодович опирался на щербовское понимание грамматики, согласно которому «вся грамматика в целом фактически со всеми ее разделами мыслится ... не как учение о формах, а как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, их (смыслов) формальными показателями».³ Из такого определения грамматики, в котором ключевую позицию занимает понятие соответствия, вытекают два важных следствия, кажущиеся в наши дни вполне тривиальными.

Следствие первое. Указанное соответствие между смыслами и формами предопределяет возможность двух типов грамматических описаний. Одни описания имеют на «входе» смыслы, а на «выходе» — формы. Эти описания моделируют речевую деятельность говорящего, который в своей речевой продукции кодирует определенное смысловое содержание, выбирая для него наиболее подходящие в данном конкретном случае средства его выражения. Такие описания принято называть функциональными. Другие описания имеют на «входе» формы, а на «выходе» — смыслы. Их принято называть формальными. Они моделируют речевую деятельность слушающего, который слышит речь, воспринимаемую как акустический объект, и декодирует услышанное. Отметим, что типологически ориентированные исследования в большой мере являются функциональными.

Следствие второе. Наличие соответствия между смыслами и формами предопределяет возможность относительно независимого описания смыслов. В целях исследования можно разорвать ту пуповину, которой смыслы намертво связаны с выражающими их формами, и которая, как известно, сама разрывается у больных с различными видами афазии.⁴

Разделяя щербовское понимание грамматики, А. А. Холодович был к тому же, вслед за А. А. Дмитриевским и Л. Теньером, последовательным вербоцентристом, опиравшимся на гипотезу о доминирующей роли глагола и его категорий в структуре предложения.⁵ Если учитывать оба названных обстоятельства, а именно понимание А. А. Холодовичем грамматики как соответствия между смыслами и формами и его представление о ведущей роли глагола и его категорий в структуре предложения, то из них естественно вытекает научная программа, которая заключается в типологическом исследовании содержательных грамматических категорий, связанных с синтаксисом предложения.

вательские принципы, рабочие приемы // Вопросы языкознания. 1991. № 4. С. 96—111; 5) Школа Холодовича // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 151—173. В основу настоящей статьи положена публикация А. К. Оглоблина, В. С. Храковского «Петербургская типологическая школа», дополненная более новыми сведениями.

³ Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982. С. 69.

⁴ Лурия А. Р. Травматическая афазия. М., 1947.

⁵ Холодович А. А. Проблемы грамматической теории / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1979.

Выбор в качестве объекта исследования глагола, глагольных категорий и соответственно глагольных конструкций, связанных трансформационными и деривационными отношениями, по существу и определил круг вопросов, на которые следовало получить ответы в процессе конкретных исследований. Вот их примерный и далеко не полный перечень. Какие типы категориальных значений реализуются в синтаксических оппозициях глагольных конструкций? Можно ли составить каталог таких значений? Будет ли этот каталог включать только универсальные значения или также значения, специфичные для языков различного строя, или, может быть, разной генетической принадлежности? Можно ли выявить закономерности формальной организации конструкций, выражающих определенное грамматическое значение, и установить типологию формальных средств, используемых для его выражения? Эти вопросы составляют анкету, в соответствии с которой в ЛТИЯ были проанализированы каузатив, залог (актив/пассив), рефлексив, реципрок, результатив, глагольная множественность (мультипликатив/дистрибутив/итератив), императив, а также значения непредикатных глаголов (модальные, таксисные, каузативные, пассивные, бенефактивные, аспектуальные, темпоральные, отрицательные), которые функционально сближаются с содержательными грамматическими категориями знаменательных глаголов. К этому перечню следует добавить условные и уступительные конструкции и, кроме того, таксисные конструкции, работа над типологическим описанием которых закончена, а коллективная монография, посвященная этим конструкциям, в настоящее время находится в печати.

Важно учитывать, что конкретные исследования всегда увязаны с перспективными целевыми установками. По гипотезе А. А. Холодовича, содержательные грамматические категории глагола, если абстрагироваться от выражающих их форм, представляют собой семантические признаки, состоящие из ряда однородных значений. Такие семантические признаки, как любил говорить А. А. Холодович, образуют библиотеку универсальных смыслов, создание которой и составляет сверхзадачу исследования. Вместе с тем, с его точки зрения, было важно учитывать все возможные формальные средства, используемые для выражения определенного смысла, а также все морфолого-синтаксические средства, маркирующие переход от семантически исходной конструкции, к семантически производной. Таким образом, можно говорить о двух составляющих тех исследований, которые проводились и проводятся в ЛТИЯ. Одна составляющая — универсальная: ее ведению подлежат семантические признаки и их значения, другая составляющая — типологическая: ее ведению подлежат все те средства, посредством которых как в различных языках, так и в одном и том же языке маркируются значения исследуемых семантических признаков.

Что касается проблемы соотношения объекта и метода его исследования, то в этом вопросе сотрудники ЛТИЯ опираются на тезис Э. Бенвениста, утверждавшего, «что в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого ее определяют».⁶ Иными словами, наше видение объекта возникает сквозь призму действия некоторой системы гипотез об устройстве и функционировании изучаемого объекта. Фактически мы видим то,

⁶ Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. IV. С. 434.

что знаем, т. е. руководствуемся определенной теорией и предлагаемым ею методом исследования конкретного объекта, которые и отвечают за то, каким исследователь видит изучаемый объект.⁷ За исследователем, разумеется, остается право выбора теории, но если выбор сделан, то уже теория диктует правила игры. Теория может быть эксплицитно изложена, но может оставаться имплицитной, она может быть внутренне непротиворечивой, но может быть и эклектичной, она может быть формализованной в той или иной степени, а может быть и неформализованной. Наконец она может отчетливо осознаваться либо может оставаться в какой-то мере и неосознанной, но она должна быть. Весь вопрос в том, какая теория наиболее приемлема для типологически ориентированного описания грамматических категорий глагола. Для нас очевидно одно. Такая теория должна быть универсальной, т. е. включающей в сферу своего действия любой конкретный язык, хотя, разумеется, каждая отдельная типологическая работа учитывает данные заведомо ограниченной эмпирической выборки.

Из сказанного вытекают следующие принципиально важные выводы. Любые теоретические положения, выдвигаемые в типологической работе, остаются эмпирически не проверяемыми, т. е. не могут быть верифицированы, поскольку мы до сих пор даже не знаем, сколько живых языков имеется в настоящее время в мире, не говоря уже об исчезнувших языках и о тех языках, которые могут возникнуть в будущем. К тому же мы, откровенно говоря, не до конца представляем себе, какую выборку языков можно считать необходимой и достаточной для того, чтобы сделанные утверждения обладали хотя бы минимальной объяснительной силой: 20, 30, 100, 500? Разумеется, чем больше выборка, в которой при этом представлены языки, отличающиеся друг от друга генетически, типологически и ареально, тем надежнее типологически релевантные результаты. Но самое важное заключается в том, чтобы интересующий исследователя лингвистический объект, представленный в языках выборки, был исчерпывающим образом описан в рамках концепции, на которую исследователь опирается в своей работе. Дело в том, что хорошие и подробные описания различных языков, выполненные в рамках других концепций, могут либо вообще не отвечать на вопросы, интересующие данного исследователя, либо давать ответы, не адекватные с позиции его теории.

Любое семантическое определение такого сложного объекта, каким является грамматическая категория, предполагает и допускает его структурирование. В работах ЛТИЯ структурирование категорий, там, где это удается, а удается это далеко не всегда, проводится с помощью исчисляющих классификаций или просто исчислений. Особенность исчислений состоит в том, что их базу составляют диагностические семантические признаки, комбинаторика значений которых исчерпывает все теоретические реализации изучаемой категории. Указанные признаки, и это надо подчеркнуть, отбирает сам исследователь, анализируя имеющиеся описания и эмпирические данные различных языков. Тем самым от его лингвистической интуиции зависит адекватность предлагаемых исчислений.

Исчисления моделируют потенциальные характеристики языковой системы, тогда как в конкретных языках обычно реализуется лишь часть логических

⁷ Храковский В. С. Роль теории в грамматическом описании // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 6. С. 21—25.

возможностей, предусмотренных исчислением. Иными словами, исчисления объясняют и наблюдаемые факты, и факты, которых в данном языке или вообще в языках нет, но в принципе могли бы быть. Исчисления важны как для типологического, так и для конкретно-языкового описания категорий, поскольку некоторые логические возможности, предусмотренные исчислением, могут не обнаруживаться в формальных парадигматических системах конкретного языка и потому не учитываются в традиционном описании.

Соотношение семантики и синтаксиса исследуемых конструкций в работах ЛТИЯ представлено единицами двух рядов. Основными синтаксическими единицами в большинстве описаний конкретных языков служат члены предложения — сказуемое и его актанты (подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение). Синтаксической вершиной предложения признается сказуемое. При идентификации актанта учитывается его позиция относительно сказуемого.⁸ В ЛТИЯ проводилось также специальное исследование соответствий между различными представлениями синтаксической структуры: традиционной грамматикой, грамматикой Теньера, грамматикой зависимости и грамматикой непосредственно составляющих, см. работу И. Б. Долиной.⁹

В семантике различаются субъект, объект и второй объект. Второй объект при необходимости конкретизируется в виде некоторых более частных значений как адресат, бенефициент, орудие и пр. Более частные значения могут характеризовать и субъект (лицо, стихия и пр.), а также первый объект с различием его предметного или ситуационного значения (см. ниже о конструкциях с предикатным актантом).

Синтаксические конструкции, как уже упоминалось, рассматриваются как члены грамматических оппозиций, между которыми, как правило, существуют отношения производности. Устанавливаются также соответствия между членами предложения, обозначающими идентичные или сходные семантические роли соотнесенных конструкций (см. ниже о диатезе).

Производный или исходный характер конструкции определяется по разным критериям. Главным образом учитывается относительная синтаксическая и морфологическая сложность конструкций с выделением немаркированных и маркированных форм глагола и других компонентов морфосинтаксиса. При исследовании понятия диатезы были введены и другие критерии исходности производности, в частности критерий иконичности синтаксических структур предложения.¹⁰ Отмечается, однако, и возможность ненаправленного соотношения конструкций и симметрии маркирования (такое соотношение аналогично эквиолентным оппозициям в фонологии).

Эскизно очертив теоретические установки, которые лежат в основе исследований, проводившихся и проводимых в ЛТИЯ, перейдем к характеристике тех результатов, которые были получены сотрудниками ЛТИЯ за минувший

⁸ См., например: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974. С. 196 и след.

⁹ Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1969. С. 294—310.

¹⁰ Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. С. 12. См. также несколько критериев о языках яванской группы, приведенных в книге: *Оглоблин А. К.* О соотношении актива и пассива в языках яванской группы // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1978. С. 251—258.

период. Здесь мы будем следовать тому плану, который был намечен и осуществлен Н. А. Козинцевой в ее приложении к нашей статье, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания».¹¹

Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив (1969)

Первой коллективной монографией, подготовленной к печати в ЛТИЯ, была книга «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив».¹² В ней отмечается, что в принципе возможно образование каузативных конструкций тремя способами: изменением морфологии глаголов (морфологический каузатив), применением служебных и знаменательных глаголов (аналитический каузатив) или использованием иной лексической единицы (супплетивно, как рус. *есть-кормить*; лексический каузатив),¹³ однако непосредственным объектом исследования в этой работе является только морфологический каузатив, хотя при описании материала изолирующих языков рассматриваются конструкции со служебными глаголами.

Впервые в этой монографии на базе универсальной классификационной схемы, предложенной В. П. Недеялковым и Г. Г. Сильницким и опирающейся на единую систему терминов и понятий, было предпринято описание каузативных конструкций в 15 разноструктурных языках. Исследование проводилось, с одной стороны, в направлении от смысла к форме, а с другой — в направлении от исходной (некаузативной) конструкции к производной каузативной. Базовые семантические понятия, используемые в монографии: ситуация, каузативное отношение, каузативная (макро)ситуация. Основным объектом исследования в монографии были исходные и производные синтаксические конструкции, в которых реализовалась оппозиция: «исходная ситуация → производная каузативная ситуация», и при этом маркером производности служил аффиксальный или иной морфологический показатель в глаголе, имеющий каузативное или декаузативное (=антикаузативное) значение.

Морфологический каузатив рассматривался как самостоятельная (незалоговая) грамматическая категория, которая увеличивает на единицу число валентностей исходного глагола и тем самым меняет структуру предложения.¹⁴ Аналогично декаузатив рассматривался как категория, которая уменьшает на единицу число валентностей исходного глагола и тоже меняет структуру предложения.

¹¹ Козинцева Н. А. Приложение. (Результаты работы группы за 30 лет) // Храковский В. С., Оглоблин А. К. Группа типологического изучения языков ЛЮ Института языкознания АН СССР: теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы. С. 108—111.

¹² Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1969.

¹³ Ср. также: Недеялов В. П., Никитина Т. Н., Храковский В. С. О типологии побудительных конструкций // Лингвистическая типология и восточные языки. Мат-лы конф. М., 1965. С. 217—228.

¹⁴ В современном языкознании морфологический каузатив рассматривается как представитель так называемой повышающей актантной деривации (Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000). Оговорка требуется для каузативов от глаголов эмоций.

В монографии, очевидно, впервые было введено в научный оборот представление об аналогии между деривацией синтаксических конструкций и словообразованием, а также эксплицитно выделены универсальные семантические типы каузации (фактитивность, пермиссивность, ассистивность).

Также впервые в монографии были выделены и проиллюстрированы те значения, которые дополнительно могут иметь каузативные и декаузативные показатели. Тем самым были намечены контуры семантической области, включающей в той или иной степени родственные значения. Были выявлены некоторые вероятностные универсалии, например: «наличие каузативов от переходных глаголов имплицитно указывает на наличие в языке каузативов от непереходных глаголов».

Кроме того, в монографии было специально обращено внимание на то, что каузативный показатель, очевидно, является единственным показателем, который может дублироваться в глагольной словоформе до трех раз и тем самым фактически было построено исчисление каузативных конструкций, хотя сам термин «исчисление» в монографии еще не использовался.

Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого (1974)

Следующая коллективная монография, подготовленная в ЛТИЯ, — это «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого».¹⁵ В этой книге на базе теоретической концепции, разработанной И. А. Мельчуком и А. А. Холодовичем,¹⁶ по единому плану были описаны пассивные конструкции в 14 разноструктурных языках. При этом в отличие от предыдущей монографии, где в основном рассматривались каузативные конструкции со специализированным морфологическим показателем в глаголе, в этой работе рассматривались любые пассивные конструкции, независимо от техники маркирования пассивного значения (будь то морфологический или аналитический показатель в глаголе, или же маркирование не затрагивало глагол).

Основным базовым понятием теоретической концепции (см. вводную главу В. С. Храковского) было впервые введенное в научный оборот универсальное семантико-синтаксическое понятие диатезы, которое определялось как соответствие между единицами семантическими (партиципантами, участниками ситуации глагола) и синтаксическими — актантами глагольной лексемы, представленной в синтаксической конструкции определенной словоформой. Другим базовым понятием теоретической концепции было не-универсальное, морфологическое понятие залога. Залог в этой концепции рассматривался как маркер в глагольной словоформе определенной диатезы. Важная особенность этой концепции состояла в том, что она позволила предложить исчисление пассивных конструкций, которое включает все пассивные конструкции, которые теоретически могут быть построены из одной исходной активной конструкции. Были также сформулированы признаки, характеризующие исходную (активную) конструкцию в терминах соответствия референ-

¹⁵ Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого.

¹⁶ Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4; Холодович А. А. Проблемы грамматической теории / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1979. С. 277—292.

тов, семантических и синтаксических единиц, а также введено представление об иерархии семантических и синтаксических понятий.

Было признано, что понятие синонимии синтаксических конструкций является относительным, и было предложено различать четыре уровня синонимии: 1) уровень лексикографического толкования глагола, 2) уровень лексем, входящих в окружение глагола, 3) уровень грамматических значений, 4) уровень коммуникативной рамки. О полной синонимии синтаксических конструкций можно говорить лишь при наличии синонимии на всех четырех выделенных уровнях. В этой связи было показано, что ни одна из производных пассивных конструкций, будь то трехчленная с агентивным дополнением или двучленная без агентивного дополнения, не является полным синонимом исходной активной конструкции. Трехчленная пассивная конструкция не является синонимом активной на уровне коммуникативной рамки, а двучленные пассивные конструкции не являются синонимами активной конструкции на уровне лексем и (часто) на уровне грамматических значений.

В рамках предложенной концепции была предпринята попытка уяснить, является ли пассив только категорией языков номинативного строя или он также возможен в языках эргативного строя.

Было также установлено, что показатель пассива в разных языках «по совместительству» может также выражать: 1) результативное значение, 2) возвратное значение, 3) взаимное значение, 4) модальное (потенциальное) значение, 5) каузативное (пермиссивно-рефлексивное) значение.

В главе об определении залога, написанной С. Е. Яхонтовым, исследован вопрос о возможности такого определения только на признаке мены модели управления. Соотношению залога и валентности посвящена глава, написанная Г. Г. Сильницким,¹⁷ в которой автор выдвигает аргументы в пользу рассмотрения залога как лексико-синтаксической категории.

В заключительной главе монографии, написанной А. А. Холодовичем, подведены некоторые итоги исследования. Приведены 8 основных видов производных пассивных диатез у двухвалентных и 6 — у трехвалентных глаголов, а также некоторые более специфические. В языках, где каузатив и пассив имеют единый показатель (например, в маньчжурском), различие соответствующих конструкций сводится к глагольной валентности того и другого. Валентность глагола при образовании пассивных конструкций либо сохраняется, либо уменьшается на единицу. Исключения представляют конструкции, где объект представляет нечто принадлежащее субъекту исходной конструкции и отдельные конструкции от одновалентных глаголов (япон. *Амэва футтэ иру* ‘Дождь идет’ → *Бокува амэни фураарэта* ‘Я попал под дождь’), исторически происходящие от рефлексивного каузатива. В таких пассивных конструкциях валентность глагола в определенных случаях повышается на единицу.¹⁸

Отмечена симметрия маркировки актива и пассива в некоторых австронезийских языках.¹⁹

В изолирующих языках конструкция с подлежащим объекта строится как бипредикативная, причем в качестве главного используется глагол с семантикой ‘подвергаться’, ‘получать’ и пр. Таких глаголов может быть несколько,

¹⁷ Сильницкий Г. Г. Глагольная валентность и залог // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. С. 54—72.

¹⁸ Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. С. 372, 376.

¹⁹ Там же. С. 65, 377—378.

причем одни связаны с неблагоприятным, а другие с благоприятным воздействием на объект.

Были установлены возможные ограничения на образование пассивных конструкций, к которым прежде всего относятся: 1) значение глагола, 2) валентность глагола, 3) значение семантических единиц (партиципантов), 4) оформление синтаксических единиц (актантов).

Залоговые конструкции в разноструктурных языках (1981)

Основным предметом исследования в монографии «Залоговые конструкции в разноструктурных языках»²⁰ были рефлексивные (возвратные) и реципрокные (взаимные) конструкции, в меньшей степени пассивные и каузативные конструкции, т. е. все конструкции, в которых в соответствии с традиционной точкой зрения выступают разные залоговые формы глагола. Указанные конструкции были проанализированы на материале 12 разноструктурных языков.

Одна из глав, написанная Г. Г. Сильницким, посвящена пассиву в связи со статусом подлежащего в общетеоретическом плане.²¹ В главе, написанной И. Б. Долининой,²² о пассивном преобразовании исходных двухместных и трехместных конструкций английского языка вводится понятие гипердиатезы, в котором учитываются семантические компоненты предложения, непосредственно не связанные с значением глагола-сказуемого. Общетипологические соображения и соответствующие понятия и термины вводятся также в главах по отдельным языкам: армянскому (Н. А. Козинцева), бирманскому (В. Б. Касевич), китайскому (С. Е. Яхонтов), литовскому (Э. Ш. Генюшене), нивхскому (В. П. Недялков и Г. А. Отаина), индонезийскому (А. К. Оглоблин).

Теоретической новацией, предложенной в вводной части монографии (В. С. Храковский), было привлечение к анализу структуры предложения помимо уровней семантических и синтаксических актантов еще и уровень референтов. Это позволило углубить понятие диатезы и определить диатезу как соответствие между единицами трех уровней: семантических актантов, референтов и синтаксических актантов. Тем самым были найдены основания для трактовки рефлексива и реципрока как членов незалоговой категории, которая манифестирует все теоретические возможные соответствия между семантическими актантами глагольной лексемы и их референтами. Указанная теоретическая новация дала естественное объяснение наличию в некоторых языках глагольных форм, в которых совместно представлены показатели пассива и показатели рефлексива, показатели пассива и показатели реципрока, что было бы невозможно, если бы пассив, рефлексив и реципрок были бы членами одной категории залога, как считалось в традиционном языкознании.

²⁰ Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1981.

²¹ Сильницкий Г. Г. Предикативное отношение и его роль в пассивном преобразовании // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. С. 39—45.

²² Долинина И. Б. Особенности значения и способы языкового выражения предикатов в двупредикатных комплексах (на материале английского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. С. 42—50.

Данный подход позволил предложить следующую деривационную схему рассматриваемых конструкций. Из исходной активной конструкции на первом деривационном такте могут быть построены: 1) производная пассивная конструкция, 2) производная активная рефлексивная конструкция, 3) производная активная реципрокная конструкция. На втором деривационном такте из производной активной рефлексивной конструкции может быть построена производная пассивная рефлексивная конструкция, а из производной активной реципрокной конструкции — производная пассивная реципрокная конструкция (между рефлексивом и реципроком тоже возможны отношения производности).²³ Иначе говоря, было предложено описывать пассивы, рефлексивы и реципроки прежде всего в терминах семантики и синтаксиса, а не только в терминах морфологии, что было обычной практикой в традиционном языковедении.

В монографии было специально обращено внимание на то, что в типологических работах исходной базой исследования, основанием для сравнения может служить только значение, а результатом исследования должен быть инвентарь форм, в которых заданное значение реализуется как в одном и том же, так и в различных языках.

Категории глагола и структура предложения (1983)

В коллективной монографии «Категории глагола и структура предложения»²⁴ на материале 17 разноструктурных языков рассматриваются конструкции с так называемыми функторными глаголами, т. е. с глаголами, управляющими предикатными актантами (названиями ситуаций) и выражающими рамочные значения, специально предназначенные для того, чтобы присоединять пропозитивные значения. Конструкции с такими глаголами именуются конструкциями с предикатным актантом (КПА). К таким глаголам, в частности, относятся аспектуальные, темпоральные, модальные, пассивные, оценочные и другие глаголы, которые традиционно характеризуются как неполнознаменательные или даже служебные глаголы и которые функционально сближаются с содержательными грамматическими категориями знаменательных глаголов. В монографии дан теоретический анализ всех семантических классов этих глаголов, обнаруженных в рассмотренных языках и указаны их неглагольные соответствия в языках различных типов. Описание проводилось в соответствии с анкетой, которая была разработана в ЛТИЯ и опубликована в материалах специальной конференции.²⁵

Основу теоретической концепции, развиваемой в монографии (вводная глава, авторы В. Б. Касевич и В. С. Храковский), составило представление о многомерном устройстве семантической структуры предложения, в частности о том, что следует различать базовую пропозитивную структуру и рамочные

²³ См.: Залоговые конструкции в разноструктурных языках. С. 146.

²⁴ Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1983.

²⁵ Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Мат-лы всесоюз. конф. «Типологические методы в синтаксисе разноразностных языков». 14—16 апреля 1981 г. Л., 1981. С. 3—6.

модальную и информационную структуры. В рамках этого подхода была специально обоснована необходимость включения в сферу грамматики строевой лексики, выражающей различные рамочные значения, и тем самым была подчеркнута важность преодоления узко морфологического подхода к грамматике. Кроме того, этот подход создавал предпосылки для выработки семантического языка, в терминах которого можно было бы описывать и грамматику и грамматическую лексику.

Эта теоретическая концепция исходит из деления значений-функторов, способных подчинять другие значения (переменные аргументы), на предикаты, у которых первая и вторая по рангу переменные — предметные, и непредикатные функторы, у которых единственная переменная, первая или вторая из двух или обе тоже являются функторами (условное обозначение такой переменной — Р). Выделяются непредикатные функторы одноместные, с одним Р, например, 'Возможно, что Р'; двухместные, у которых обе или вторая из двух переменных — Р, например, 'Р₁ предшествует Р₂', 'Х хочет Р'; и трехместные, у которых Р представлено только второй переменной, например, 'Х говорит Y-у, что Р'. В отношении средств выражения непредикатных функторов высказано предположение, что для одних их значений чаще всего избираются собственно-грамматические, служебные средства, для других — лексические (наречия, например, *обычно*), для третьих — «строевые слова» (например, аспектуальные глаголы, как нем. *pflegen* 'обычно (делать что-л.)').²⁶

Другие классификации КПА основаны на признаках факторов и этапов реализации действия и структуры его протекания (авт. Г. Г. Сильницкий), кореферентности субъектов и объектов главного и зависимого глаголов²⁷ (авт. В. П. Недеялков) и др. Часть глаголов с предикатным актантом выделена под названием модусных, в отличие от модальных и фазовых (авт. Н. А. Козинцева). Это глаголы речи, мысли, чувственного восприятия, эмоций и оценки.²⁸ Вопросы теории и различные фактические данные, касающиеся этой темы, изложены также в сборнике «Типология конструкций с предикатными актантами».²⁹ Сборник включает три раздела: 1) Вопросы теории конструкций с предикатными актантами, 2) Форма предикатного актанта и ее связь с семантикой главного глагола в языках различных типов, 3) Конструкции с предикатными актантами, образованные фазовыми, модальными, каузативными и модусными глаголами. Термин КПА был принят многими участниками сборника, авторами из различных городов и научных учреждений СССР.

²⁶ Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. С. 26—27.

²⁷ Недеялков В. П. О типологии конструкций с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Мат-лы всесоюз. конф. «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». С. 24—40.

²⁸ Козинцева Н. А. Конструкции с глаголами речи, мысли, чувственного восприятия, эмоционального отношения и оценки // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. С. 89—102.

²⁹ Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1985.

Типология результативных конструкций (1983)

В коллективной монографии «Типология результативных конструкций»³⁰ на материале 20 разноструктурных языков рассматривается категория результатива и ее связи с категориями перфекта и пассива. В соответствии с теоретической концепцией, развиваемой в монографии (авт. В. П. Недялков и С. Е. Яхонтов), результативом называется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие; стативом — форма, обозначающая состояние предмета, которое не предполагает предшествующее действие; перфектом называется форма, обозначающая действие в прошлом, последствия которого сохраняются в настоящем; а пассивом называется форма, обозначающая, что подлежащее предложения не соответствует субъекту действия или что субъект действия вообще не выражен в предложении. Высказывается предположение, аргументируемое конкретными фактами, что в соотношении указанных трех категорий в тех языках, где они генетически связаны, исторически исходным был результатив. Предложена классификация диатезных типов результатива, которая включает три основных: субъектный (большой частью производный от интранзитива), объектный, посессивный, (субъектный, производный от транзитива; впервые введенный тип), а также косвенно-объектный, субъектно-имперсональный и объектно-имперсональный и др. Указаны лексические ограничения на образование результативов и подчеркивается, что необходимым, но не всегда достаточным условием образования результатива является предельное значение глагола. Приведено исчисление логических возможностей соотношения в языке форм результатива и перфекта (в языке есть: 1) только перфект, 2) только результатив, 3) результатив и перфект, 4) в языке нет ни перфекта, ни результатива), результатива и пассива (в языке есть: 1) только пассив, 2) только результатив, 3) пассив и результатив, 4) в языке нет ни пассива, ни результатива). Разъяснено соотношение результатива с перфектом и акциональным пассивом, дифференцированы значения конкретно-результативное (наблюдаемого состояния) и общерезультативное. Конкретно-наблюдаемое состояние по смыслу практически совпадает со стативом (значение предшествующего воздействия может отсутствовать).

Различаются также обратимое и необратимое результативное состояния, отмечены возможные варианты морфологии результативных глаголов, диатез и деривационных историй результативных конструкций, прослежена сочетаемость глаголов с обстоятельствами времени. Выведены некоторые вероятностные универсальные импликации, например зависимость между наличием в языке субъектного и объектного результативов.

Специально в монографии обсуждается проблема соотношения понятий, обозначаемых терминами результатив и перфект с основными аспектологическими понятиями вида (аспекта), времени и таксиса, а также проблема эволюционного движения от древнего индоевропейского перфекта к перфектным формам современных индоевропейских языков (авт. Ю. С. Маслов). Указывается место результатива среди аспектуальных категорий (вид, предельность), причем результатив определен как особый перфектный вид, несоотносительный со сла-

³⁰ Типология результативных конструкций / Отв. ред. В. П. Недялков. Л., 1983. (Английское издание: Typology of resultative constructions / Ed. by V. P. Nedjalkov. Engl. transl. ed. by B. Comrie. Amsterdam; Philadelphia, 1988).

вянскими СВ и НСВ. Предлагается также универсалия исторической эволюции «статив > результатив (перфект состояния) > перфект действия (прошедшее предварительное, т. е. с таксисно-временным значением) > прошедшее», и дан обзор этой эволюции в группах хорошо известных языков европейского ареала.

Кроме того, в монографии проведен анализ семантической структуры глагольного значения, в рамках которого предложена фазовая семантическая модель глагольного значения, включающая десять функциональных классов: пять процессивных и пять каузативных, и указано место перфекта, пассива и результатива в рамках этой модели. Особое внимание обращено на то, что понятия результатива, статива, процессива, каузатива и декаузатива являются взаимообусловленными и взаимодействуют с категориями предельности, вида, перфекта (авт. Г. Г. Сильницкий).

Языки, проанализированные в книге, разделены на 5 групп по признакам значения (конкретно-результативного и других), многозначности формы (формальное совпадение/несовпадение результатива с пассивом) и ограничением на деривацию (по признаку переходности исходного глагола).

В английской версии монографии количество исследуемых языков увеличено до 23. Добавлена также глава С. Е. Яхонтова об исчислении результатива и заключительная глава И. Ш. Козинского, в которой сформулировано 12 проблем, требующих специального изучения. В этой же главе введено различие результатива и перфекта по признаку «обязательного/необязательного сохранения результата к данному моменту времени (точке отсчета)» и предложены имплицативные зависимости между разными разрядами результатива/статива.

Типология итеративных конструкций (1989)

Предметом исследования коллективной монографии «Типология итеративных конструкций»³¹ является категория глагольной множественности, которая по единой программе анализируется на материале 22 разноструктурных языков.³² В основу теоретической концепции, развиваемой в монографии (авт. В. С. Храковский), положена рабочая гипотеза, согласно которой естественным объектом аспектологического анализа является ситуация, выражаемая в предложении, а в рамках этого анализа при классификации значений количественной аспектуальности (значения интенсивности и длительности, которые обычно относятся к количественной аспектуальности, не рассматриваются) следует учитывать следующие факторы, взаимодействующие в предложении: 1) лексическое значение глагола, 2) денотативный статус актантов, 3) наличие аспектуально релевантных обстоятельств, 4) видо-временное значение глагольной формы. Показано, что важную роль при выражении множественности ситуаций играют категории имени (число, определенность/неопределенность), а также наличие местоименных кванторных слов. Проведена классификация обстоятельств, выражающих различные типы множественности ситуаций, в рамках которой выделены обстоятельства: а) цикличности, б) интерва-

³¹ Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1989. (Английский перевод: Typology of iterative constructions / Ed. by V S. Khrakovsky. München, 1997).

³² В английском издании монографии анализируется материал 24 языков.

ла, в) узуальности, г) кратности, д) комплексные. Установлена универсальная связь между типом лексического значения глагола и возможностью/невозможностью его квантификации. Выявлена связь между множественностью и ирреальностью, множественностью и таксисом.

В рамках концепции на базе двух семантических признаков, каждый из которых принимает два значения: (I) ситуация повторяется в один и тот же период времени, либо каждый повтор ситуации происходит в отдельный период времени; (II) в каждом повторе ситуации участники одни и те же, либо набор этих участников при каждом повторе ситуации не один и тот же, — предложено исчисление четырех теоретически возможных значений множественности ситуаций, из которых реализуются три: мультипликатив (период повторений общий, участники тождественны), дистрибутив (период повторений общий, участники нетождественны) и итератив (периоды повторений разные, участники тождественны). Каждое из этих значений представлено рядом частных вариантов, которые выделяются на основе дополнительно вводимых семантических признаков. Для обозначения вариантов значений множественности ситуаций разработана специальная терминология. Список терминов и их определение представлены в приложении к монографии.

В монографии представлены также альтернативные трактовки категории множественности, которые и по теоретическим установкам, и по аспектам исследования отличаются от концепции, которая положена в основу описания категории множественности на конкретном материале языков, исследуемых в работе. Л. А. Бирюлин представил модель квантификации предикатов, в основу которой положен специальный язык для описания семантических свойств оператора квантификации NUM. В этом языке используется понятие темпоральной пары с различными значениями ее компонентов, коррелирующими с тем или иным значением оператора квантификации. По мнению И. Б. Долининой, категория глагольной множественности представляет собой гетерогенную категорию и состоит из двух частных категорий темпоральной множественности и дистрибутивной множественности, которые отражают способы квантификации принципиально разных реалий. Г. Г. Сильницкий анализирует систему квантификаторов и квантитативные характеристики морфологических категорий имени и глагола на материале русского, английского, французского и немецкого языков. Автор выделяет два типа квантитативных оппозиций: 1) определенная/неопределенная квантификация, 2) скалярная/референциальная квантификация, которые иллюстрируют различные типы непосредственной квантификации, наряду с которой выделяется и опосредствованная квантификация. Он полагает, что семантическая категория квантитативности оказывает существенное влияние на конкретные морфологические категории имени и глагола и тем самым она должна быть отнесена к числу наиболее фундаментальных категорий.

Типология императивных конструкций (1992)

Коллективная монография «Типология императивных конструкций»,³³ очевидно, является первой работой, в которой с типологических позиций по

³³ Типология императивных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1992. (Английский вариант: Typology of imperative constructions / Ed. by V. S. Khrakovsky. München: Lincom Europa, 2001).

единой анкете, публикуемой в работе, анализируются и описываются повелительные конструкции в 23 разноструктурных языках, распределенных на пять групп: (1) языки, в которых формально однородная лично-числовая парадигма есть только в императиве (повелительном наклонении); (2) языки с лично-числовыми парадигмами и в императиве, и в других наклонениях; (3) языки, в которых императивная лично-числовая парадигма неоднородна и включает формы других наклонений; (4) языки, в которых эта парадигма тоже неоднородна и строится с участием служебных глаголов; (5) языки без парадигм императивных форм.

В основу теоретической концепции, развиваемой в монографии (авт. Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский), положено универсальное смысловое определение положительных / отрицательных повелительных предложений. В соответствии с этим определением исполнителем прескрипции, т. е. агенсом каузируемого действия, может быть любой из участников коммуникативного акта, т. е. говорящий, слушающий, а также лицо, не участвующее в коммуникативном акте, т. е. 3-е лицо и любая теоретически допустимая совокупность этих участников. Представленное в монографии исчисление включает 17 логических возможностей для заполнения позиции исполнителя прескрипции. Рассматриваются разновидности конструкций по другим параметрам: направленные на сохранение либо на изменение текущей ситуации, положительные и отрицательные (прохибитивные), а в составе последних превентивные; конструкции фактитивной и пермиссивной каузации, виды прямого и косвенного (описательного) побуждения, побуждения в интересах говорящего либо собеседника.

В работе приводится список возможных смысловых интерпретаций повелительных предложений, обусловленных социальными отношениями собеседников, и предлагаются толкования таких интерпретаций, как приказ, требование, просьба, совет, допущение, разрешение, запрещение. Далее предлагается модель универсальной императивной парадигмы глагола, которая максимально включает 8 лично-числовых форм, дается детальная характеристика каждой формы, входящей в парадигму, и отмечаются особенности взаимодействия семантики императива с категориями лица, числа, времени, вида, залога. В частности, предпочтение пассивного императива в австронезийских языках (индонезийский, яванский, тагальский, маори) коррелятивно отмеченным выше особенностям пассивного залога, его симметрии с активом.

Особо рассматривается формальная типология неотрицательных и отрицательных (прохибитивных и превентивных) императивных форм. Отдельно анализируются повелительные предложения с неимперативными формами глагола и употребление императивных форм в повелительных предложениях. К теоретическому введению приложена анкета для описания повелительных предложений.

В монографии также представлена особая концепция «склейки» в составе повелительного предложения трех составляющих: (а) апелляции, включающей отношение слушающего к прескрипции, (б) каузативного волеизъявления и (в) каузируемой пропозиции, подчиненной предыдущей составляющей (авт. И. Б. Долинина). Иными словами, повелительные предложения считаются семантически сложнопредикатными, а использование вспомогательных глаголов (рус. *давай(те)*, нем. *wollen (wir)* и др.) отражает различные характеристики двух первых составляющих.

Типология условных конструкций (1998)

Коллективная монография «Типология условных конструкций»,³⁴ можно думать, является первой работой, в которой с типологических позиций анализируются и описываются условные конструкции в 24 разноструктурных языках. Описание ведется по единой анкете, которая публикуется в монографии.

Хотя условным конструкциям в языкознании посвящено довольно много работ, однако практически все они исходят из тезиса, что условные конструкции естественного языка отражают логическую операцию импликации, а понятие материальной импликации является опорным для семантического определения условных конструкций. Вместе с тем у логики и лингвистики не вполне тождественные объекты исследования. Если лингвистику интересуют именно условные конструкции, то в логике исследуются имплицативные суждения, которые составляют всего лишь часть конструкций, имеющих право называться условными. К тому же для логики в принципе irrelevantно и содержание пропозиций в высказывании и наличие/отсутствие между этими пропозициями смысловой связи, тогда как в лингвистике обязательно наличие смысловой связи между пропозициями, обозначаемыми в высказывании. Если логика анализирует имплицативные суждения для того, чтобы установить, как с их помощью на базе существующих выводятся новые знания, то лингвистику условные конструкции интересуют как собственно языковой объект, имеющий свою смысловую и формальную специфику, которую надлежит выявить и описать.

В теоретической концепции, на которую опирается монография (авт. В. С. Храковский), исходной была гипотеза о том, что универсальному условному концепту 'ЕСЛИ' не может быть дано определение, поскольку он является семантическим примитивом. Этот концепт в различных языках выражается с помощью самых разнообразных средств: союзов, глагольных форм, интонации, порядка следования частей условной конструкции, семантики глаголов, контекста, конситуации, причем эти средства могут использоваться в комбинации друг с другом.

Каноническими синтаксическими конструкциями, в которых выражается условный концепт, являются сложноподчиненные предложения и предложения, осложненные оборотами с нефинитными формами глагола. В принципе языки делятся на две группы: в одной группе основным средством выражения условного значения служит сложноподчиненное предложение, в другой — предложение, осложненное оборотом. Концепция включает исчисляющую классификацию семантических моделей условных конструкций, в основу которой положены три параметра: 1) семантическая характеристика условных конструкций, выражающих либо выполнимую, либо невыполнимую возможность, 2) таксисная зависимость между условием и следствием, 3) временная отнесенность условия и следствия. Всего в исчисление входят 54 модели, из которых реально функционируют 16.

Среди условных конструкций, выражающих выполнимую возможность, центральное место занимают конструкции, в которых условие и следствие локализованы в будущем. Напротив, среди условных конструкций, выражающих

³⁴ Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1998. (Английский перевод: Typology of conditional constructions. Ed. by V. S. Khrakovsky. München, 2005).

невыполнимую возможность, центральное место занимают конструкции, в которых и условие, и следствие локализованы в прошлом. Семантически и формально к условным конструкциям наиболее близки причинные, временные (=таксисные), уступительные и сопоставительные конструкции.

Типология уступительных конструкций (2004)

Коллективная монография «Типология уступительных конструкций»³⁵ построена на материале 20 языков. В теоретическом введении (авт. В. С. Храковский) систематизируются данные по семантике бипредикативных конструкций со значением уступки, предлагается их классификация, исчисление семантических вариантов и обзор средств выражения.

Отмечается, что семантика уступительности, предполагающая сопоставление ситуаций уступки и обратной импликации («антиследствия»), противоречащих друг другу в норме языка или в данном контексте, относительно сложнее по сравнению с семантикой других бипредикативных конструкций и формируется в языке позднее как в филогенезе, так и в онтогенезе. Она образуется на базе значений причины, условия и противительности и особенно хорошо проявляется при сопоставлении с соответствующими конструкциями.

Различаются уступительные и условно-уступительные конструкции; те и другие могут быть негенерализованными и генерализованными, а условно-уступительные делятся на реальные и нереальные. В генерализованных конструкциях имеется обобщенный участник ситуации уступительной посылки (рус. *кто/что/где/куда бы ни* и т. п.), состоящий из неопределенного числа неназванных участников с потенциально различным (положительным, отрицательным) отношением к ситуации глагола.

Дополнительными семантическими признаками исследуемых конструкций является таксисное и временное соотношение обеих предикаций, а для условно-уступительных конструкций также значения реальности/нереальности (выполнимости/невыполнимости) условия. Так же как и в отношении условных конструкций, прошедшее время уступки и «антиследствия» предпочтительно сочетается с невыполнимым условием, а будущее — с выполнимым. Исчисление по этим признакам дает для собственно уступительных конструкций 27 логических возможностей, из которых в языках фактически реализуются всего 13, для условно-уступительных — 54 возможности, из которых реализуются всего 22.

В плане синтаксиса уступительные конструкции представлены двумя основными типами: союзные сложноподчиненные предложения и предложения с нефинитными оборотами (деепричастными и др.). Последние характерны для агглютинативных языков с конечным финитным глаголом (тюркские, тунгусо-маньчжурские, японский). Уступительность выражается также в бессоюзных предложениях, сложносочиненных предложениях и в соположении простых предложений.

В одном языке могут встречаться разные способы выражения уступки, но один из них при этом обычно преобладает и является прототипическим. В 13 ис-

³⁵ Типология уступительных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2004.

следованных языках прототипично сложноподчиненное предложение, в 6 — осложненное с нефинитным выражением уступки, в одном языке осложненное предложение используется для уступительной семантики, а сложноподчиненное для условно-уступительной (древнегреческий). В ряде языков, где глагол имеет различные формы времен, наклонений и других «несинтаксических» категорий, существуют правила их выбора для обеих частей конструкции (французский, болгарский и др.; в армянском языке имеется более 20 возможных сочетаний времен и наклонений глаголов главной и зависимой частей предложения).

В двух приложениях проанализированы русские конструкции со словом *хоть* (авт. В. И. Подлеская) и предложена анкета для описания уступительных конструкций.

Эвиденциальность в языках Европы и Азии (2007)

У этой книги необычная судьба. Она была задумана в середине 90-х гг. прошлого века Н. А. Козинцевой в духе выше перечисленных коллективных монографий. К сожалению, ей удалось только определить круг авторов предполагаемой коллективной монографии и подготовить для них анкету, на основе которой должно было проводиться исследование и описание категории эвиденциальности, «граммемы которой указывают, каким образом говорящий узнал о факте F^n ».³⁶ А затем случилось непоправимое. После неизлечимой болезни Н. А. Козинцева безвременно ушла из жизни. Тем не менее в Лаборатории типологического изучения языков было принято решение продолжить работу, начатую Н. А. Козинцевой, посвятив книгу ее памяти. Монография, точнее сборник, состоит из двух частей. Первая часть — «Теоретические проблемы эвиденциальности» — включает все ранее опубликованные работы Н. А. Козинцевой, посвященные этой категории («Типология категории засвидетельствованности», «Связи засвидетельствованности с другими грамматическими категориями», «Перфект в армянском языке в сопоставлении с болгарским», «Perfect forms as a means of expressing evidentiality in Modern Eastern Armenian», «Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка)». Во второй части — «Эвиденциальность в языках Европы и Азии» — представлены статьи российских и зарубежных ученых, в которых категория эвиденциальности с разной степенью подробности описывается на материале следующих языков: болгарского (авт. Р. Ницолова), литовского (авт. Б. Вимер), немецкого (авт. Б. Ханзен), французского (авт. Е. Е. Корди), дари (авт. Б. Я. Островский), сванского (авт. Н. Р. Сумбатова), багвалинского (авт. С. Г. Татевосов), коми (авт. М. Лейнонен, Е. А. Цыпанов), нганасанского (авт. В. Ю. Гусев), ненецкого (авт. М. Д. Люблинская, А. Л. Мальчуков), тюркских (авт. Х. Ф. Исхакова, Д. М. Насилов, И. А. Невская, И. В. Шенцова), алтайском (Е. К. Скрибник, А. А. Озонова), японском (авт. В. М. Алпатов), индонезийском (авт. А. К. Оглоблин). В эту же часть включена статья В. С. Храковского, в которой рассматриваются проблемы соотношения эвиденциальности, эпистемической модальности и (ад)миративности.

Всех авторов этой части сборника объединяет общее представление об источниках получаемой человеком информации, которые и составляют содер-

³⁶ Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Москва; Вена, 1998.

жание категории эвиденциальности. В принципе человек может получать информацию о каком-либо событии, будучи его непосредственным участником или наблюдателем ('я делал это/я видел это'), что, очевидно, гарантирует истинность приобретенной информации. Далее, человек может получить информацию о каком-либо событии на слух, в том числе от других лиц (я слышал это — например, шум подъезжающей машины; мне сказали это — например, что машина подъехала), что уже само по себе не гарантирует истинность приобретенной информации. Наконец, человек может получить информацию о каком-либо событии, опираясь на анализ некоторых наблюдаемых фактов, которые он рассматривает как прямые или косвенные результаты этого события ('я сам не видел этого, но то, что я вижу, позволяет мне утверждать, что это событие имело место'), что также не гарантирует истинность приобретенной информации. Наконец, человек может получить информацию о каком-либо событии, опираясь на анализ своей базы данных ('я сам не видел этого, но то, что я знаю, позволяет мне утверждать, что это событие имело место'). И теперь человек может оценивать эту информацию либо как достоверную, либо как не вполне достоверную. Из сказанного следует, что семантическая категория эвиденциальности принимает два значения: 1. Семантически немаркированная прямая эвиденциальность (говорящий получает/воспринимает сообщаемую информацию непосредственно — экспериентив); 2. Семантически маркированная косвенная эвиденциальность (говорящий сообщает получаемую информацию опосредованным образом, преимущественно через промежуточную инстанцию). Граница между прямой и косвенной эвиденциальностью, а также значения, которые принимает прямая и косвенная эвиденциальность, не совпадают в различных языках.³⁷

За последние 30—40 лет категория эвиденциальности стала объектом основательного изучения, в ходе которого были получены важные результаты в плане интерпретации этой категории, ее типологической характеристики, а также с точки зрения представленности этой категории в различных разноструктурных языках.³⁸ Вместе с тем можно думать, что данный сборник содер-

³⁷ Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3. С. 92—104; Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.

³⁸ Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). С. 92—104; Ницолова Р. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 108—112; Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой; Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford; New York, 2004; Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Evidentials and areal typology: a case-study from Amazonia // Language Sciences. 1998. N 20. P. 241—257; Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology / Ed. by W. Chafe and J. Nichols. Norwood; New Jersey, 1986; Friedman V. A. Toward a typology of status: Georgian and other Non-Slavic languages of the Soviet Union // The Elements: A parasection on linguistic units and levels. Chicago, 1979. P. 339—350; Friedman V. A. 1) Admirativity and Confirmativity // Zeitschrift für Balkanologie. 1981. N 1. S. 12—28; 2) Status in the Lac verbal system and its typological significance // Folia Slavica. 1984. Vol. 7. N 1—2. P. 135—149; Givón T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. 1982. Vol. 6. N 1. P. 23—49; Haan F. de. Evidentiality and epistemic modality: setting boundaries // Southwest Journal of Linguistics. 1999. Vol. 18. P. 83—102; Haan F. de. Encoding speaker perspective: Evidentialis // Linguistic Diversity and Language Theories / Ed. by Z. Frajzynger, A. Hodges, D. S. Rood. Amsterdam; Philadelphia, 2005.

жит важные сведения относительно сущности категории эвиденциальности, а также о функционировании этой категории как в языках, где она уже служила объектом пристального внимания, так и в особенности в тех языках, где эта категория практически не исследовалась. Хочется также надеяться, что этот сборник будет служить напоминанием о том, что Н. А. Козинцева была пионером изучения категории эвиденциальности в отечественной лингвистике и о том вкладе, который она внесла в изучение этой категории.

Типология реципрокальных конструкций (2007)

В 2007 г. вышла в свет на английском языке в серии «Исследования по типологии языков» коллективная монография «Реципрокальные конструкции» — самое масштабное типологическое исследование грамматических категорий глагола с позиций Петербургской школы.³⁹ Монография посвящена категории реципрокальности (взаимности) в языках мира и состоит из 5 томов общим объемом более 2200 страниц (работа над книгой продолжалась 8 лет).

Выражению исследуемой семантики в конкретном языке или группе языков посвящены 40 глав тт. II-IV, т. V содержит указатели, а в т. I обсуждаются вопросы теории реципрока. Первая глава этого тома (В. П. Недялков), основанная на анализе данных 300 языков, вводит ряд определений, разграничений и классификаций семантики и форм реципрокальных глаголов, слов других частей речи и реципрокальных конструкций. Среди производных видов реципрока различаются синтаксический (рус. *любит друг друга*, глагольные группы), морфологический (рус. *ссориться*, индонез. *surat-menyurat* ‘переписываться’) и клитический, промежуточный между тем и другим (нем. *sich umarmen* ‘обниматься’). Формы, представленные первым и последним примерами, объединены в тип местоименного реципрока. Формы, представленные первыми тремя примерами, встречаются в языках чаще других (с. 12).

Первостепенное внимание уделено в книге многозначности показателей, выражающих значение взаимности. Устанавливается вхождение реципрока в полисемию с рефлексивом, социативом и другими категориями (см. ниже), вхождение реципрока в формальные оппозиции с залогами (актив, пассив) в части языков, отмечаются связанные с этим различия валентности и управления глаголов, синтаксические особенности конструкций. Выделяются типы языков по показателям этих и других введенных различительных признаков.

В. П. Недялкову принадлежат также в этом томе обобщающие главы о формальных видах реципрокальных показателей, об их полисемии и о неглагольных словах с исследуемым значением. В отдельных главах обсуждаются

Р. 379—397; Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity or other? // *Linguistic Typology*. 1999. N 3. P. 91—110; L'Énonciation médiatisée / Ed. by Z. Guentchéva. Louvain; Paris, 1996; Palmer F. Mood and Modality. Cambridge, 1986; Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of Pragmatics*. 2001. 33 (3). P. 349—357; Wierzbicka A. Semantics and Epistemology: The Meaning of Evidentials in a Cross-Linguistic Perspective // *Language Sciences*. 1994. V. 16. P. 81—137; Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // *Studies in language*. 1988. Vol. 12. N 1. P. 51—97.

³⁹ Reciprocal constructions / Ed. by V. P. Nedjalkov, with the assist. of E. S. Geniusheva and Z. Guentchéva. Vol. I—V. Amsterdam; Philadelphia, 2007.

лексический реципрок, не произведенный от нереципрокальных глаголов (авт. Ю. П. Князев, на русском материале, например, *дружить*), пример полисемии реципрока, не ориентированного на различия диатезы и залога (авт. А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев, на материале латинского префикса *com-*), особый вид реципрока в языках банту (авт. Е. Маслова). Во всех этих главах выделено много тонких формально-смысловых особенностей изучаемых глаголов (также существительных, прилагательных, предлогов, как рус. *сосед, противник, близкий, сходный, между*) и конструкций. Главные виды последних по признаку соответствия членов предложения участникам взаимного отношения — конструкции простые (*simple*, с обозначением обоих соучастников в подлежащем: *Петр и Павел/Они соревнуются*) и раздельные (*discontinuous*; в них один из соучастников — комитативное дополнение: *Петр соревнуется с Павлом*); кроме того, конструкции делятся по соответствию подлежащего субъекту или объекту действия, а в посессивных конструкциях взаимность выражена посессивным определением к дополнению.

В. П. Недялковым и Э. Генюшене написана глава, содержащая весьма детальную анкету по реципроку, а Э. Генюшене в последней главе указала типологически релевантные свойства показателей взаимности, определяющие композицию материала в последующих томах.

Этот материал распределен на разделы по видам (и по наличию/отсутствию) многозначности показателей реципрока. В одном и том же языке эти показатели могут означать также: 1) возвратность, 2) совместность и близкие значения, 3) возвратность и совместность, 4) совместность и многократность. Встречается также 5) многозначность особого типа (*non-prototypical*) и 6) однозначность показателей реципрока. Далее в разделах языки делятся по формальным видам показателей, используемых в каждом из них: показатели глагольные (*verbal*, относящиеся к морфологическим, см. выше) либо местоименные, либо и те, и другие. Например, в немецком языке местоименным показателем могут выражаться реципрок и рефлексив (*sich setzen* ‘садиться’ и см. выше), кроме того, имеются реципрокальные префиксы (*entgegen-* ‘против, противно-, навстречу’ и др.). В японском суффикс *-a(w)*- образует и реципрок (*osi-a-* ‘толкать друг друга’) и социатив (*ue-a-* ‘сажать растения совместно’). Выделяется своей многозначностью префикс *mag-* в тагальском, означая помимо взаимности также возвратность, обычное/постоянное действие и пр. (*mag-usap* ‘беседовать’, *mag-ahit* ‘бриться’, *mag-bigas* ‘торговать рисом’). Некоторые главы т. II—IV весьма обстоятельны, занимая 60—70 страниц, и во многих редактор книги В. П. Недялков выступает как исследователь-соавтор.

Заключительная глава немецкого типолога М. Хаспельмата освещает дальнейшую перспективу исследований реципрока. Автор предлагает терминологически различать семантику и форму, сохраняя термины *реципрок/реципрокальный* только за формой, и вводит дополнительные термины. Предлагается также 26 имплицативных универсалий, вытекающих из содержания данной книги и других работ. Некоторые универсалии связаны со шкалой синтаксической автономности и продуктивности показателей реципрока. Так, развитие их многозначности находится в обратном отношении со степенью их автономности и продуктивности (соотношение, действительное в разных областях грамматики).

Среди авторов книги немало зарубежных лингвистов (Болгарии, Франции, Германии, Голландии, Японии и др.), но все описательные главы выдер-

жаны, как и в других коллективных монографиях Петербургской школы, в едином порядке и стиле представления данных. За создание этой монографии В. П. Недеялкову в 2008 г. присуждена премия имени акад. С. В. Ольденбурга.

Заключение

Суммируя изложенное, хотелось бы отметить следующее. Основной формой обобщений в типологии языков являются имплицативные универсалии. В работах Петербургской типологической школы таких обобщений сравнительно мало. Это объясняется тем, что в них главное внимание уделяется не соотношению отдельных признаков морфологических форм и синтаксических конструкций (ср. работы Дж. Гринберга), а сопоставимым описаниям конкретно-языкового выражения некоторой области грамматической семантики. Эта семантика имеет свою достаточно разветвленную структуру и достаточное разнообразие смысловых вариантов, что и приводит к необходимости пользоваться исчисляющими классификациями. Сложность семантики в свою очередь требует определенной степени детализации описания исследуемых конструкций в связи с системными особенностями каждого языка, которые в сжатом виде излагаются в каждой соответствующей главе каждой коллективной монографии, предоставляя читателю возможность уяснить место этих конструкций в языковой системе. Вместе с тем относительная независимость семантического представления в описании от указанных особенностей позволяет, можно надеяться, применить это представление и к другому, менее изученному языковому материалу. Как представляется, такая направленность и стратегия работы способствует дальнейшему исследованию соответствий между семантикой и грамматикой в языках разной структуры с возможно более точным учетом всех сопутствующих факторов их функционирования.

Завершая наш краткий и по сути реферативный обзор основных коллективных монографий, подготовленных ЛТИЯ, который можно рассматривать как своего рода путеводитель по этим работам, хотелось бы подчеркнуть, что все они имеют инновационный характер. К числу инновационных составляющих относится прежде всего типологический анализ материала ряда разноструктурных языков, причем в первую очередь материала, не почерпнутого из лингвистических описаний, а добытого и проанализированного участниками авторского коллектива. Далее инновационной составляющей является описание материала всех анализированных языков по единой анкете, а также использование исчисляющих классификаций. Инновационной составляющей может быть и тема исследования. В качестве примера можно назвать императив, которому традиционно не уделялось какого-либо внимания в теоретических и типологических работах.

Теоретическое обоснование направления исследований Петербургской (Ленинградской) типологической школы было создано проф. А. А. Холодовичем. В дальнейшем свою посильную лепту в разработку этого направления внесли также И. А. Мельчук (Москва /Монреаль), С. Е. Яхонтов (Санкт-Петербург), В. П. Недеялков (Санкт-Петербург), Г. Г. Сильницкий (Смоленск), В. С. Храковский (Санкт-Петербург) и другие лингвисты, а идеи Петербургской типологической школы — школы А. А. Холодовича — получили широкое распространение не только в России, но и за ее пределами.

Б. С. КАГАНОВИЧ

Е. В. ТАРЛЕ И ПЕТЕРБУРГСКИЕ МЕДИЕВИСТЫ

Памяти Виктора Ивановича Рутенбурга

История науки — это не только история научных идей и методов, но и история людей. Забывая об этом, мы нередко получаем засушенную, бесцветную и схематичную картину, очень далекую от многосложной реальности происходившего на самом деле. Представляется поэтому не лишенной смысла статья, посвященная не только научным, но и личным человеческим отношениям выдающихся русских ученых первой половины XX в. Собранные в ней материалы позволяют лучше понять научную и человеческую индивидуальность как знаменитого историка-новиста Евгения Викторовича Тарле (1874—1955), так и его современников-медиевистов, в первую очередь И. М. Гревса.

Когда в 1903 г. Е. В. Тарле приехал в Петербург и начал в качестве приват-доцента преподавание в университете, петербургская медиевистика вступала в самую блестящую пору своего существования. Вокруг относительно еще молодого профессора Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) складывалась школа, достигшая своего расцвета в последнее предреволюционное десятилетие и определившая во многом лицо ленинградской медиевистики также и в советское время. Имеются в виду такие ученики Гревса, как член-корреспондент Академии наук О. А. Добиащ-Рождественская, Л. П. Карсавин, А. И. Хоментовская, Н. П. Оттокар, Г. П. Федотов. С некоторыми из них жизненные и творческие пути Е. В. Тарле многократно пересекались вплоть до начала 1940-х гг., когда друг за другом умерли О. А. Добиащ-Рождественская, И. М. Гревс, А. И. Хоментовская. Следы этих контактов сохранились в архивах. Эти документы и положены в основу настоящей статьи.

В 12-томном собрании сочинений Е. В. Тарле имя Гревса встречается три раза. В 1901 г. Тарле рецензировал 2-й том выходившего под редакцией И. М. Гревса русского перевода труда Фюстель де Куланжа «История общественного строя древней Франции» и высоко оценил издание (единственный полный перевод этого монументального сочинения на иностранные языки). «Заметим, кстати, — писал Тарле, — что редактору принадлежит прекрасная статья о Фюстель де Куланже в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Еф-

рона. Статья эта указывает на то же чувство, какое обличается как предисловиями к обоим томам рецензируемого труда, так и самим исполнением перевода: на искреннюю любовь к научной индивидуальности покойного французского историка».¹

Второй раз Тарле упомянул Гревса в своей книге 1905 г. «Падение абсолютизма в Западной Европе». Изложив теорию экономической эволюции К. Бюхера, он замечал: «Чрезвычайно серьезные оговорки к его теории сделаны в капитальном труде И. М. Гревса „Очерки по истории римского землевладения“ (СПб., 1899)».²

Можно было бы ожидать, что между Гревсом и Тарле сложились хорошие товарищеские отношения, тем более что оба они принадлежали к группе «левых профессоров», оппозиционных царизму. (Тарле при этом считался более левым, чем кадет Гревс).

Но дело обстояло сложнее.

В 1901 г. в научно-популярной серии «История Европы по странам и эпохам в Средние века и Новое время», издававшейся под общей редакцией Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого, вышла книга Е. В. Тарле «История Италии в Средние века». И. М. Гревс, основной научной специальностью которого наряду с поздним Римом была именно средневековая история Италии, не был удовлетворен этой книгой. В печати по этому вопросу он не высказывался, но в конспекте его курса лекций, прочитанного в начале XX в., в обзоре литературы значится: «Русская популярная книжка Е. В. Тарле „История Италии в Средние века“ (в коллекции Ефрона) мало дает (коротко, спешно, поверхностно, библиография случайная)».³ Отзыв этот не вполне бесспорен. Конечно, книга Тарле не принадлежала к числу его лучших работ: она была написана очень быстро, не носила исследовательского характера и лично для Гревса ничего нового не содержала. Но, как бы то ни было, в течение нескольких десятилетий она была почти единственным на русском языке общим пособием по истории средневековой Италии и сыграла свою роль как учебное пособие.

В письмах известного русского историка А. Е. Преснякова находим несколько любопытных свидетельств, относящихся к нашей теме. 27 июня 1911 г. он писал жене из Парижа: «Тарле сидит в Библиотеке рядом со мной и на первых порах очень заботливо много помог мне».⁴ 5 июля 1911 г. ей же: «Поехал в Библиотеку. Занял место, пошел за книгами, вернулся, а напротив за столом сидит Гревс (...). Устроили перерыв для завтрака — Гревс, Тарле и я».⁵ На следующий день, 6 июля 1911 г. «Вчера позабавил меня Гревс. Он сам третьего дня сказал, что-де сегодня договоримся, как вместе время провести, а сам уклонился от завтрака вместе, а потом, когда закончились занятия, улизнул, даже не попрощавшись. Секрет, по-видимому, в том, что я с Тарле рядом сижу, а он ведь его недолюбливает».⁶

¹ Тарле Е. В. Сочинения. М., 1961. Т. XI. С. 267.

² Там же. М., 1958. Т. IV. С. 678. Ср. об этой книге Гревса: Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 20—28.

³ Гревс И. М. Лекции по истории Италии в средние века // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 131. Л. 171.

⁴ Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889—1927. СПб., 2004. С. 699.

⁵ Там же. С. 707.

⁶ Там же. С. 708.

Из переписки И. М. Гревса и Е. В. Тарле сохранились только четыре письма Тарле за 1907—1917 гг.⁷ Они адресованы Гревсу как декану историко-филологического факультета Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, профессором которых состоял Тарле, и связаны с обстоятельствами и деталями преподавательской работы. Одно из них, от 23 сентября 1909 г., опубликовано.⁸ Письма эти не свидетельствуют о сколько-нибудь близких отношениях между корреспондентами.

Министерство народного просвещения не допускало Е. В. Тарле, защитившего в 1911 г. докторскую диссертацию, к занятию профессорской должности в Петербургском университете и держало его на положении приват-доцента. В 1913 г. он стал наконец профессором университета в Юрьеве (Тарту). В этой связи представляет интерес письмо Е. В. Тарле к И. М. Гревсу от 19 сентября 1913 г.:

Глубокоуважаемый Иван Михайлович,

По приезде в Петербург я узнал, что в академических сферах распространяется кем-то слух, что «я отрекся от своих убеждений» и т. п. злостные клеветы. Даются и объяснения этому «отречению», их два: согласно первому я «отрекся» во имя получения кафедры в Юрьеве, согласно другому — с целью быть назначенным на ту кафедру, которую Вы покидаете или покинете [в начале 1914 г. исполнялось 30-летие учебной службы Гревса и он уходил в сверхштатные профессора. — *Б. К.*]. Все эти гнусности, от которых никто, впрочем, не застрахован, т. к. клевета не щадит никого, конечно, раздражают и волнуют меня одинаково, но несмотря на это я не мог удержаться от смеха, когда мне сообщили о том, что я желаю, по слухам, занять Вашу кафедру. Подлый клеветник тут перешел все границы глупости и наглости: кто он, впервые пустивший этот слух, я, к сожалению, не знаю.

Преданный Вам

Евг. Тарле.⁹

Интересный комментарий к этому письму и аналогичному письму к Н. И. Карееву¹⁰ находим в дневнике профессора Московского университета А. Н. Савина. В записи от 21 октября 1913 г. рассказывается о вечере у ректора М. К. Любавского. Присутствовали М. М. Богословский, Савин и другие профессора, а также петербургский гость С. Ф. Платонов. «Платонов передает, что в управлении Министерством народного просвещения весьма живое участие принимает близкая к Кассо г-жа Денисова, при покровительстве которой быстрою до смешного карьеру сделал прославившийся руками в кармане Бертольди, из молодых да ранний.¹¹ Заговорили о бывших опальных ученых, ныне получающих места по ведомству просвещения, вспомнили о Тарле. Платонов сообщил, что в петербургских профессорских кругах распространился слух,

⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 304.

⁸ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 192.

⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 304. Л. 5. См. также: *Каганович Б. С.* Е. В. Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 20.

¹⁰ См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 200.

¹¹ Информацию о скандалах вокруг фаворитки министра Л. А. Кассо Денисовой и чиновника министерства Бертольди можно почерпнуть из дневника жены С. Ф. Платонова Н. Н. Платоновой (ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5694. Л. 3, 5, 7).

будто для получения кафедры в Юрьеве Тарле принес начальству какое-то особое покаяние. Кареев и Лучицкий нашли нужным проверить этот слух, и Тарле будто бы дал письменное заверение в том, что он ни в чем не каялся начальству». ¹² Следует иметь в виду, что все участники описываемого вечера, за исключением либерала А. Н. Савина, были настроены достаточно консервативно.

Характеры И. М. Гревса и Е. В. Тарле были совершенно несходны. О Гревсе его ученик и друг Н. П. Анциферов писал в своих воспоминаниях: «Его особенно привлекали духовно прекрасные личности и, во всяком случае, те, кто был носителем (или искателем) правды. Таковы Августин, Франциск Ассизский, Данте. Это были его герои. В этом резкое отличие Ивана Михайловича от Евгения Викторовича Тарле, которого особенно привлекают сильные умом и волей, хотя бы совершенно аморальные лица (Наполеон, Талейран)». ¹³ Хорошо сказала о Гревсе и его ученица А. И. Хоментовская: «Он с высоты взирал на жизнь — в этом было его обаяние по контрасту с господствующим мелким практицизмом, в этом была и некоторая его ограниченность идеалиста, столь чуждого пороку, что он не чувял его». ¹⁴ Е. В. Тарле в письме к редактору журнала «Голос минувшего» С. П. Мельгунову от 13 марта 1915 г. назвал А. А. Корнилова, близкого друга Гревса (по его словам, «одного из немногих близких друзей юности, с которым сохранялось полное душевное единение» ¹⁵) — «слащавый мямля Корнилов». ¹⁶ Вероятно, подобный оттенок иногда проскальзывал у него и в отношении Гревса.

Меньше известно о контактах Тарле со старшими учениками Гревса, с которыми со всеми он был знаком. Нам довелось видеть экземпляр книги О. А. Добиаш-Рождественской «Церковное общество Франции в XIII веке. Ч. I. Приход» (Пг., 1914) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому профессору Евгению Викторовичу Тарле от автора. Петроград 10 окт. 1915». Переписка Е. В. Тарле и О. А. Добиаш-Рождественской не сохранилась. В конце 1920-х—начале 1930-х гг., когда готовилось и разворачивалось «Академическое дело», в квартире Ольги Антоновны было произведено несколько обысков. В письме к директору Публичной библиотеки (в которой она тогда служила) академику Н. Я. Марру, сообщая об этом и перечисляя изъятые документы, О. А. Добиаш-Рождественская писала: «Затем взяты у меня письма И. М. Гревса, И. Кареева, Д. М. Петрушевского, Е. В. Тарле». ¹⁷ В январе 1930 г. по этому сфабрикованному делу был арестован, а затем осужден Е. В. Тарле и его доарестный архив практически не сохранился.

Ученицей И. М. Гревса по Бестужевским курсам и медиевистом по первоначальному образованию была и И. И. Любименко, известная своими работами по истории отношений Англии с Московской Русью и по истории Петербургской Академии наук в XVIII в. 30 октября 1957 г. она писала члену-корреспонденту АН СССР С. И. Архангельскому: «С Евг. Викт. мы были знакомы

¹² Дневник А. Н. Савина. Тетрадь II. С. 51. ОР РГБ. Ф. 263 (в момент моей работы над этой рукописью она не имела обычного архивного номера).

¹³ Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 169.

¹⁴ Хоментовская А. И. Пройденный путь // Хоментовская А. И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995. С. 231.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 372. Л. 175.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 1315. Л. 61.

¹⁷ Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920—1930-х гг. / Публ. Б. С. Кагановича // Отечественная история. 1992. № 3. С. 106.

давно. В 1913 г. на конгрессе в Лондоне мы не раз бывали вместе на заседаниях, а потом он изредка бывал и у меня дома. Помню празднование в Доме ученых по поводу его избрания в академики. С. Ф. Платонов, с которым я сидела рядом, напирал на общественные услуги, которые он сможет оказать Академии при новой ситуации, как будто ставя его научные заслуги под сомнение (это в частном разговоре, конечно), но я всегда считала Е. В. интересным и талантливым историком. На моем 70-летнем юбилее главную речь он взял на себя».¹⁸

И. М. Гревс и его школа активно сотрудничали в журнале «Анналы», издававшемся в 1922—1924 гг. под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле (реальным редактором был Тарле, и редакция фактически помещалась у него в квартире). Больше всего в «Анналах» печаталась О. А. Добиаш-Рождественская, принявшая участие во всех четырех вышедших номерах журнала, но в числе его авторов мы находим также И. М. Гревса, А. И. Хоментовскую и Г. П. Федотова. В те же годы (1923—1924) в издательстве Брокгауз—Ефрон под общей редакцией Гревса выходила биографическая серия «Образы человечества», для которой «Наполеона» и «Бисмарка» должен был написать Е. В. Тарле. Однако книги эти тогда не вышли и не были написаны, вероятно ввиду приостановки серии.¹⁹ Сам Гревс написал для этой серии книгу о Данте, но и она осталась неопубликованной.

Несколько характерных упоминаний о И. М. Гревсе мы находим в письмах Е. В. Тарле 1920-х гг. Так, в письме от 19 февраля 1924 г. к профессору международного права В. Э. Грабарю (коллеге Тарле по Юрьевскому университету) можно прочесть: «Был тут юбилей Кони, очень удавшийся, в Академии и в Доме ученых. Жанчик Гревс, впрочем, произнес абсолютно бесполезную речь о Кони „как экскурсионисте“ (sic!), хотя Кони на двух костылях и никогда пешком не ходит. Уму неспостижимо, до чего может довести человека увлечение св. Франциском!».²⁰ Через три с лишним года, 20 июня 1927 г., сообщая о докладе в Ленинграде выдающегося московского медиевиста Д. М. Петрушевского, Тарле писал: «Приезжал Дм[итрий] Моисеевич, прочел замечательно интересный доклад с большим успехом. Он умеет брать темы. Это не то, что Жанчик Гревс, который под средними веками понимает любовь Данте к Виардо или Тургенева к Беатриче».²¹ Незадолго до того вышла книга И. М. Гревса «История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо» (1927). Думается, что иронию Тарле вызывала не столько тематика Гревса (он сам был мастером биографического повествования), сколько присущие его стилю сентиментальная патетика и морализаторство.

В этом же духе выдержаны отзывы о Гревсе в письмах Е. В. Тарле к жене. 7 ноября 1924 г. он писал ей из Парижа: «Значит тебе Ольга Антоновна [Добиаш-Рождественская. — Б. К.] понравилась? Она умная и ученая барыня. Умнее своего учителя Гревса в 46 раз и учнее его в 9 раз. И порядочнее в 216 000 000 раз. Пригласи ее на файфик после моего приезда. И меня пригласи».

¹⁸ Арх. РАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 37—38.

¹⁹ См. об этом в мемуарах тогдашнего владельца издательства: *Перельман А. Ф.* Воспоминания. СПб., 2009. С. 170—178.

²⁰ Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю (1918—1934) / Публ. Б. С. Кагановича // *Минувшее*. Вып. 23. СПб., 1998. С. 289.

²¹ Там же. С. 290.

Имеются в виду вечера, которые устраивала у себя Ольга Григорьевна Тарле. О том же в недатированном письме 1925 г. из Виши: «Читаю „Revue de deux mondes“. Занятная заметка о Мишле. Ведь была полоса этих болтунов — Мишле, Кинэ, Грановский. Ведь все это Ванюша Гр[евс] плюс талант (коего у Ванюши не имеется даже на два су)».²²

Эти шутивно-иронические, далеко не во всем справедливые²³ и, разумеется, совершенно приватные высказывания помогают лучше уяснить человеческое несходство Гревса и Тарле. И. М. Гревс был человеком пленительной мягкости и благородства, живым памятником русской культуры XIX в., во многом еще в ее тургеневском, усадебно-либеральном варианте. Роль его в развитии русской науки о Средних веках очень велика, но это была, скорее, роль Грановского, профессора-гуманиста и просветителя, «учителя науки». Как ученый Гревс действительно уступал О. А. Добиаш-Рождественской (которая, кстати сказать, была не «барыней», а в известном смысле классической русской интеллигенткой) — что он и признавал открыто, с редким благородством.²⁴ Не чужды Гревсу были и некоторая старомодная мягкотелость и прекраснодушие, абсолютно не свойственные Тарле.

С другой стороны, Гревс и близкие к нему люди склонны были усматривать в Е. В. Тарле черты циничного «реального политика»-макьявеллиста. Весьма деликатно этот мотив выражен в приведенных выше словах Н. П. Анциферова о различии любимых героев Гревса и Тарле. Очень интересны также замечания А. И. Хоментовской, относящиеся к несколько более позднему времени.

Выйдя в 1940 г. из заключения и поселившись (за невозможностью вернуться в Ленинград) в Вышнем Волочке, замечательный историк культуры итальянского Возрождения А. И. Хоментовская написала книгу о Лоренцо Валла. Е. В. Тарле, к этому времени восстановленный во всех своих званиях, старался помочь ей, обращался в различные редакции и рекомендовал к печати ее работы. 22 января 1941 г. А. И. Хоментовская писала своему другу Е. Ч. Скржинской: «Боюсь надеяться и все-таки надеюсь здесь на успех. Е. В. вернулся по отношению ко мне на старую зарубку — когда-то он охотно говорил со мной на научные темы. Его первое письмо занимало 2 больших страницы, второе — он вернул мне по моей просьбе мои фотокарточки, случайно попавшие в конверт — две малых страницы. Валла его задел по существу, чувствует „родную душу“! Обещает сделать все возможное, чтобы он увидел свет, обронил по поводу темы несколько интересных замечаний».²⁵

²² Оба письма цит. по кн.: *Каганович Б. С.* Е. В. Тарле и петербургская школа историков. С. 30.

²³ И. М. Гревс, безусловно, обладал своеобразным талантом, а уж в порядочности его никто никогда всерьез не сомневался.

²⁴ «Если я признаю за собою право называть О. А. ученицей, то ощущаю и обязанность признать ее превзошедшею своего первого учителя в историческом искусстве. Делаю это искренно, открыто, правдиво и свободно, считая, что по правде говорил Пелагий, современник и противник бл. Августина: „Добрый учитель всегда радуется успехам хороших учеников“», — говорил он. См.: *Гревс И. М.* О. А. Добиаш-Рождественская в годы учения (Воспоминания учителя) // *Добиаш-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие / Сост. Б. С. Кагановича. М., 1987. С. 295.

²⁵ Цит. по: *Каганович Б. С.* А. И. Хоментовская в последние годы жизни (по материалам ее переписки) // *Всеобщая история и история культуры.* Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 131.

Присмотримся к некоторым характеристикам Валлы в книге Хоментовской, увидевшей свет через 20 с лишним лет после смерти автора: «В нем импонирует огромный и неостывающий заряд умственной энергии, направленный на исследование и оценку всего круга современной ему духовной культуры». «Логическая смелость находила опору и в циническом складе его ума, который одинаково обнаруживается в произведениях и личном его поведении на протяжении всей жизни (...). В личном поведении Лоренцо Валла является куриалом, который усвоил себе раз и навсегда, что в курии все продажно». «Вместе с тем при всем практическом примиренчестве и житейском цинизме (...) он твердо и без оговорок в решающие моменты поддерживает свои основные выводы». «Противоречия в облике Лоренцо Валлы — противоречия между творчеством и послужным списком, между беспощадной смелостью мысли и уклончивостью тактики — не могут исказить внутреннего его единства».²⁶

В 1934 г. И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская и Е. В. Тарле вновь встретились на историческом факультете Ленинградского университета. Как кажется, в эти годы Гревс и Тарле научились лучше ценить друг друга, осознав, что, хотя в житейском плане некоторые их прежние взаимооценки, вероятно, не были лишены известных оснований, есть другой уровень, на котором оба они были по существу неправы. 20 июня 1936 г. И. М. Гревс писал своему другу акад. Д. М. Петрушевскому: «Видели ли Вы новую книгу Тарле о Наполеоне? Он презентовал ее мне. Это очень интересная работа и написана она очень колоритно и без выкрутас, обычные современные ссылки на основоположников марксизма здесь вполне уместны».²⁷ О. А. Добиаш-Рождественская писала тому же Петрушевскому 23 марта 1938 г.: «Другое дело, которое мучило И. М., — отказ ему комиссией Наркомпроса в ученой степени, для исправления чего он тоже хотел ехать в Москву. Я ему дала решительный совет: не обивать порогов в этой комиссии, но несколько выждать возможности получить эту степень от Ученого совета Института истории, право давать каковые этот совет недавно получил. Е. В. Тарле, с которым я беседовала на эту тему, дает всяческие гарантии поддержки».²⁸ (В конце концов ВАК все-таки присвоил Гревсу по совокупности трудов степень доктора исторических наук).

Один из ближайших друзей И. М. Гревса Д. И. Шаховской, до революции либеральный общественный деятель, в советское время занимавшийся изучением Чаадаева и декабристов (он был внуком декабриста Ф. П. Шаховского, внучатым племянником П. Я. Чаадаева и праправнуком историка М. М. Щербатова), писал Гревсу из Москвы 14 июня 1938 г.: «Очень интересный фельетон Тарле был в „Правде“, кажется 11-го (а может быть, 10-го) о фашистской геополитике. Хотелось бы знать суждение о статье специалиста-историка, как и вообще о научных достоинствах Тарле. На взгляд нашего брата, не искусственного в науке, его труды представляют громадный интерес не только как популяризация и практические заметки, но и в научном отношении».²⁹

²⁶ Хоментовская А. И. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.; Л., 1964. С. 124, 118, 141, 142.

²⁷ Арх. РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 49.

²⁸ Там же. Д. 63-1. Л. 18—19.

²⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 335. Л. 339.

Неизвестно, что ответил И. М. Гревс на это письмо, оказавшееся последним в их многолетней переписке: через несколько дней 77-летний Шаховской был арестован и вскоре погиб.

И. М. Гревс умер 16 мая 1941 г. У гроба его, как рассказывал автору ныне покойный член-корреспондент АН СССР, ученик Гревса и Тарле В. И. Рутенбург, Е. В. Тарле сказал: «Он был наш учитель и великий ученый. Низко кланяюсь великому ученому». В черновых набросках к своим воспоминаниям Н. П. Анциферов, не сумевший приехать на похороны, приводит письмо своего сына с рассказом о них: «Выступал академик Тарле, и когда он говорил о профессоре Гревсе как о таком профессоре, который умел на первой вступительной лекции перед началом курса так говорить, что на всю жизнь вдохновлял учеников изучать историю и что таких профессоров сейчас нет, его (Ив[ана] Мих[айловича]) ученик, пожилой человек, все время повторял: „Да, да, это правда“».³⁰

В 1945 г. в связи с отмечавшимся тогда 220-летием Академии наук Е. В. Тарле написал статью «К изучению истории Запада в Академии Наук», в которой читаем следующие строки: «К числу медиевистов, разработавших историю раннего средневековья, относится профессор И. М. Гревс, написавший очень вдумчивую и интересную книгу о первом зарождении средневековых форм феодализма в конце Римской империи. Гревс был замечательным научным педагогом, воспитавшим несколько очень талантливых историков (например, О. А. Добиаш-Рожественскую, автора ценной монографии по истории приходов в средние века, и др.)».³¹

Это и есть третье упоминание Гревса в собрании сочинений Тарле и хронологически последнее известное нам высказывание Е. В. Тарле о И. М. Гревсе.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 27. Д. 66. Л. 16.

³¹ Тарле Е. В. Сочинения. М., 1962. Т. XII. С. 105.

II. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

А. Н. В Л А С О В

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

(Краткий обзор и характеристика музейных коллекций,
материалов краеведов и местных изданий
на территории европейского Севера России)¹

В рамках научной программы «Свод русского фольклора» сотрудниками ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН были предприняты широкомасштабные поиски фольклорных источников в известных государственных архивах и хранилищах (Архив РГО, РО ИРЛИ и Фонограммархив ИРЛИ, Карельский ИЯЛИ РАН, Фольклорная комиссия Союза композиторов РФ, Государственный литературный музей, ОР РГБ и др.) и вузовских фольклорных архивах (МГУ, СПбГК, МГК, Института им. Гнесиных и т. д.).² Кроме известных фольклорных собраний планомерное и систематическое выявление фольклорно-этнографических источников было начато в музейных хранилищах, школьных коллекциях, библиотеках, частных собраниях краеведов Ленского (с. Яренск), Котласского (г. Сольвычегодск), Вилегодского (с. Ильинско-Подомское), Красноборского, Вельского (Вельск и Шенкурск), Каргопольского, Верхнетоемского, Виноградовского, Приморского районов Архангельской области; Тотемского, Верховажского, Никольского, Тарногского районов Вологодской области; Орловского, Котельничского, Лузского (Лальск) районов Кировской области.³

Предпринятая программа по выявлению фольклорно-этнографических источников показала, что все эти материалы дошли до нас в разнообразных письменных жанровых формах: этнографических очерках, отдельных главах в составе исторического исследования местного краеведа, публикациях (стать-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-04-00114а.

² Обзор известных фольклорных архивов содержится в статье: *Ипполитова А. Б.* Роль фольклорных архивов в современной фольклористической практике // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. М., 2010. С. 174—183.

³ В экспедициях принимали участие Е. А. Дорохова, А. И. Васкул, С. А. Жадовская, И. В. Козлова, О. А. Мамаева и студенты РГПУ им. А. И. Герцена.

ях) в краеведческих сборниках или альманахах, письменных воспоминаниях местных жителей, словарях местного говора, в практике составления фамильных родословных, полевых записях музейных сотрудников или любителей, сборниках одного составителя, репертуарных сборниках с самозаписью исполнителей и т. п. В редких случаях фольклорные записи хранятся на звуковых носителях, которые были обнаружены лишь в Сольвычегодском историко-художественном, Красноборском краеведческом и Афанасьевском музеях.

Нет никакого сомнения в том, что этот аспект собирательской практики был всегда в поле зрения серьезных исследователей: репертуарные сборники и сборники с самозаписями исполнителей (их копии) привозятся почти из каждой фольклорной экспедиции. По нашим наблюдениям, сбор подобных фольклорно-этнографических записей за последние 50 лет приобрел характер массового явления, которое иногда обозначается понятием «наивная» фольклористика.⁴ Ранние записи, хранящиеся в музеях, относятся к началу прошлого столетия, а наибольшее их количество приходится на вторую половину (1960—1990-е гг.). И все же эти материалы остаются на периферии современных исследований, поскольку пока не входят в сферу прямых интересов собирателей фольклора.

Такому отношению существует множество объяснений. Одно из них заключается в недостаточной аутентичности таких записей, в непрофессиональном подходе к записи фольклорного текста или этнографического репортажа со стороны местного собирателя (любителя, краеведа), поскольку им иногда допускалось прямое вмешательство в текст с целью «улучшить» его понимание, зачастую даже игнорировались паспортные данные об исполнителях и указания на место записи. Такие записи, с точки зрения профессиональных фольклористов, считаются недостоверными и сомнительными. По этой причине, как правило, мало что из таких материалов попадает в серьезные фольклористические издания.

И все же это явление заслуживает внимательного отношения со стороны исследователей-фольклористов и его следует характеризовать как процесс саморефлексии традиции, так как материалы широко публикуют в массовых исторических изданиях и серийных сборниках, а также в местной краеведческой литературе. Назовем только некоторые из них.

К явно неудачным издательским опытам за последние годы относятся такие местные публикации, как «К истокам народной мудрости. Сборник старинных песен, частушек из собрания В. В. Логачевой» (Каргополь, 1993); «Записки краеведа (из наследия С. Г. Третьякова) (Верхняя Тойма, 2008); Тунгусов А. А. «Кабы не Арза не река» (Архангельск, 2005).⁵ По материалам групповых поездок этнографов, объединившихся позднее в «Морское товарищество», была издана книга «Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций)» (Онега; Архангельск; Москва, 2006), представляющая собой странное в жанровом отношении сооружение. В ней составители предлагают вниманию читателей воспоминания жителей Поонежья и онежского Поморья. Эти рассказы

⁴ См. рубрику «Наивная» фольклористика: Живая старина. 2010. № 1. С. 2—22.

⁵ См.: Александр Александрович Тунгусов. Библиографический указатель литературы. Архангельск, 2002.

собраны в результате историко-этнографических экспедиций 1987—2001 гг., проводившихся Онежским историко-мемориальным музеем, Соловецким музеем-заповедником, Архангельским областным центром христианской культуры. Книга построена по территориальному принципу. Основу главы составляют воспоминания местных жителей, записанные в ходе экспедиций. При этом максимально точно сохранялись лексика и стилистика речи, а фонетика адаптировалась к книжному написанию. Глава заканчивается краткой исторической справкой, составленной на основе привлеченных источников. К сожалению, публикации фольклорных (песенных) текстов вопреки заявлению составителей книги не выдерживают никакой критики, поскольку носят случайный характер.⁶

Чрезвычайно распространен в местной издательской практике книжный жанр «записки краеведа», представляющий собой синтетическое образование из бытового и этнографического очерков, «дневника», мемуаров, официальных «памятных книжек о местном крае»: Тунгусов А. «Мой Верхнетоемский район. Записки краеведа» (Архангельск, 2001); Седова Е. «Черевково — Ракулка. Материалы к краеведению» (Архангельск, 2008); Кокорина Д. А. «Малая Пинежка (очерки краеведа)» (Котлас, б/г); Кокорина Д. А. «Шершавое детство» (Котлас, 2006); Кокорина Д. А. «Деревня моя, очень древняя — дальняя» (Котлас, б/г); Кокорина Д. А. «Неровные и скромные следы (о судьбах земляков). Записки краеведа» (Котлас, 2002). К столь же сомнительным попыткам относится публикация материалов «Из записных книжек» краеведа и писателя Л. А. Полушина на страницах научного альманаха «Традиционная культура».⁷ К серьезным краеведческим опытам, казалось бы, можно отнести публикации тотемского краеведа А. В. Кузнецова, но и в них использованный фольклорный и этнографический материал не имеет отсылок на подлинные источники или фольклорные записи и, кроме того, претерпел литературную обработку автором. Показательна именно последняя книга краеведа «Легенды, предания и были Тотемского уезда»,⁸ которая представляет собой сборник небольших рассказов из жизни Тотемского края, которые расположены в алфавитном порядке и напоминают азбучный патерик. В заключении Кузнецов прозрачно намекает на особую композицию своей книги и ее художественные особенности: «Надеюсь, что к концу книги читатели постепенно все-таки разобрались в некоторых особенностях „амадизации“⁹ моего произведения. Тотемские легенды, предания и были от А до Я прошли перед вами из далекого прошлого до наших дней. Нужно еще отметить, что книга состоит из трех основных компонентов — легендарного, научного и художественного. В каждой из 33 глав их соотношение строится по-разному: где-то преобладают научные истоки, где-то во главу угла поставлены старинные народные легенды и предания, а

⁶ В Соловецком музее-заповеднике были обнаружены Дневники участников этнографических экспедиций в Плесецкий, Каргопольский (Ф. 2. Оп. 1. № 148), Мезенский (Ф. 2. Оп. 1. № 131), Верхнетоемский, Онежский районы в конце 70—80-х гг. XX в., но среди этих материалов нет фольклорных текстов.

⁷ Каргин А. С., Шевелева Н. М. Фольклорные картинки Л. А. Полушина; Полушин Л. А. 1) Заговоры (очерк); 2) Пословицы и поговорки (очерк). Из записных книжек писателя // Традиционная культура. Научный альманах. 2005. № 4 (20). С. 50—51, 52—64.

⁸ Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005.

⁹ Предполагаю, образовано от имени героя средневекового испанского рыцарского романа Амадиса. — А. В.

где-то ваш автор дал волю своей фантазии. Думаю, читателям будет под силу самим разобраться в этих хитросплетениях жанров. Если у кого-то после знакомства с книгой возникнут замечания, дополнения или исправления — я с удовольствием их приму и отнесусь со вниманием к любому отклику...».¹⁰ Этим же автором подготовлено издание «Любовные письма тотемского подьячего Арефы Малевинского к девице Аннице сестре дьякона Воскресенской церкви, писанные летом 1686 года» с предисловием и комментариями, условно составленными А. В. Кузнецовым (Вологда, 2004).¹¹

К числу местных относятся также такие мало примечательные с фольклористической точки зрения издания, как брошюра краеведа С. А. Филиппова «Тотьма и ее исторические особенности» (с. Верховажье, 2001), книга В. Н. Филипповского «Страницы истории Верховажского края» (с. Верховажье, 1999), а также «Верхнетоемские частушки» (Архангельск, 1991) с вступительной статьей Е. К. Рассказовой (без комментариев),¹² работа С. Третьякова «Записки краеведа» (В. Тойма, 2008).¹³

¹⁰ Кузнецов А. В. Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005. С. 169.

¹¹ Публикация представляет собой неточное переиздание статьи: Панкратова Н. П. Любовные письма Арефы Малевинского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 233—239. У переиздателя нет указания на источник (ОР РНБ. Собрание актов и грамот Зинченко. № 981. Дело Архиепископского разряда, 1686 г. «Дело Устюжского Архиепископского разряда между тотемцем Арефой Малевинским и тотемским дьяконом Михаилом Федотовым об отказе Малевинского жениться на сестре челобитчика, согласно стговорной записи»), а также неправильно указано название ежегодника («Труды отдела древнерусской литературы»), надеюсь, не намеренно. Правильно: Древнерусская литература. М.; Л., 1962. Вып. 18. С. 233—239.

¹² В сборник вошли частушки из коллекции Некрасовой Зинаиды Петровны, а также записи студентов ПГПУ (1979—1989).

¹³ Для того чтобы представить известное нам явление не только северно-русскими материалами, приведем пример издания книги Н. П. Грозиной «История села Беляковского» (Екатеринбург, 1997). Краевед из села Беляковского Талицкого района Свердловской области использует различные архивные документы, историческую литературу, собственные воспоминания и воспоминания старожилов. «История села Беляковского» в жанровом отношении может быть определена как народные мемуары.

«Жанр народных мемуаров возник в результате столкновения традиционной крестьянской культуры с культурой письменной, как правило церковной. Овладение письмом как главной формой выражения недеревенской культуры позволяет носителю крестьянской культуры взглянуть на нее извне, почувствовать ее необычность, своеобразие. Народный мемуарист — человек, находящийся одновременно в двух культурах, точнее, отчасти покинувший одну культуру — крестьянскую и пытающийся включиться в другую культуру — письменную. Такой человек пользуется формами и приемами письменной культуры (может быть, не всегда искусно), но, сохраняя мироощущение и все бессознательные ценностные установки носителя традиционной культуры, создает произведение именно традиционной крестьянской культуры, пусть даже внешне, по форме подобное тексту письменной культуры. «История села Беляковского» Т. П. Грозиной, конечно, в значительно большей степени, чем дореволюционные крестьянские мемуары, обнаруживает влияние письменной культуры, однако собственные впечатления и опора на рассказы стариков делают доминантой книги именно традиционное мироощущение. По широте и глубине охвата различных сторон крестьянской жизни «История села Беляковского» можно также рассматривать как своего рода энциклопедию традиционной народной культуры Урала» (Востриков О. В. Об авторе и жанре книги «История села Беляковского») // Грозина Н. П. История села Беляковского. Екатеринбург, 1997. С. 141—142).

К сожалению, использование таких изданий в качестве источников для исследовательской работы фольклористов практически невозможно. В этом ряду краеведческих изданий на местах выгодно отличается книга московского исследователя В. И. Щипина «История Черевковской волости» (с. Красноборск, 2008).

К более или менее удачным опытам относится также новое издание «Свадьбы в Кокшенье» М. Б. Едемского (Вологда, 2002).¹⁴ Составители предложили и некоторые принципы переиздания, которые сводятся к тому, что при соблюдении точности авторского текста переиздание снабжено комментариями. Но заметим, что при этом нет даже намека на сравнительно-текстологический анализ фольклорных источников, чтобы определить степень аутентичности записей Едемского и сохранности песенных сюжетов, а также языковых особенностей фольклорных текстов.¹⁵

Отдельного разговора заслуживают предпринимающиеся в регионах попытки издания серий краеведческих альманахов (например, «Старинные города Вологодской области»¹⁶ и др.), к разряду любопытных изданий о местном крае относятся три выпуска «Тотьма. Историко-литературный альманах» (Вологда, 1995. Вып. 1); «Тотьма. Краеведческий альманах» (Вологда, 1997. Вып. 2); «Тотьма. Краеведческий альманах» (Вологда, 2001. Вып. 3). В альманахе наряду со статьями современных авторов-краеведов и сотрудников музея публикуются архивные материалы, в частности книга тотемского краеведа Д. А. Григорова «Тотьма и ее окрестности» (1915—1929 гг.) и биографическая статья С. П. Белова о тотемском краеведе «Дмитрий Александрович Григоров и его книга о Тотьме». Кроме того, в сборниках, как правило, публикуются труды местных краеведов, в том числе и записи фольклорно-этнографического материала.¹⁷

Собирание подобного рода местной полиграфической продукции несомненно важно сразу по нескольким причинам: подавляющее число этих изданий не попадает в поле зрения исследователей и они почти сразу становятся библиографической редкостью, между тем в них могут содержаться новые ис-

¹⁴ По словам издателей, оно «открывает целую серию публикаций „Традиционная культура русской провинции в записях начала XX века“, целью которых является систематизированное издание неизвестных современному читателю архивных материалов, коллекций фольклорных записей и переиздание малоизвестных и малодоступных печатных работ краеведов, этнографов и фольклористов, посвятивших свою жизнь изучению традиций, быта, многогранной народной культуры Вологодского края». — *Едемский М. Б. Свадьба в Кокшенье Тотемского уезда / Сост. М. А. Вавилова, С. Н. Смольникова; отв. ред. С. Ю. Баранов. Вологда, 2002. С. 5.*

¹⁵ Даже специально посвященная статья в должной мере не затрагивает этих вопросов. См.: *Вавилова М. А. Свадьба в Кокшенье в записи М. Б. Едемского: К проблеме интерпретации фольклорного текста // Тотьма. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 3. С. 151—179.*

¹⁶ В 1992 г. публикацией первого выпуска историко-краеведческого альманаха «Устюжна» открылось издание серии «Старинные города Вологодской области». В 1994 г. вышли в свет следующие книги: «Устюжна» (Вып. 2), «Вологда» (Вып. 1), «Белозерье» (Вып. 1), «Кириллов» (Вып. 1). В 1995 г. изданы: «Тотьма» (Вып. 1), «Великий Устюг» (Вып. 1), «Устюжна» (Вып. 3), «Вожега». В 1996 г. — «Череповец» (Вып. 1). В 1997 г. — «Кириллов» (Вып. 2), «Вологда» (Вып. 2), «Тотьма» (Вып. 2) и др.

¹⁷ См., например: *Желтов А. А. Исследования Н. Потанина по этнографии Никольского уезда Вологодской губернии; Потанин Н. Никольский уезд и его жители // Никольская старина. Исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 297—355.*

точники по истории культуры края. Кроме того, подобные издания достаточно ярко отражают механизмы «саморефлексии традиции» в лице местных авторов и составителей. Чрезмерная субъективность, напрямую связанная с самоидентификацией авторов, невладение научным аппаратом в описании материалов, абсолютизация случайных фактов, стремление к «художественной» обработке текстов и т. п. становятся отличительными чертами не только местной краеведческой литературной продукции, но и трудов краеведов, которые содержатся в местных архивах в виде письменных источников.

Обратимся непосредственно к выявленным источникам.

В Яренском краеведческом музее Ленского района Архангельской области были обнаружены несколько книг исторических очерков Н. М. Голенева о г. Яренске, среди которых есть воспоминания о с. Софроновке. В этом историко-этнографическом очерке изображены быт, настроения, развлечения сельской молодежи начала XX в., много мелких жизненных подробностей и сцен, которые, как правило, со временем исчезают в устных рассказах информантов. Кроме того, автором приведено несколько песенных текстов.¹⁸

Там же хранится тетрадь,¹⁹ содержащая практически полный песенный репертуар села Выемково — до 75 сюжетов народных песен. Сборник составлен приблизительно в 60-е гг. прошлого столетия О. М. Селивановой со слов матери Анисьи Михайловны Качевой (1878 г. р.). Факт, что сборник был составлен не фольклористом-собирателем, позволяет нам утверждать, что перед нами, хоть и в опосредованном виде (материал записан не самим носителем, а с ее слов членом семьи), но письменно зафиксированное явление фольклорной самоидентификации (самозаписи). Сборник представляет собой как бы фотографический снимок традиции и дает субъективное видение и восприятие устной традиции одним из ее представителей. Специфика подачи материала (выбор и расположение песен в сборнике, комментарии составителя, самоопределение жанра и т. д.) позволяет судить о динамике устной традиции и механизмах ее существования на синхронном уровне.

В школьном музее с. Козьмино Ленского района силами краеведческого кружка была собрана фольклорная коллекция. В состав ее входят около 22 песенных текстов и этнографические репортажи, записанные учениками от своих родственников. Конечно, все эти записи требуют тщательной проверки и идентификации с известными аутентичными записями, сделанными профессиональными фольклористами, тем не менее среди них могут быть весьма интересные и, возможно, наиболее полные варианты текстов.²⁰ Естественно, материалы из школьной коллекции могут только частично, после серьезной проверки, привлекаться к научному изданию сборников текстов.

¹⁸ Очерк был опубликован в краеведческом альманахе «Еренский городок», представляющий собой самиздат при районной библиотеке: *Голенев Н. А. Софроновка (История деревни) // Еренский городок. Краеведческий альманах. Вып. 1. Яренск. Центральная библиотека. 2000. С. 5—30. Известно всего 4 выпуска альманаха.*

¹⁹ Тетрадь состоит из трех частей: в первой части помещено описание начальных этапов свадебного обряда и относящиеся к нему песенные формы, во вторую под названием «Проголосные-напевные» включены необрядовые лирические песни, третья — «Хороводные песни» — содержит тексты игровых и собственно хороводных песен. Тетрадь не имеет фондового номера.

²⁰ Так, например, нами были обнаружены редкие для местной традиции тексты «Виноградья» (малого) или игрового сюжета «Как у наших у ворот» и т. д.

В том же качестве возможно привлечение записей, сделанных клубными работниками и участниками местных фольклорных коллективов. Примером такого сборника текстов в Ленском районе может служить репертуарный сборник Галины Васильевны Широких, бывшего руководителя фольклорного коллектива Яренского дома культуры. Сборник содержит традиционные свадебные, хороводно-игровые и лирические песни; по уверению составительницы, она их запомнила еще в детстве от своей бабушки.²¹ Усвоенные через поколение (от бабушки) традиционные песни и фольклорное знание в контексте современной массовой клубной культуры приобрели непривычные для традиции формы. Поэтому составленный для памяти репертуарный сборник сыграл роль письменного свидетельства «живой» старины. При сопоставлении вариантов песен в записи от Широких с другими исполнителями того же района можно заключить, что текстовые варианты Г. В. Широких претерпели некоторые изменения в сторону упрощения, ясности сюжета, в них намечается тенденция к потере местных диалектных черт и композиционной универсальности. Все эти изменения связаны с исполнением фольклора на клубной сцене. Таким образом, Г. В. Широких входит в категорию таких поздних исполнителей, которые помимо своей воли пережили деформацию принципов функционирования, трансляции традиционных фольклорных форм. Она явилась непосредственной участницей тенденций, направленных на разрушение традиции. Г. В. Широких в этом процессе разрушения сыграла роль неосознанного культуртрегера, популяризируя традицию как некую экзотику. Фигуры таких исполнителей завершают традицию, являясь, с одной стороны, ее последними представителями, с другой — новаторами. Они приспособливают фольклорные произведения к жизни в несвойственной им сценической функции и унифицируют эту традицию до тиражирования одного варианта устных текстов, как в письменной культуре.

Таким образом, подобные записи можно относить в равной степени как к области непрофессиональной фольклористической деятельности, так и к явлениям современной субкультуры.

В Вельском краеведческом музее также были обнаружены материалы, представляющие интерес для фольклориста.²² К ним относятся: Сборник песен

²¹ Широких Галина Васильевна, 1915 г. р., из д. Лантыш Ленского района Архангельской области. Петь ее учила бабушка, от нее она и знает в основном весь местный песенный репертуар. «Раньше в одной деревне эти песни так поют, в другой смотришь — иначе» (РГПУ 2 ФА 03-26). Обучалась от своей бабушки в то время, когда она пряла или ходила в гости к своим подругам. Слышала, как поют на свадьбе, позже сама стала подпевать. Г. В. прошла традиционную школу обучения народному пению. С 1943 г. стала участвовать в районном народном хоре, репертуар которого состоял из традиционных и современных песен. Позже Г. В. стала руководителем яренского хора. Таким образом, с народным хором с. Яренска связана ее сознательная певческая деятельность. Еще в детстве она была свидетельницей всех деревенских праздничных гуляний. С 14 лет Г. В. покинула родную деревню и получила профессию учительницы младших классов, принимала активное участие в школьной самодеятельности. При исполнении традиционных песен Г. В. склонна к комментированию (уточнению обрядового смысла песен) или пояснению устаревшей лексики. В ее репертуар входят 12 свадебных, 10 хороводно-игровых и 3 лирические песни.

²² Одной из самых ранних публикаций местного фольклора является публикация П. Воронова свадебного причета. См.: *Воронов П.* Вельск, уездный город Вологодской губернии // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1859. Ч. 25. С. 95—118.

в записях И. И. Могутова (ВКМ н-всп. 1872/1—1876);²³ Сборник исторических преданий Устьянского края; коллекция фольклорно-этнографических материалов краеведа М. И. Романова; Сборник обрядово-бытовых песен Вельского уезда (с нотировкой) (машинопись ВКМ 9115); фольклорный фонд Марии Ильиничны Шалауровой-Федоровой (1878 г. р.), включающий описание свадебного обряда Вельского уезда (ВКМ 9114); записи песенного фольклора, сказок и народных преданий из Устьянского, Шенкурского и Ровдинского районов 1939—1940 гг. (ВКМ 9116); записи разных фольклорных жанров (побывальщины, приговоры) от жителей с. Орлово в 1937 г. (ВКМ 9120) и др. Кроме того, среди рукописей были обнаружены тетради с заговорами XVIII—XIX вв., сборник М. И. Кузнецова 1970 г. «Игровые песни Устьянского района Архангельской области» (без шифра), в фонде Романова хранится рукопись А. Шустикова «Сказания и сказки Вельского уезда, записанные со слов крестьянина дер. Велико-Никольской Степана Орлова» и жителей других деревень (ВКМ н-всп. 1511). Обозревая фольклорные коллекции Вельского музея необходимо отметить, что несколько лет назад там погибли в пожаре уникальные звуковые записи, переданные местным энтузиастом и любителем-фольклористом А. Келаревым.

Наиболее значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов (1886—1956).²⁴ Из его трудов при жизни были изданы лишь «История одного северного захолустья» (В. Устюг, 1925), описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек» в литературном альманахе «Север» за 1936 г.²⁵ Позднее были опубликованы «Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII—XX вв.» (М., 2004) и «Хроника старого дома» (самиздат, б/д).²⁶ Свои основные краеведческие материалы сборник «Фольклор Устья»²⁷ и «Словарь Устьянских говоров»²⁸ он еще при жизни передал в Рукописный Отдел ИРЛИ РАН.²⁹ Романова знали и старались помочь ему известные историки М. М. Богословский и Н. В. Устюгов, археолог А. А. Спицин, фольклористы А. М. Астахова и М. К. Азадовский, языковеды-академики С. П. Обнорский и В. В. Виноградов. Главная ценность «Фольклора Устья» — наиболее завершенного труда (из двадцати очерков отсутствуют лишь три) — заключается в уникальности собранных Романовым материалов: песен, сказок, приворотов, названий

²³ И. И. Могутов, вельский краевед, оставил записи: «Старые народные песни моего века (1920—1930 гг.): песни литературного происхождения, романсы, протяжные, игровые, свадебные, частушки».

²⁴ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера. Штрихи к портрету. Вельск, 2006.

²⁵ Север. 1936. С. 116—123.

²⁶ Список опубликованных работ см.: *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов... С. 23—24.

²⁷ РО ИРЛИ. К. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья.

²⁸ РО ИРЛИ. К. 66 (Романов), п. 5. М. И. Романов «Словарь Устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д.». Материалы поступили в 1986 г., № 52, 338 стр. В состав рукописи входят также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен в народном произношении Устьянских волостей» (л. 339—347); 2. Очерки М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма. 1950 г. 66 стр.).

²⁹ О чем свидетельствует письмо М. К. Азадовского, зав. отделом фольклора, от 8 июля 1936 г.

бесчисленных ручейков, горушек, выгонов. Романов по сути осуществил на практике сложнейший полевой метод «вживания» в традицию в течение почти двух десятилетий.

В своих исследованиях Романов использовал так называемый краеведческий метод анализа и систематизации огромного и разнородного материала, отличие которого он видел «в том, что ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача — дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...».³⁰ Поэтому краевед решался на широкие параллели и обобщения, на попытки выявить взаимосвязи между, казалось бы, далекими явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. Он предпринял попытку реконструировать целостный мир народной культуры Устьянского края.³¹ Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса фольклора,³² неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и так называемой «расовой теории»,³³ у него встречаются откровенно на-

³⁰ РО ИРЛИ. К. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устьи. Л. 5.

³¹ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера. Вельск, 2006. С. 16—17.

³² Так, у Романова читаем: «Словотворчество было в первобытные времена не обыденным и не легким делом. Каждое слово изобреталось с не меньшим трудом, чем более поздние достижения материальной культуры — орудия, оружие, металлы, машины. Каждое новое слово, как великое изобретение, начинало совершать во вселенной, — населенной людьми, владеющими только ручной речью, — тот же путь, какой совершали и достижения материальной культуры: огонь, каменные орудия, горшечное искусство и т. д. Вместе со словами бродили по всему миру и заключенные в них магические настроения и понятия, выродившиеся впоследствии в мифы»; «Творцом отдельного нового слова могла быть каждый раз новая человеческая группа, но не племенная. Племен не было, потому что не было еще отдельных звуковых языков. По всему миру обитала одна человеческая „раса“, объяснявшаяся всем понятной речью жестов и мимики. В эту „речь“ только постепенно, по одиночке, внедрялись „жуткие“, священные и не всем доступные магические слова звуковой речи. Следовательно, не может быть речи о заимствовании фольклорных тем от каких-то „избранных“ рас, не может быть речи и о существовании самих рас в те эпохи, когда разговорная речь формировалась и закладывались основные споры фольклорных тем. Раса — явление очень позднего времени» (РО ИРЛИ. К. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устьи. Л. 58).

³³ «Не отрицая полезности и необходимости работы по сравнению фольклорных тем, бытующих у всех народов земли, необходимо признать, однако, что компаративистика привела, с одной стороны, к сухому и мертвому формализму, с другой — к фашизму, признающему творцом фольклорных тем „избранные расы“ и „благородные классы“. Не удовлетворяет и научно отвергнутая мифологическая школа, выводящая фольклор из „творческого духа народа“, именно своего народа, считающая его осколками былой мифологии, именно мифологии своего народа. Фактов заимствования нельзя отрицать, но нельзя и подчинять им всю область фольклора. (...) Это объясняется не заимствованием, а одинаковой стадией культурного развития. Так что корни однородных сказочных тем могут залегать именно в древней культовой подпочве. Подпочва же эта создавалась не одной „избранной расой“ и не одним „благородным классом“, до днесь существующим, а длинным рядом сменившихся, прогрессировавших и смешивавшихся между собой „рас“, и даже не рас, а стадийных состояний человечества. Когда закладывалась эта общая сокровищница, рас еще не было, не было еще „ни элина, ни иудея“, ни германца, ни славянина» (РО ИРЛИ. К. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устьи. Л. 290).

ивные реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным выводам.³⁴

В Каргопольском районе нами были также зафиксированы ценнейшие документы местных архивов, в том числе ранее неизвестные переделки былин и записи сказок местных краеведов. К ним относится коллекция фольклорных материалов 20—30-х гг. XX в. каргопольского краеведа И. И. Рудомётова (1891—?), состоящая из 18 тетрадей сказочной прозы и 11 сюжетов былин. В 1919 г. в типографии Каргопольского уездного отдела народного образования была издана его книга «Каргопольский край».³⁵ В предисловии автор предупреждает читателей, что в сборнике нет полной картины жизни всего уезда. Однако имея целью показать жизнь глухого края накануне революции, он решил выпустить в свет настоящую книгу, написанную за время с 1911 по 1915 г., намереваясь потом продолжить и дополнить ее новыми бытовыми очерками, рисующими жизнь народную уже в Советской России. В послесловии книги И. И. Рудомётов между прочим отмечает, что назрела потребность в изучении родиноведения, а никаких серьезных пособий нет, и что если в других губерниях и уездах будут написаны подобного рода очерки, то это даст обширный материал, представляющий огромный интерес для изучения истории края. Этнографические очерки И. И. Рудомётова публиковались в «Вестнике Олонецкого губернского земства».

Интересна судьба, как и многих северных народоведов, И. И. Рудометова, который был знаком с каргопольским краеведом К. А. Докучаевым-Басковым.³⁶

Следует отметить, что неопубликованные рукописные тексты былин и сказок претерпели осознанную переработку И. И. Рудомётова. Более того, в предисловии к подготовленным для публикации текстам былин он пишет об

³⁴ См., как, например, интерпретирует Романов текст детской заклички: «Судя по одной детской песенке-заклинанию, радуге придавалось, однако, большое значение: Радуга-дуга, / Не давай дождя, / Давай солнышка / Из-под бревнышка. Радуга представляется тут распорядительницей над дождем и солнцем, может дать по произволу или то, или иное. Непонятным представляется, в ее прямом смысле, последняя строчка. Возможно, что последнее слово нужно производить не от „бревно“, а от „бровь“. Солнце представляется как бы глазом неба, который в ненастную погоду закрывается наспуленную бровью, а в ясную выглядывает из-под нее. Такое представление о солнце вытекает из самой палеонтологии этого слова» (РО ИРЛИ. К. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья. Л. 129).

³⁵ В содержание ее входят очерки «В Каргополе», «У жаждущих», «Между старым и новым», «Старинное село», «Лесные люди», «Тайна болот», «Обновление жизни» (*Рудометов И. И. Каргопольский край*. Каргополь, 1919).

³⁶ Из биографической справки, составленной Н. Проницовой, мы узнаем, что Иван Ильич Рудомётов родился 2 ноября 1891 г. в деревне Софоновской Ловзангской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1910 г. И. И. Рудометов окончил Петрозаводскую учительскую семинарию. Работал преподавателем русского языка и литературы в Каргопольском реальном училище, занимался изучением своего края. В 1923 г. И. И. Рудометов переехал в Москву, где преподавал в Сокольническом рабочем институте. Вечерами учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова. Вел русский язык и литературу в вечернем техникуме. Методические статьи преподавателя публиковались в журнале «Русский язык в школе», в сборниках Академии педагогических наук. Русским писателям-краеведам он посвятил большое библиографическое обозрение. В конце 20-х гг. Ивана Ильича увлекли торфяные разработки. Двадцать лет посвятил он торфяному делу, написал более 70 научных статей и книг, стал кандидатом экономических наук. Работал сотрудником одного из научно-исследовательских институтов Москвы.

исторической неосведомленности поздних сказителей, которые в своем творчестве искажают «старинные сказания», и упрекает собирателей, которые записывают такие псевдоисторические тексты: «Все они говорят прежде всего об усердии „Собирателей“ былин, которые, проявляя ревность/резвость не по разуму, иногда записывали буквально всякое слово, исходящее из уст „сказителей и сказительниц“, и тем самым нередко засоряли ниву народного творчества. В настоящее время необходимо расчистить эту ниву. С этой целью следует прежде всего сделать пересмотр творчества псевдосказителей, подходя к нему с научной точки зрения и тем самым восстановить образы старины, очистить их от всех последующих наслоений. Настоящая книжка и является одной из попыток в этом деле».³⁷ Замечание откровенное, но, к сожалению, типичное, отражающее вообще отношение краеведов к профессиональным научным исследованиям (ср.: Мосеев). И далее, опираясь на тексты былин из популярных изданий начала XX в., Рудомётов предпринимает псевдоисторическую реконструкцию севернорусского эпоса по примеру известного издателя популярного свода для юношества «Книги былин» В. П. Авенариуса. Однако при текстологическом сравнении былинных сюжетов в книге Рудомётова и Авенариуса оказалось, что они не всегда восходят к одному и тому же печатному источнику.³⁸ Возможно, некоторые «переделки» былин у Рудомётова восходят к устным вариантам.

Следует подчеркнуть, что поколение краеведов советской эпохи в то время увлекалось историческими реконструкциями фольклорных источников. Сам факт таких «реконструкций» еще более углублял пропасть между профессиональными фольклористами и местными собирателями.

К числу местных краеведов советского времени принадлежит фигура Тимофея Васильевича Ажгибкова (1914—1994 гг.), «творческое наследие» которого было передано им самим в конце жизни в Верховажский районный исторический музей.³⁹ Архивные материалы представляют около 30 рукописных тетрадей с записями автора, рисунки⁴⁰ и поделки из дерева и глины.

Следует отметить, что «записки» Т. В. Ажгибкова на протяжении всей его достаточно долгой жизни велись не систематически. Так, его краеведческие работы: «Верховажье в конце XIX—начале XX в. (социальный и культурно-бытовой очерк, 22 года жизни 1895—1917 гг.)» был составлен в 1969—

³⁷ ККМ № 491. Рудомётов И. И. Былины. М., 22 марта 1966. С. 2 (машинопись).

³⁸ Достаточно привести только оглавление: Вместо предисловия. 1. Пир у князя Владимира (вступление к былинам). А. Три дочери богатыря Микулы Селяниновича. 2. Добрыня Никитич и Настасья Микулична. 3. Добрыня и Алёша Попович. 4. Дунай Иванович и Марья Микулична. 5. Ставр Гоудинович и Василиса Микулична. 6. Смерть Василисы Микуличны. Б. Забава Путятична, племянница князя Владимира. 7. Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 8. Бой Добрыни со Змеем Горынычем. 9. Соловей Будимирович. В. Другие богатыри. 10. Илья Муромец и Святогор богатырь. 11. Сухман богатырь (ККМ № 491. С. 53).

³⁹ Завьялова А. В. Т. В. Ажгибков и его рукопись «Родословная крестьянской семьи Головачевых—Дружининских, II половина XIX—I половина XX в.» // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2004. Вып. 2. С. 239.

⁴⁰ Завьялова А. В. Творчество наивных художников как отражение национальной самобытности русской души (по материалам Верховажского районного исторического музея Вологодской области) // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2002. Вып. 1. С. 123—125.

1970 гг.; «Материалы и документы крестьянской семьи Головачевых—Дружининских, II половина XIX и I половина XX в. (о людях близких и родных)» (ВРИМ. № 5057) — в 1970—1971 гг.⁴¹ Вторая тетрадь, очевидно, представляет собой продолжение предыдущей. Рукопись о посаде Верхневажском состоит из нескольких небольших и разных по тематике очерков и воспоминаний старожилов, записанных с их слов составителем. Поэтому очерки о Верховажском посаде представляют собой в стилистическом и композиционном плане авторский текст Т. В. Ажгибкова. «Рассказы бабушки Вари» — записи воспоминаний из жизни старой деревни.⁴² Интересно отметить, что эти повествования выполнены в характерной стилевой манере — в форме воспоминаний свидетелей событий. В отличие от литературного приема, имитирующего объективность авторского повествования, в нашем случае Ажгибков действительно производит запись рассказов своих информантов. Насколько эти записи аутентичны? — Вопрос остается открытым.⁴³ То, что они литературно обработаны и в большей или меньшей степени композиционно подчинены воле составителя, Ажгибков даже не скрывает. У этих повествований Ажгибкова несомненно есть общее свойство, которое позволяет относиться к ним, как к попытке местного бытописания, отличающегося от подобных опытов профессиональных литераторов гораздо большей степенью инклюзивности и точностью деталей в описании нравов, быта, культурного и природного ландшафта местного края.⁴⁴

Отметим, что в местном музее находится любопытная рукопись мемуаров Аф. Н. Степанова «Мой путь» (Курск, 1962 г.) (ВРИМ, б/ №), которая требует к себе особого внимания наряду с другими текстами народной мемуарной прозы.

При обследовании фондов в Красноборском музее нам удалось обнаружить рукописные материалы по истории быта местного населения, среди них: «Исторический очерк о Белой Слуде» неизвестного автора; очерки Н. П. Борисова «Быт северного крестьянства», «Летний день в крестьянской семье», «Зимний день в крестьянской семье», «О празднике Петрова дня», «Из истории Алексеевской волости»; его же заметки о родословных жителей д. Усть-Евды, «Воспоминания о деревне Усть-Евде» (1983); «Воспоминания о Великом Устюге» (машинопись); очерки П. Зашихина «Дьявольское искушение старовера Копылова» (1957 г.); «Былинный богатырь Иван Лобанов» (1983 г.); «Первые насельники Севера»; «Рассказ бабушки Ненилы» (1962 г.); исторические очерки о землепроходцах; запись сказки «Иван Дуплеский» (456, 3ПГ); заметки по истории Красноборска. В музее хранятся и некоторые рукописи его основателя — известного красноборского краеведа С. Тупицина: «Канза — деревня древняя» 1988 г., записки и очерки «Об Уфтыге и уфтыжанах», черновики газетных статей, рукописные материалы. «Волнения в Сольвычегодске 1648 г.» (на ст. 208) и «Старообрядчество» 1996 г. (н. а. П — 96), а также рукописи краеведа С. И. Кириллова (н. а. унт. — 1); рукописное собрание пословиц учителя П. А. Жигалова 1930—1950 гг. (122 лл.), собранных из разных источников, в том числе книжных, многие без указания источников (н. а. унт. — 3). Рукописное собрание северных частушек А. Н. Сухановской датировано 1974 г.

⁴¹ Там же. С. 240—244.

⁴² «Слушанья» на святки в Каргополье // Живая старина. 2009. № 1. С. 11.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Власов А. Н., Ахметова М. В. Тимофей Васильевич Ажгибков: портрет локального бытописателя // Живая старина. 2010. № 1. С. 13—19.

и содержит 350 ед. зап. (н.а. унт. — 4). Старинные свадебные песни и обряды записаны в 1920-е гг. на Уфтыге О. А. Шестаковой (бывшей учительницей). В музее находятся рукописный журнал «Юный краевед» 1961—1962 гг., содержащий выписки из рукописной книги о Соезерской пустыни и заметку С. Зашихина о купцах Гусельниковых; самиздат школьного кружка краеведов «Красноборские игры» (2006 г.), и др.

В музее также хранятся расшифровки сотрудников музея полевых записей с магнитных носителей. Среди них фольклорно-этнографические материалы Новошинского с/с 1992 г., включающие 462 ед. зап.: баллады, протяжные лирические песни, игровые, хороводные, шуточные песни, текст коляды, свадебные песни, причеты, частушки, песни позднего происхождения, романсы, детский фольклор (байки, колыбельные, прибаутки, потешки, считалки), загадки, поговорки, приметы, сказки, несказочная проза (былички, бывальщины, предания), заговоры, приметы, рассказы об играх, свадебном и календарном обрядах, нравах, наигрыши на гармошке, суеверия, сведения о Бестужевской церкви и истории края и др.; фольклорно-этнографические материалы Ляховского с/с, 1990-е гг. (РФ № 7, ф. 01—03); фольклорно-этнографические материалы Пермогорского с/с записи 1998 г. (ф. 10—01, 03); фольклорно-этнографические материалы Черевковского с/с, 450 ед. зап., запись 1991 г. (ф. 10—01, 04); Черевковский с/с (Ракулка), запись 1995 г., 680 ед. зап.; фольклорно-этнографические материалы Черевковского с/с (Фомино), 194 ед. зап. 1998 г.

В Красноборске в районной библиотеке были обнаружены рукопись краеведа Павла Григорьевича Зашихина «История одного красноборского захолустья (о деревне Усть-Молома), самиздат В. В. Копыткова «История деревень Ляхово» (Ляховский сельсовет, 1987), а также газетные вырезки и сведения о местных любителях старины.

В Черевковском филиале Красноборского музея хранятся материалы сказительницы Олимпиады Васильевны Антроповой (песни, сказки, рассказы); историко-этнографические записи местного краеведа В. А. Пономарева (1894—1971),⁴⁵ в том числе фольклорные тексты (легенда об атамане разбойничьей шайки Чевоче) и автобиографические записи, книга (машинопись) «История Черевковской волости» (Черевково, 1967).

В Верхнетоемском районе в музее с. Афанасьевское были обнаружены следующие материалы: тетрадь с записями поговорок и пословиц (собираетелем не известен) и тетрадь с записями частушек Александра Владимировича Шкрябина.

⁴⁵ Дело его жизни. К 115 летию В. А. Пономарева — основателя Черевковского музея. Буклет / Автор-сост. Т. В. Лапина. Черевково, 2009. В буклете содержатся краткие сведения о краеведе: «Василий Алексеевич Пономарев родился 10 февраля 1894 г. в д. Борисовская Холмовского общества Черевковской волости в семье крестьянина-бедняка. Отец его, Алексей Филиппович, был грамотным человеком. Мать, Анна Павловна, грамоты не знала. (...) Осенью 1909 г. поступил в Сольвычегодское городское четырехклассное училище. (...) В 1914 г. закончил двухгодичные педагогические курсы в Архангельске и до призыва в армию работал учителем в Кемском уезде. С 1915 г. служил в ротном полку фельдшером. После демобилизации работал учителем в школах Холмогорского, Устьянского, Черевковского районов. (...) Им были написаны: «Наш Черевковский микрорайон (геологическое описание территории)», «Исторический очерк Северного края», «История народного образования в уезде и нашей волости» и др. В 1967 г. — главный труд «История Черевковской волости».

В Сольвычегодском историко-художественном музее помимо старых фондов, включающих фольклорно-этнографические записи первой половины XX в., хранятся экспедиционные материалы 1921 г., подготовленные сотрудниками музея под руководством И. И. Томского (СИХМ. Ф. 2. О. 1. Д. 28, 29), этнографический очерк Аруева Н. Н. «Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около города Сольвычегодска»⁴⁶ и несколько бытовых рассказов о северных крестьянах: «Минувшее» 1924 г. (СИХМ. Ф. 3. О. 1. Д. 5—6), «Пицкий клад» 1940 г. (СИХМ. Ф. 3. О. 1. Д. 6. Л. 16 об.—29), «Убийца (рассказ бывшего присяжного заседателя)» 1939 г. (СИХМ. Ф. 3. О. 1. Д. 6. Л. 16 об.—29), «Два кума».⁴⁷ Несомненный интерес представляет собой коллекция фольклорно-этнографических записей 1990—2000-х гг., собранная сотрудниками музея в Вилегодском, Ленском, Котласском, Красноборском, Верхнетоемском районах (ФА СИХМ 0101—0116; 0301—0304; ВА СИХМ 01—07) и включающая 40 ед. хр. на аудио- и видеоносителях. Следует отметить, что репортажные записи и записи текстов фольклора сделаны на достаточно высоком профессиональном уровне с использованием современной технической аппаратуры. Эти экспедиционные записи позволяют дать достаточно полную характеристику состояния местной фольклорной традиции конца XX в.⁴⁸ Сотрудники музея практически владеют современной методикой собирательской работы.⁴⁹

К сожалению, на современной территории европейского Севера среди когда-то известных очагов фольклорной культуры появились «белые пятна», в которых традиционная культура даже в форме письменной (архивной) памяти исчезла. Так, обследование Кеми не привело к серьезным результатам в поиске архивного фольклорно-этнографического и культурно-исторического материала. В местном музее, который был организован всего несколько лет назад на базе общественного музея, кроме предметов народного быта нам не удалось обнаружить никаких записей фольклорного материала. В районной библиотеке и редакции газеты были обнаружены подборки материалов по истории и культурной жизни Кеми, малотиражные издания местных авторов (в основном, поэтические сборники, воспоминания).⁵⁰

⁴⁶ Аруев Н. Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. В. Устюг, 1928. Вып. 5. С. 1—11.

⁴⁷ На основе архивных материалов сотрудниками музея и привлеченными специалистами в 2007 г. был подготовлен к печати сборник «Музей в истории культуры Сольвычегодского края. Материалы и исследования» (авторы и составители: А. Н. Власов, З. Н. Мехреньгина, И. Г. Котова, Е. А. Шевченко).

⁴⁸ Материалы Сольвычегодского музея широко используются в настоящее время при подготовке регионального фольклорного сборника участниками проекта «Музыкально-песенный фольклор нижней Вычегды» (грант РГНФ № 08-04-00114а).

⁴⁹ Например, З. Н. Мехреньгиной на основе собственных полевых разысканий подготовлен сборник сказочной прозы одного исполнителя, соответствующий всем современным нормам издания фольклорного материала; см. также публикацию: Канева Т. С., Мехреньгина З. Н., Шевченко Е. А. Часовни и кресты Малопинежья (по следам экспедиции И. И. Томского) // Живая старина. 2004. № 2. С. 2—6.

⁵⁰ Комелина Н. Г., Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В. Фольклорно-археографическая экспедиция на Терский берег Белого моря, в Соловецкий музей-заповедник и г. Кемь // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3. С. 224—231.

Часто свои материалы и труды краеведы по какой-либо причине не доверяют местному музею и передают их в областные и даже в столичные хранилища (см. о фонде Романова). Так, в Архангельском областном краеведческом музее были обнаружены рукописные материалы, присланные «с мест»: А. К. Шишкин «Записки из жизни. Воспоминания о дореволюционной жизни Кенозера», 1980 г. (Ф. III. Оп. 3. № 182); Е. М. Перфильев «Деревня Волохница (История. Коллективизация. Великая Отечественная война. Современность)», 1980 (Ф. III. Оп. 3. № 183); В. И. Едовин «Увезу тебя в тундру. (Доброй памяти о Земле Ненецкой)», 1993 г. (Ф. III. Оп. 3. № 691); И. И. Березин «975 песен-частушек, исполняемых в конце XIX—конце XX в. молодежью онежских деревень Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области»; пояснение к фольклорно-этнографическому очерку «Онежские вечеринки», 1981 г. (Ф. III. Оп. 3. № 83, 216), 117 русских народных песен, 2 хорова, 9 романсов, записанных в Пудожском и Каргопольском уездах Олонецкой губернии; детский фольклор, 1982 г. (Ф. III. Оп. 3. № 228); мемуары (Ф. III. Оп. 3. № 241); народные бытовые сказки и побасенки, собранные в Пудожском уезде Олонецкой губернии, 1986 г. (Ф. III. Оп. 3. № 498); биографическая повесть «Братишки» (Ф. III. Оп. 3. № 517); трилогия «Все ушли на фронт» (Ф. III. Оп. 3. № 526, 527); повесть «Бурлаки» (Ф. III. Оп. 3. № 529, 530, 531); автобиографическая повесть «Путь моей жизни» (Ф. III. Оп. 3. № 567); двадцать шесть рассказов супругов Туруновых «Бабушкины были», записанные в 1910—1920-х гг., «Рассказы», «Детские рассказы», «Юмор, смешные рассказы», 1990 г. (Ф. III. Оп. 3. № 582). В Архангельском музее хранится архив известного шенкурского краеведа П. И. Едемского (1862—1942) (Ф. III. Оп. 3. № 641), который включает следующие его работы: «Очерк экономического положения крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии», 1900 г.; «Города и посады Архангельской губернии до введения и по введении городского положения»; «Общественные деятели Северного края»; «Хроника г. Шенкурска»; «Город Шенкурск Северного края. Краткий историко-географический и статистический очерк», 1935 г.; «Очерк истории Важской области и г. Шенкурска», 1940 г. Здесь же находятся: рукопись И. М. Митягова «На память потомкам» (г. Нарва, 1979), представляющая собой воспоминания автора о своей деревенской жизни на Вытегре (Ф. III. Оп. 3); небольшой исторический очерк М. Мясникова «Историческое описание Ваги и Шенкурска» (Ф. III. Оп. 3. № 25); записи ненецкого фольклора Н. И. Сухашинского, 1935 г. (Оп., д. 28, 29); фольклорные записи 1935—1939 гг., характеристики северных художников и сказительниц, сказки (Оп. 1, д. 43, 53); фольклорные записи в Вельском и Шенкурском районах 1940—1950-х гг. (заговоры, частушки и старинные песни), составители Коргуз, Денисов (Оп. 1, д. 118).

Среди материалов Архангельского краеведческого музея следует выделить рукописи Василия Алексеевича Сухих (1908—1973). Он составил несколько историко-этнографических очерков, которые оформились в четыре отдельные книги о Вилегодском крае.⁵¹ Основная тематика первой книги скла-

⁵¹ Сухих В. А. 1) Из недалекого прошлого Вилегодского народа. Книга I. Детские годы (воспоминания). Управление культуры Архоблисполком. Архангельский областной краеведческий музей. Ф. III. Оп. № 3, 390. 1966 г. 301 л.; 2) Из недалекого прошлого вилегодского народа. Книга II. Игры, преимущественно детские. Архангельский областной краеведческий музей. Ф. III. Оп. № 3, № 378. 1963 г. 76 л.; 3) Крестьянские постройки по берегам реки Виледи (постройки прошлого). Архангельский областной

дывается из характерных тем подобного рода краеведческих сочинений: историческое прошлое края, родословная автора, этнографический облик края, образцы текстов местной фольклорной традиции, особенности местного говора,⁵² нравы и быт местных жителей. Сквозной, как правило, является автобиографическая тема. Вторая книга полностью ориентирована на известный труд Е. А. Покровского «Детские игры. Преимущественно русские».⁵³

Кроме того, среди документов, хранящихся в Архангельском краеведческом музее, особого внимания заслуживают полевые записи сотрудников самого музея: книга рассказов экспедиции 1959 г. в Шенкурский район (Ф. III. Оп. 3. № 156); отчеты сотрудников о поездке в Приморский (с. Зимняя Золотица), Холмогорский, Пинежский районы Архангельской области в 1981 г. (Ф. III. Оп. 3. № 210); рукопись Ю. П. Прокопьева «Труд и быт крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии в конце XIX—начале XX в.»; материалы комплексной историко-бытовой экспедиции в Шенкурский район в 1960 г. (Ф. III. Оп. 3. № 9).

В Архангельской областной научной библиотеке имени Н. А. Добролюбова помимо изданий, в которых можно найти упоминание об отдельных сказителях,⁵⁴ публикации текстов,⁵⁵ в редком случае сборник текстов,⁵⁶ хранится рукописный сборник, подаренный в 1975 г. Государственным русским народным хором А. Е. Суховерховой «Сказы и песни» (Ф. 868 692), в котором содержится песенный репертуар известной сказительницы.

В Тотемском краеведческом музее были обнаружены записи 1915 г. Ал. Сташиловского «Игровые песни в Вельском уезде», содержащие до 20 текстов игровых и хороводных песен и их этнографическое описание (Д. 4);⁵⁷ тетрадь с записями причитаний невесты 1915 г. Баженовой Марии Петровны из Шабенской вол., д. Жуковской (Д. 5); записи Н. Тюкавина «Свадьба Шуйской волости, записано в дер. Жидовины» в 1916 г. (Д. 12);⁵⁸ записи старинных пе-

краеведческий музей. Ф. III. Оп. № 3, 378; 4) Заметки о прошлом Вилегодского народа (материалы по (истории) этнографии района). О быте Вилегодского крестьянского населения в недалеком прошлом. 1966 г. 34 л. См.: Кузнецова Е. А. Этнографические записки о Вилегодском крае В. А. Сухих // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 181—195.

⁵² Так, автор часто объясняет значение местной лексики. Например: «Перебор — мелководье поперек реки, песчаная или каменная грядка/маленький порог». Или: «Курья — остатки старого русла» (л. 4).

⁵³ Покровский Е. А. Детские игры. Преимущественно русские. М., 1895.

⁵⁴ Пономарев Б. Литературный Архангельск. Архангельск, 1966. С. 17—23 и др.

⁵⁵ Романов М. Из фольклорных записей; Попов Н. Д. Ненецкие сказки // Север. 1936. С. 116—123, 124—130 и др.

⁵⁶ О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. Рождественской. Архангельск, 1952; Народное творчество Северной Двины: старинные песни, прибаутки, детские песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды / Сост. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова. Архангельск, 1966, и др.

⁵⁷ Указания в скобках являются в настоящее время принятым музейным шифром документа.

⁵⁸ Тюкавин Николай Львович — студент Петроградского учительского института. См.: Белов С. П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915—1920 гг.) // Тотма. Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 534.

сен, сказок и бывальщин от Прасковьи Горынцевой, часть записей сделали Петр и Павел Горынцевы из д. Старый двор в 1914 г. (Д. 13); этнографические записи из Шебенской волости, сделанные учительницей Стародворского училища Н. Ефимьевой в 1917 г. (Д. 13/2);⁵⁹ записи Вотчинской свадьбы, сделанные А. Широковым (нач. XX в.) (Д. 20); описание деревень Тотемского уезда, составил М. П. Попов, крестьянин деревни Митино в 1916 г. (н. а. 21);⁶⁰ свадьба в д. Хариново, записано со слов местных жителей неизвестным собирателем (нач. XX в.) (н. а. 26); рукопись «Свадьба Тотемского уезда», запись со слов М. Матерухиной неизвестного собирателя (н. а. 1500); сведения о поселениях чуди на берегах р. Средней Сухоны близь г. Тотьмы, записал Праведников в 1921 г. (н. а. 32); записи вечерины святочной д. Орловской и сказки (нач. XX в.) (н. а. 39—40).

Перечисленные фольклорно-этнографические материалы составляют довольно объемный корпус текстов, и, как удалось установить по записям на них собирателей, некоторые были предназначены для известного вологодского краеведа М. Б. Едемского, составителя «Свадьбы в Кокшенье».⁶¹ Следует отметить, что корреспондентами М. Б. Едемского были сельские учителя и грамотные крестьяне. Эти материалы имеют научную ценность в качестве источников при переиздании и издании трудов краеведа, а также для составления Свода русского фольклора, представляя собой фонд записей на ранней стадии собирательской работы в Тотемском крае.

К более ранним рукописям с записями фольклорно-этнографических сведений в собрании Тотемского краеведческого музея относится тетрадь В. Т. Попова «Пословицы и поговорки» 1854 г. (н. а. 786);⁶² известный этнографический интерес представляют черновые наброски книги Д. Григорова «Тотьма и ее окрестности» (н. а. 611);⁶³ книга Д. П. Осипова «Крестьянская изба на севере России» (нач. XX в., машинопись) (н. а. 41); бытовые рассказы из крестьянской жизни тотемских крестьян, в записи 1925 г. неизвестного собирателя (н. а. 64); черновые записи «Словаря местного говора» неизвестного собирателя (н. а. 150); записи суеверных рассказов неизвестного собирателя

⁵⁹ Ефимьева Ника Васильевна — учительница Стародворского земского училища Тотемского уезда. См.: Белов С. П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915—1920 гг.) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. II. С. 532.

⁶⁰ Попов Михаил Павлович — крестьянин, член-корреспондент Николаевской главной физической обсерватории, д. Митино Косиковской волости Тотемского уезда. См.: Белов С. П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915—1920 гг.). С. 533.

⁶¹ Едемский Михаил Борисович — директор Тотемской учительской семинарии. *Едемский М. Б. Свадьба в Кокшенье Тотемского уезда // Живая старина. 1910. Вып. 1—2. Приложение. С. 1—48; Вып. 3. Приложение. С. 49—96; Вып. 4. Приложение. С. 97—137; То же / Сост. М. А. Вавилова, С. Н. Смольникова; отв. ред. С. Ю. Баранов. Вологда, 2002.*

⁶² См. о нем: *Соболев А. И. Почетный потомственный гражданин. (Памяти В. Т. Попова — основоположника тотемского краеведения) // Тотьма. Историко-литературный альманах / Под ред. М. А. Безнина. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 315—325. (Там же литература о нем).*

⁶³ *Григорьев Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах / Под ред. М. А. Безнина. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 119—287. Издание подготовил С. П. Белов, художник-реставратор.*

(н. а. 556), а также рукопись неизвестного составителя под названием «Летопись существования г. Тотьмы» (н. а. 79).

В научном архиве музея хранятся коллекции записей краеведов, содержащие: колыбельные песни Биряковской волости Тотемского уезда, записал Ф. Е. Малевинский (1924 г.) (н. а. 36);⁶⁴ Ф. Е. Малевинский «Наблюдения о бытовании частушек в среде молодежи Биряковской волости Тотемского уезда и записи текстов (1929, 1927, 1928 гг.)» (н. а. 122, 123); рукопись Ф. Е. Малевинского «Причитания и песни невесты и ее подруг в Биряковской волости Тотемского уезда» (1929 г.) (н. а. 124). Там же находятся некоторые материалы краеведа В. Е. Величутина:⁶⁵ «Записки по краеведению» (1948 г.), дневник научной командировки в Матвеевский и Мосеевский с/с Тотемского района (1951 г.); «Кокшенгские хороводные песни и припевки» (1960 г.) (н. а. 703), и М. Арсакова «Легенды, записанные со слов жителей Петропавловского района Череповецкого округа в 1929 г.». Отдельную коллекцию составляют материалы школьного кружка юных краеведов, действовавшего во время Великой Отечественной войны: записи частушек от школьников в военные годы (н. а. 453, 454, 489, 490); записи пословиц и поговорок, загадок (1945 г.) (н. а. 492); записи сказок, присказок (1945 г.) (н. а. 493); стихи бойцов, командиров и колхозников военных лет (н. а. 497). Эти материалы имеют некоторое историческое значение, характеризуют занятия школьников военных лет: записи выполнены на газетных и книжных клочках бумаги между строками. К полевым записям последних десятилетий относятся материалы музейных работников, например о народных праздниках (н. а. 583, н. а. 615), собрала В. А. Притчина.

В Тотемской районной библиотеке нами были обнаружены многочисленные газетные публикации и местные малотиражные издания по истории и этнографии края.

Дополнить системный поиск источников фольклора по северу России можно благодаря случайным, попавшим в наше поле зрения материалам, принадлежавшим частным коллекционерам, собирателям и мемуаристам. К ним принадлежит Павел Григорьевич Сухогузов, краевед из города Ухта, который оставил записи по истории и фольклору своей «малой родины» — с. Прокопьевка Прилузского района Республики Коми. Основу «Записей о Прокопьевке» составляют воспоминания старожилов, пересказанные автором. Информанты практически всегда связывают историю поселения со своим собственным родом или, наоборот, историю семьи или свою биографию передают через призму исторических событий. Не вызывает сомнения объективность в передаче записанных «на карандаш» и переведенных на русский язык рассказов; об этом можно судить как по стилю повествований, так и по тем замечкам-пояснениям, которые при необходимости П. Г. Сухогузов помещает в скобки, сопровождая авторской отсылкой, или выделяет в особый абзац как «Замечания автора записок».⁶⁶

⁶⁴ Малевинский Феодосий Евгеньевич — священник, законоучитель, с. Стрелица Тотемского уезда. См.: Белов С. П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915—1920 гг.). С. 533.

⁶⁵ О нем см.: Соболев А. И. Подвижник на ниве народоведения // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. С. 326—331.

⁶⁶ Канева Т. С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции с. Прокопьевка Прилузского р-на Республики Коми // Славян-

Во второй части воспоминаний под названием «Село Прокопьевка. Обычаи, верования, суеверия, игры, праздники, лечения» П. Г. Сухогузовым приводятся преимущественно сведения фольклорно-этнографического характера, содержание которых соответствует названию этой части. По рассказам более чем двадцати информантов представлены воспоминания о местных праздниках, свадебном обряде, знахарстве, развлечениях молодежи, рассказы о мифологических существах и т. п. И хотя данные материалы не дают исчерпывающей картины местного народного календаря, свадьбы или похорон, они содержат немало интересных деталей (например, в свадебном обряде: «обрядовые хуль» невесте, присказка сватов, использование прялки, ряженье).⁶⁷ Подобные свидетельства ярко характеризуют не только общественно-социальные процессы, происходившие в деревне за последние 50 лет, но и те катастрофические подвижки, которые могли произойти в традиционном крестьянском сознании.

Под воздействием новых социальных условий отношение к прошлому приобрело негативный оттенок. В связи с этим П. Г. Сухогузов приводит характерные выписки из школьных сочинений своих сельчан. На их основании можно говорить, что именно на поколении 70—80-летних оборвалось живое бытование памятников традиционной народной культуры. Поэтому материалы фольклорного сборника с. Прокопьевки представляют собой своеобразные воспоминания об устно-поэтических произведениях, или, скорее, уходящую память о их живом бытовании.

К жанру народных мемуаров принадлежит рукопись 1987 г. Георгия Степановича Горева (1925 г. р.) «Деревня Вилки, ее жители и их нравы», хранящаяся в Орловском краеведческом музее (без фондового №). Воспоминания Г. С. Горева любопытны тем, что в них отражено ностальгическое чувство по утрате своей «малой родины» («Сейчас нашей деревни нет, она ликвидирована. Даже место, где стояла она, перепахано тракторами <...>»). В своих воспоминаниях намерен вкратце показать жизнь деревни и отдельных ее жителей до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, так как именно этим периодом кончилось мое детство и юность, а также кончилась моя жизнь в деревне. На примере жизни нашей деревни, таким образом, примерно складывался уклад жителей других деревень нашего района. Может быть, будет интересно знать о нашей жизни и нашим потомкам: детям, внукам, правнукам». — Л. 1—3). Собственно фольклорно-этнографических материалов в очерке содержится не так много, за исключением описания некоторых детских игр, атмосферы деревенских молодежных гуляний, способов обработки льна, варки деревенского пива и т. д., — словом, того общего, что сохранила память человека о своей молодости.

Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лек-

ская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Сб. науч. статей. М., 2008. Вып. 11. С. 260—266.

⁶⁷ Экспедиционные записи СыктГУ 1990-х гг., инициированные появлением коллекции П. Г. Сухогузова, позволили дополнить комментарии краеведа относительно особенностей исполнения «рождественских» песен (место в общем песенно-игровом сценарии, порядок разыгрывания, хореография), однако зафиксировать песенный репертуар Прокопьевки в такой полноте, как это сделал П. Г. Сухогузов в конце 1970-х гг. (и лирики, и игрового фольклора), уже не удалось.

сиконы представлены в разных жанровых формах, но несомненно их объединяет одно — стремление показать свое отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов.

Наиболее примечательным трудом местных краеведов является «ПомОрьска говОря. Краткий словарь поморского языка» И. И. Мосеева.⁶⁸ Автор этого издания попытался авторитетно представить свою книгу, поместив в начале положительные «рецензии» на нее.⁶⁹ Статья «От автора», состоящая из нескольких небольших главок,⁷⁰ начинается с пафосного вступления («Грудно не восхищаться гармонией природы и человеческого духа, создавшего неповторимую культуру нашего Поморья. Величественная красота поражает каждого, кто попадает в настоящую поморскую глубинку, будь то Онега, Вага, Двина, Пинега, Кулой, Мезень, Лешуконье или другая поморская сторона. Бескрайние лесные дали...»⁷¹).

В словаре, по словам составителя, «содержится попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения».⁷² В обращениях к детским воспоминаниям можно усмотреть один из главных мотивов, побудивших автора к сбору лексического материала. Именно «память детства» является одним из деятельных рычагов в механизме саморефлексии традиции.

В этой попытке языковой самоидентификации можно усмотреть целеполагание трудов тех, кто осознанно участвует в этом процессе. Поэтому автору важно отметить то, в чем заключается разница между его собственным трудом и другими подобными трудами.⁷³

В механизме саморефлексии традиции важно осознание главных ценностных ориентиров. Так, в главке «Восстанавливаем родную речь» уже декларируются настроения политической и культурной самоорганизации поморов.

⁶⁸ Мосеев И. И. ПомОрьска говОря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

⁶⁹ Это статья «О проекте» П. А. Есипова, руководителя Национально-культурной автономии поморов Архангельской области, где декларируется, что «Настоящий проект — попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения»; историко-этнографический этюд о поморской общности В. Н. Булатова, д. и. н., профессора Поморского университета; Н. М. Терехихина, д. и. н. (кстати, философских наук. — А. В.), под названием «Ученые о поморах» (с. 5—7), где нет ни слова о настоящем издании. (Там же. С. 4, 5—7).

⁷⁰ «Память детства», «О словаре», «Ценно только подлинное», «Восстанавливаем родную речь», «Словарь — наша лоция», «О мироощущении поморов», «Древние корни говори». (Там же. С. 8—33).

⁷¹ Мосеев И. И. ПомОрьска говОря. Краткий словарь поморского языка. С. 9.

⁷² Там же. С. 10.

⁷³ «Зачем нам сегодня нужен „Краткий словарь поморского языка“ — разве мало издано и издается диалектических словарей, написанных учеными? Есть ведь оригинальный «Поморский словарь» К. П. Гемп, словарь «Живая речь кольских поморов» И. С. Меркурьева, издается прекрасный многотомный «Архангельский областной словарь» О. Г. Гецовой — разве этого не достаточно? Такие вопросы мне задавали не раз, но я неизменно отвечал, что «Краткий словарь поморского языка» вовсе не повторяет другие словари, у него другое предназначение, иная концепция и философия. Его основное отличие в том, что это не академическое издание и в его составлении участвуют не ученые, а сами коренные жители Поморья, увлеченные родной говОрей. Такого словаря еще не было. (Там же. С. 13).

Что касается самой словарной статьи, то она состоит из собственно лексемы (существительного в именительном падеже или глагола в инфинитиве), ее значения и употребления в контексте предложения или смысловой фразы.⁷⁴

Обратим внимание на несовершенство составления словарной статьи. Во-первых, приводится только одно лексическое значение слова в единственной словоформе (например, зафиксированное в «говОре» слово *впрохОдку* — *мимо, не заходя* является явно производным от слова *впроход*, ср.: АОС).

В конце словарного корпуса составитель приводит несколько текстов сказок с переводом их на литературный русский язык. Правда, вопрос об аутентичности публикуемых текстов «на говОре» остается открытым, не говоря даже о том, что там нет указания на источник — от кого, где и когда были записаны тексты составителем.

Подобные же опыты составления словарей мы встречаем у других местных любителей и краеведов. Одну из таких жанровых разновидностей представляет книга Платона Алексеевича Худякова «Говор и быт Мало-Пинежья»,⁷⁵ которая состоит из собственно словаря местных слов и мемуаров составителя. «Главным же источником для словаря, по словам автора, послужила собственная память, крепко и детально зафиксировавшая всех людей, окружавших меня в детстве и ранней юности, их говор, их действия и события. И за многие годы пенсионных раздумий, обращения в далекое прошлое — память выдала все, что знал о своей Малой Родине».⁷⁶ В словарных статьях Худяков иногда допускает развернутое историческое комментирование того или иного персонажа мифологии. По большей части собранная им лексика представляет собой хозяйственно-бытовой и эмоционально-экспрессивный слой местного словарного фонда, местные названия рек, урочищ и т. п. Часто в словарной статье приводятся в качестве примера суеверные рассказы, былички в форме народного мемората и исторического предания в пересказе составителя.⁷⁷ Во введении к книге и словарных статьях составитель склонен к наивным этимологическим выводам, поэтому он высказывает характерные методологические положения: «Поскольку народный язык отражает духовную и производственную деятельность народов во времени, анализ старого местного говора, развивавшегося столетиями изолированно от внешнего мира, предоставляет возможность судить о происхождении первопоселенцев, основоположников местного говора, заселивших на заре колонизации Севера этот удаленный Пинежский край».⁷⁸

Одной из главных целей своего труда составитель видит в том, что «это память для грядущих поколений о жизни небольшой обособленной группы древнего русского народа — для сравнения и поучения».⁷⁹

⁷⁴ Например, АБик — выступающая из-под воды верхушка большого подводного камня (У баклАнця аБик вЫголить) (см.: баклАнец, вЫголить).

⁷⁵ Архангельский областной краеведческий музей. Ф. III. Оп. 3. П. А. Худяков «Говор и быт Мало-Пинежья» (1978 г.) (машинопись). П. А. Худяков — уроженец деревни Горка б. Сольвычегодского уезда, Вологодской губернии, Горьковской волости. По новому административному делению: Верхнетоемского района, Архангельской области.

⁷⁶ Архангельский областной краеведческий музей. Ф. III. Оп. 3. Л. 19.

⁷⁷ «Много суеверий было связано с существованием рядом с людьми другого невидимого мира, мира нечистой силы, которая нет-нет да и проявит себя в отношении отдельных нарушителей неписаных правил поведения». (Там же. Л. 81).

⁷⁸ Там же. Л. 8. Ср.: Романов.

⁷⁹ Там же. Л. 4.

Ряд составленных краеведами словарей местного говора, топонимических лексиконов, словарей местных фамилий можно продолжить публикациями А. В. Кузнецова,⁸⁰ Н. Ф. Аннина⁸¹ и множеством газетных статей в районных малотиражках местных авторов.

Определенный научный интерес представляет «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской—Дмитриевской волости».⁸² Словарь — это не просто сборник диалектной лексики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.⁸³

⁸⁰ Кузнецов А. В. 1) Язык земли Вологодской. Очерки топонимики. Архангельск, 1991; 2) Корни тотемских фамилий. Тотма, 1998; 3) Сухона от устья до устья. Топонимический словарь-путеводитель. Летопись русской провинции. Вологда, 1994.

⁸¹ Аннин Н. Ф. Словарь каргопольского говора / Предисл., ред. и прил. О. В. Онучиной, Н. И. Решетникова. М.; Каргополь, 2001. Изданию присущи все характерные недостатки провинциальных публикаций, несмотря на то что составители и редакторы книги в приложение включили фрагменты выступлений на Пятой научной конференции, организованной Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником в 1999 г.

⁸² РО ИРЛИ. Ф. № 66 (Романов). Оп. 5. Рукопись в 4-ку. Словарь Устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Рукопись поступила 1986 г. № 52. 338 с. Включает также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей (с. 339—347); 2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области. Пежма. 1950 г.». 15.4.

⁸³ Структура словарной статьи: «А — неопределенная частица, с которой часто начинается разговор. А! — ага! Ну!: Ври она што! А? — что? Абу — нет (коми абу — нет), употребляется для усиления отрицания. — Дай покурить — Абу, нет!

Алатерь камень — встречается в фольклоре, особенно в заговорных словах, например: На синём мори-окияне / на том острове на буяне... (с отсылкой на Фольклор Устья. — А. В.). Это заговорное слово несомненно обращено к древнему божеству зари. Поэтому, вероятно, происхождение названия этого камня от корня ал, алый — алый заревой. От него же существительное алость, алота и алотынь (см. дальше). Последние — превосходная степень алости, зарёвности. Это предположение находит опору в яфериических языках. Гурейское алион — заря. Абхазское танча — тча — атча — женская ипостась солнца». В качестве отдельной словарной статьи представлена следующая: «Бабушка Соломонушка, Христова повиваленка — персонаж из заговорных слов, употребляемых, главным образом, при родах. Из заговоров видно, что ей подчинялась „звериная силушка“. Древним прототипом ее была, всего вероятнее, богиня земли Земляница, Землянушка: Бабушка Соломонушка, / Христова повиваленка / Сидит на золоте стуле / Держит камфарной блюдо / На том блюде — золоты клюци / Отпират она ими святые ступеньци...». Или следующая статья: «Бай, байки, баеньки, баю, баюшки — в колыбельных песнях: Баю-бай, баю-бай, / Байки-баюшки-побай / Спи-ко Ваня устай, / Со анделами, / Со арханделами... (из колыбельной песни)». Или представляющая краткую характеристику одного из свадебных ритуалов: «Баня невесты последнее перед свадьбой мытьё невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами». Или слова с попыткой этимологического анализа: «Барабать — лапать, хватать голыми руками (ив. Bar — голый, rarp — удар); Баракиша (нижнеустьянское) — дикий, неотёсанный. (Эка баракиша дикая) (зап.-фин. Rarrakas бородатый)». Или объяснение слов из словаря фольклора: «Б'едно — обидно, горько. Бедно стало до слёз / Бедно мне да забедно, / Бедно показалось... (из причета)». Или мифологические объяснения: «Божья дуга — радуга. Собственно говоря, радуга-дуга была Перуна, а так как наследником Перуна в христианстве был Илья пророк,

Таким образом, словарь местного говора, составленный краеведом или любителем старины, как сложившийся книжный жанр становится одним из важных источников в фольклористических исследованиях.

Обратим внимание еще на один аспект в собирательской практике краеведов и любителей. Это — чрезвычайно распространенное в настоящее время составление фамильных родословных. Часто они носят чисто документальный характер и выражены в виде графической схемы.⁸⁴ Иногда этот жанровый вид воплощается в историческом сочинении, включающем бытовые рассказы, семейные легенды, воспоминания и проч.⁸⁵ И в этом отношении они представляют для фольклористов определенный интерес.

Краткий обзор хранящихся в краеведческих музеях фольклорно-этнографических и историко-краеведческих материалов позволяет составить представление о количестве, жанровом составе, репертуаре, принципах фиксации, их аутентичности, именах собирателей и основных целях собирания. Фондирование и описание этого солидного корпуса документов в настоящее время пока не соответствует даже простым правилам архивного хранения и оставляет желать лучшего. Большинство документов сами по себе как будто не представляют серьезной научной ценности вне контекста с другими материалами и записями, сделанными профессиональными фольклористами и этнографами в той же местности. Поэтому попытка ввести историко-этнографические сведения и документы, хранящиеся в провинциальных музеях, в научный оборот чрезвычайно затруднена, а имеющиеся опыты (в большинстве своем неудачные) использования музейных материалов можно оценить в той или иной мере обратившись к местным (в том числе областным) изданиям краеведческих сочинений.

Рамки настоящей статьи не позволяют дать развернутую характеристику всех жанровых разновидностей фольклорно-этнографических материалов, хранящихся в местных хранилищах и зафиксированных в результате архивной полевой работы во время экспедиций.

Поэтому введение их в научный оборот является актуальной задачей академической фольклористики в свете решения проблем по созданию Свода русского фольклора. Несомненно, обращение к таким сложным по характеру источникам позволяет поставить ряд новых теоретических проблем на современном этапе развития отечественной науки. Прежде всего эти вопросы связаны с выявлением новых имен собирателей, характеристикой их фольклористической деятельности на местах и их ролью в национально-культурной самоидентификации общества.

то радуга считается дугой — Ильи пророка». Как правило, Романовым приводятся только одно грамматическое значение слова и его толкование.

⁸⁴ Примером может служить родословная крестьян Золотицкой волости Зимнего берега Белого моря, составленная краеведом В. А. Точиловым (см. цифровую копию в материалах фольклорной экспедиции 2008 г. ИРЛИ РАН).

⁸⁵ См.: например: *Коробейников Г. А.* Наша родословная (собственное издание в 10 экз.). Архангельск, 2008.

И. К. ПАВЛОВА

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ
В ПЕРСИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**
(по материалам русских архивов)

Одним из важных препятствий, влиявших на развитие торговых отношений между Россией и Персией,¹ являлось плохое состояние дорог, соединяющих эти страны. Как известно, вплоть до начала XX в. все дороги в Персии были вьючными. Они проходили через горы, отличались каменистостью грунта, обслуживались при помощи верблюдов, лошадей, мулов и ослов. Использование в качестве перевозчиков животных не только увеличивало сроки транспортировки, но и влияло на сохранение качества товаров. Попутно отметим то, что наши соотечественники предпочитали перевозить свои грузы при помощи верблюдов, так как при разгрузке они приседали на колени и благодаря этому товар все же можно было снять, не повредив его. В остальных же случаях товар кидали на землю, что наносило ему подчас большой ущерб.² По этим причинам транспортировка грузов из России в Персию занимала довольно длительный период. Купцы сообщали о том, что расстояние 190 верст преодолевалось за 4—6 дней. Так, путь от Тавриза до Эривани³ занимал 10—12 дней, а из Москвы до Тегерана 4—5 месяцев. В пути постоянно обнаруживалась недостача товаров и их порча. Стоимость перевозки по вьючной дороге колебалась от 15 до 55 коп. за версту.

Для русских торговцев существовала и другая не менее важная проблема, а именно отсутствие своих агентов в Персии. Вплоть до начала XX в., до того момента когда русские транспортные общества смогли получить от шахского

¹ Персия — официальное название Ирана до 1935 г. С 1979 г. государство Иран стало называться Исламская республика Иран.

² Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию до осуществления концесий русскими транспортными обществами «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов». Доклад М. А. Лукошевича. Российский Государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 23. Оп. № 8. Ед. хр. 11. 1906. Л. 2—3.

³ Город Табриз, или Тавриз, в современной орфографии — г. Тебриз, расположен на северо-западе Ирана. Издавна Тебриз является административным центром Восточного Азербайджана, крупным транзитным пунктом на Ближнем Востоке. Город Эривань — современное название г. Еревана — столицы Армении.

правления права на осуществление своей деятельности, транспортировка грузов шла через персидских комиссионеров, «не очень добросовестных, любящих лакомиться фруктами и заботящихся о собственном кармане».⁴ Кроме всего прочего, как сообщают нам архивные документы, персидские агенты (чарводары) весьма небрежно относились к своим обязанностям. Они хранили русские товары под открытым небом, без охраны, помещали их на грязные места. Естественно, все это портило внешний вид поставляемых товаров, что сказывалось и на продажной цене. В целом, транспортировка грузов практически происходила в нелегальной форме и была «в весьма плачевном состоянии».⁵

На уровне состояния перевозок негативно сказывалась также сильная конкуренция между самими российскими компаниями и отдельными частными перевозчиками. В донесениях российских консулов отмечалось, что «конкуренция дурно влияет на персов, подрывает доверие и уважение к транспортным перевозкам».⁶ Враждебность между представителями различных компаний, пытавшихся убедить персов именно в своей компетенции, сразу же бросалась в глаза. Неоднократные жалобы торговой буржуазии и финансовые убытки России при торговле с Персией заставили правительство в начале XX в. пересмотреть свои позиции по этому вопросу. Тем более что к этому времени торговля в Персии стала набирать новые обороты. Активизация русской торговли в Персии объяснялась застоём торговых операций на Дальнем Востоке, который возник из-за осложнения отношений с Японией в результате начавшейся Русско-японской войны (1904—1905), и возрастающим соперничеством с Англией на Ближнем Востоке.

Переломным моментом в истории русско-персидских торговых отношений стал 1903 г. Ряд мер и постановлений, принятых российским правительством, позволил в какой-то степени изменить сложившуюся ситуацию. С этого года отечественные торговые и транспортные компании, работавшие на персидском рынке уже в течение нескольких лет, стали осуществлять свои операции на законных основаниях. Теперь они открывали свои представительства на основании определенных прав, приобретенных по договору с Персидским страховым и транспортным обществом, которому принадлежала к тому времени транспортная концессия в Персии и большая часть акций которого принадлежала государству.⁷

Крупными компаниями, в то же время имеющими относительную самостоятельность, считались «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов». Они имели свои агентства в 18 городах Персии и в 4-х пунктах на российской территории. Причем как в крупных городах Ардебиль, Решт, Казвин, Исфахан, Тегеран, Мешхед, так и в небольших пунктах Мешед-абад, Метедиссер и др.⁸

⁴ Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 4.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 6—7.

⁷ Персидское страховое и транспортное общество было создано частным предпринимателем Л. С. Поляковым еще в ноябре 1890 г. Однако спустя двенадцать лет, в 1902 г., государственное казначейство России по предложению министра финансов (1892—1903) С. Ю. Витте выкупило основную часть акций компании. К концу 1902 г. 3/4 голосов, полученных Министерством финансов, оказалось достаточным, чтобы изменить состав правления. Держателем акций стало государство. (Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 10).

⁸ Приводим краткие сведения об этих компаниях. «Бюро персидских транспортов» было создано в 1890 г. по инициативе руководства компании «Кавказ и Мерку-

Компании одновременно осуществляли сухопутные и морские перевозки. Их развивающаяся деятельность стала предметом пристального внимания российских властей. Отметим также то, что при обследовании деятельности пароходных обществ на Каспийском море относительной поблажкой пользовалась компания «Кавказ и Меркурий». Это можно объяснить тем, что в числе ее акционеров были члены царской фамилии и другие влиятельные лица. Кроме основных функций упомянутое общество по особому контракту с казной осуществляла перевозку войск, почты и различных материалов по заданию правительства.⁹

рий». С этого времени фирма начинает уделять большое внимание торговле с Персией и Средней Азией. Для этого «Кавказ и Меркурий», объединившись совместно с Восточным обществом товарных складов и Российским транспортным и страховым обществом, открывает совместную фирму для перевозки коммерческих грузов между Россией и Персией, дав название новой совместной компании «Бюро персидских транспортов». Российское государство ежегодно предоставляло фирме субсидию в размере 340 тыс. руб. и различные льготы, в том числе отвод земли по Волге и Каспийскому морю. В свою очередь компания также брала на себя ряд обязательств перед правительством. Прежде всего, ей вменялось в обязанность заниматься созданием каспийского торгового флота (в договоре оговаривалось иметь не менее 15 судов и столько же барж) и собирать суда на собственном заводе из частей, привезенных из-за границы. Главная контора «Бюро персидских транспортов» располагалась в Санкт-Петербурге на ул. Гончарной, д. 22. Связаться с ней можно было и по телефону по номеру 39-15. (Дела Бюро персидских транспортов 1890—1917 гг. РГИА. Ф. 101. Оп. № 1, ед. хр. 1127—1137. Л. 22—33; Бюро персидских транспортов. Инструкция по комиссионной купле-продаже товаров. СПб., 1904. С. 1—17). Одним из основателей и главных акционеров компании «Надежда» был Оскар Егорович Лампе (сконч. 15.08.1898 г.). Правление компании находилось в Санкт-Петербурге и состояло из шести директоров, каждый из которых должен был иметь не менее 50 акций. Компания работала по трем направлениям: транспортировка кладей, пароходство по всей Волге от Твери до Астрахани и по Каспийскому морю, страхование (Доклад правлению гг. акционеров «К. Надежда». СПб., 1899. С. 1—2; Краткий путеводитель по Волге. СПб., 1905. С. 18—34; Проект устава Петербургской компании «Надежда» для страховой перевозки и торговых поручений. СПб., 1898. С. 6—10). «К. Надежда» имела своих уполномоченных в составе волжского пароходного общества в Нижнем Новгороде (представитель Зевеке Александр Альфонсович), каспийского пароходного общества в г. Баку (представитель Гвуден Карл Романович) и главного агента в Средней Азии Жария Ивана Ивановича. (Список агентств, агентов, инспекторов и ревизоров С-Петербургской компании «Надежда». СПб., 1900. С. 56).

⁹ Добавим также то, что общество «Кавказ и Меркурий» являлось самым крупным пароходным обществом на Волге с 1857 по 1918 г. Эта компания была создана 21 мая 1858 г. после объединения двух пароходств: волжского речного «Меркурия», существовавшего еще с 1849 г., и каспийского морского «Кавказа», основанного только в апреле 1858 г. Инициатором слияния этих компаний стал Николай Александрович Новосельский. Он стал и его первым председателем. Спустя год, 14 декабря 1859 г., компания, заручившись поддержкой и покровительством Его Императорского Величества, начала свою деятельность. Основной капитал на тот момент составлял 5 625 000 руб. Общество владело пятнадцатью пассажирскими двухпалубными пароходами, шестью буксирами, пятью транспортными судами. Так, одно из них, носящее имя столицы Персии Тегеран, поднимало до 20 тыс. пудов груза. Оно впервые стало использовать на Волге американские пароходы, самый крупный из которых назывался «Александр I», и впервые стало отапливать свои суда нефтяными остатками. 80-е гг. XIX в. являются периодом расцвета общества «Кавказ и Меркурий». Кроме основного капитала оно имело еще страховой капитал, сумма которого в 1885 г. составляла 104 500 руб. В 1891 г. акции равнялись 400 000 руб. Каждая акция стоила по 20 руб. (Дела Бюро персидских транспортов 1890—1917 гг. Л. 30—40).

Новая политика государства в отношении транспортных и страховых обществ, с одной стороны, упорядочивала процесс транспортировки грузов по территории Персии и предоставляла возможность предпринимателям расширять свою деятельность, с другой — ставила владельцев в зависимость от государственного контроля.

Анализируя материалы Российского государственного исторического архива, можно увидеть, что после постановления 1903 г. названные компании начинают интенсивно открывать свои агентства во многих других персидских городах. В то же время на примере вышеупомянутых обществ можно проследить процесс слияния государственного и частного капиталов в транспортно-страховой сфере.

Показательным документом для оценки деятельности этих обществ и проверки общего состояния дел является докладная записка М. А. Лукошевича, датируемая им 30 марта 1906 г. под названием «Общий обзор перевозки товаров в Северной Персии до осуществления концессий русскими транспортными обществами „К. Надежда“ и „Бюро персидских транспортов“», хранящаяся в РГИА. Этот документ дает в распоряжение специалистов уникальные сведения по означенной теме.

Согласно порученному заданию от правительства, М. А. Лукошевич, выезжает в Персию (точную дату его отъезда установить не удалось, но, очевидно, он отправился в путь во второй половине 1905 г.). Во время этой поездки он объехал шесть больших округов: Ширванский, Хорасанский, Астрабадский, Мазандеранский, Энзели-Исфаганский, Азербайджанский, где традиционно развивалась русско-персидская торговля и где находились агенты и комиссары российских транспортно-страховых компаний. Итогом его инспекции является упомянутая докладная записка. В ней подробно приводятся данные о позициях той или иной компании в каждом городе, где находились их агентства, подчеркиваются заслуги и неудачи их комиссаров, анализируется товарооборот русских и персидских грузов.

Остановимся на наиболее интересных и важных данных этого документа, каждая часть которого посвящена отдельному округу, согласно перечисленным выше названиям. Итак, первый район инспекции г. Ширван, столица ширванского ханства с 1805 г., расположенный в Азербайджане и с 1805 г. присоединенный к России.

Для иллюстрации приведем отрывок из записки М. А. Лукошевича, рассказывающий о деятельности агентства страховой и транспортной компании «К. Надежда» в Ширване: «Ширван — жителей 10—12 тысяч, исключительно магометане, разводят исключительно виноград и ежегодно вывозят около 10 000 пудов кишмиша, что составляет весь его вывоз. Товары из Ширвана доставляются в Асхабад (около 80 верст на ослах и мулах горной дорогой, по цене от 1.1 до 3.75 руб. за пуд. Агентство «К. Надежда» открыто здесь в июле 1903 г. Его товарооборот составляет:

Год	По прибытию	По отправлению	Итого
1904	4 352 пуда	21 843 пуда	26 195 пудов
1905 г. до 1 ноября (за 10 месяцев)	около 4 000 пудов	около 30 000 пудов	34 000 пудов

Возглавлял агентство г. Джалалов. Агентство имеет небрежный вид, что вызывает у ширванцев пренебрежительное отношение».¹⁰

По этой же схеме дается характеристика остальных агентств этих компаний в других городах и населенных пунктах Персии. Тщательное изучение этих данных дает в руки исследователей необычайно важный материал. Так, например, мы узнаем о том, что комиссаром в г. Мешед-Абаде был г. Пайрос, служащий одновременно корреспондентом Учетно-Ссудного банка, т.е. представитель государственной организации. Вполне вероятно, что он был назначен на эту должность по предложению администрации Учетно-Ссудного банка, стремившегося к этому времени поставить под свой контроль любые виды деятельности российских частных фирм.

Важные сведения приводит автор записки о крупном торговом центре Мешхеде, главном городе восточной провинции Персии Хорасане.¹¹ Он указывает на то, что в этом городе сохранялись довольно устойчивые позиции российских перевозчиков. Здесь находились отделение Учетно-Ссудного банка, агентства «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов» и другие более мелкие транспортные конторы.

Из его сведений мы узнаем о том, что «К. Надежда» существовала в Мешхеде с 1902 г., а «Бюро персидских транспортов» открылось лишь в 1905 г.

Важно сравнить цифры товарооборота этих фирм по прибытию:

Фирма	Товарооборот
«К. Надежда»	84 528 пудов
«Кавказ и Меркурий»	41 523 пуда
«Российское общество»	53 217 пудов
«Восточное общество»	30 179 пудов

По страхованию:

Фирма	Товарооборот
«К. Надежда»	56 732 пуда
«Кавказ и Меркурий»	31 700 пудов
«Российское общество»	18 799 пудов
«Восточное общество»	11 851 пуд ¹²

Вышеприведенные данные говорят нам о том, что среди всех фирм лидировала компания «К. Надежда» как по получению грузов, так и по страховым операциям. Довольно скептически настроен автор записки в отношении деятельности этой компании в Астрабадской провинции. Он сообщает о том, что через

¹⁰ Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 18—20.

¹¹ О значении Мешхеда как крупного торгового и транзитного центра на востоке Персии в начале XX в. говорит следующая информация М. А. Лукошевича: «Мешед насчитывает около 130 000 жителей. Его купцы — армяне, персы, русские ведут торговлю с Россией, получают товар по трем дорогам на Асхабад, на Качани, на Дузан. Первая — протяженностью около 230 верст — проходит через г. Кочан. От Мешхеда она тянется далее на юг Хайдара и продолжается за ним в Сеистан. Главные предметы вывоза из Мешхеда: шерсть, ковры, шали, хлопок, овчины, хна и другие краски, сушеные и свежие фрукты». (Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 32). Под названием Мешед автор записки имеет в виду город Мешхед.

¹² Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 26.

г. Астрабад по берегу Каспийского моря проходил важнейший торговый путь, протяженностью 55—60 верст от Бендер-Гяза до горы Кузулух. В 2—3 верстах от пристани в заливе стояли пароходы общества «Кавказ и Меркурий»,¹³ «Восточного», «К. Надежда», а также и частных обществ. Далее он пишет о том, что судя по консульским донесениям и по отчету персидских таможенных ведомств, через Бендер-гяз в 1904 г. было перевезено: из Персии в Россию около 550 000 пудов; из России в Персию около 650 000 пудов; всего около 120 000 пудов.¹⁴ Эти цифры говорят о важной роли Астрабада в грузоперевозках между Россией и Персией.

М. А. Лукошевич обнаружил в Астрабаде и некоторые недостатки. В глаза ему бросилась не совсем порядочная деятельность комиссара компании «К. Надежда» г. Паньянца. Было установлено, что Паньянец одновременно является представителем и других обществ, а также и частных лиц. Очевидно, при определенной конкуренции между фирмами это было нарушением с его стороны и должно было вызвать нарекания его официального хозяина. В обязанности Паньянца как комиссара входили следующие функции: он встречал и отправлял пароходы, принимал и сдавал груз, получая за это определенную плату от компании. Дальнейшая отправка грузов в Персию могла производиться как самим заказчиком, так и по его поручению комиссаром. Паньянец исполнял обязанности агента не только в Астрабаде, но и в других близлежащих городах — Бастане и Шахруде. Кроме того, не имея прав на концессию, он имел в Бендер-Гязе собственную транспортную контору.

Неограниченная и неконтролируемая деятельность комиссара Паньянца, по мнению М. А. Лукошевича, могла осуществляться только по причине того, что компания «К. Надежда» не открыла здесь своего агентства, а пользовалась услугами непроверенных людей.

Хотя надо признать, что деятельность Паньянца, очевидно, все-таки была достаточно эффективной. С его помощью «К. Надежда» успешно конкурировала с компанией «Бюро персидских транспортов». Отметим, что до 1904 г. в Бендер-Гязе находилось пароходное общество «Кавказ и Меркурий», затем на здании, где оно располагалось, появилась надпись «Бюро персидских транспортов», т. е. образовалась уже крупная совместная компания, куда вошло и упомянутое пароходное общество.¹⁵

¹³ Приведем содержание документа, касающегося начала торговых операций общества «Кавказ и Меркурий» в Астрабадском районе Персии. При исследовании архивных материалов нам в руки попало прошение заведующего юго-восточного агентства общества «Кавказ и Меркурий» Саввы Павловича Медведева в Департамент торговли и мануфактуры России, датированное 20 октября 1895 г. Из его донесения мы узнаем точный адрес агентства — «Мой адрес: через Баку, на Гязский берег Каспийского моря». Очевидно, в Баку в то время скопилось достаточно много товара, который требовалось куда-то сбыть. Ближайшим рынком сбыта, конечно, были провинции Северной Персии. Какие же товары он собирался отправлять в эту страну? «В настоящее время, — указывал С. П. Медведев, — здесь очень много товара. Преимущественно: мануфактура, посуда самых низких сортов фабрик Кузнецова и Кокорева». Разрешение, как следует из текста документа за подписью В. Михайловича, было получено. (Переписка заведующего общества «Кавказ и Меркурий». РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 22. 1895. Л. 5).

¹⁴ Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 28—30.

¹⁵ Добавим также и то, что отец Паньянца был комиссаром компании «К. Надежда» в Мешидиссере. По наблюдениям М. А. Лукошевича, он пользовался громадной

Данные сведения подтверждают наше мнение о том, что российское правительство было озадачено конкуренцией с частными предпринимателями и пыталось подчинить их влиянию крупных объединений, имеющих акции государственного капитала.

Рассмотрим более подробно деятельность вышеупомянутых обществ в двух важных районах Персии: Прикаспийском (главный город — порт Энзели) и Центральном (конечный пункт перевозки грузов г. Исфахан). Товары из России шли через следующие города: Энзели — Решт — Тегеран — Исфахан. Далее грузы доставлялись самими персами, скорее всего при помощи вьючных животных, способных продвигаться по узким дорогам. Российские товары не могли продвигаться в южные провинции в Персии еще и по причине конкуренции с английскими, так как Англия имела здесь торговые и политические приоритеты.

Одно из препятствий для российских перевозчиков появлялось уже в порту Энзели, так как отечественные пароходы не могли подойти к берегам Энзелийского пролива, соединяющего Каспийское море с Мурдабадском проливом. Суда разгружались на рейде и помещали свои товары на частные персидские киржимы, в редких случаях для этого использовались баркасы и баржи. Это ставило береговую перевозку в зависимость от киржимщиков и создавало много неудобств. Усугублял трудности перевозки грузов существующий на Каспийском море бурун.¹⁶ Из-за отсутствия профессиональных грузчиков зачастую при перегрузке товары намокали, что снижало их качество, а иногда приводило в негодность. Так, например, 1 июня 1906 г. «К. Надежда» перевозила ящики с чаем, которые были опрокинуты в воду. Убыток для фирмы составил 15—18 тыс. руб. К тому же она должна была оплатить стоимость самого судна (киржима) 100 руб.¹⁷

Самым дорогим участком на этом пути транспортировки был участок до г. Решта, так как владельцы должны были вести свои товары по заливу Мурдаб, а затем по узенькой речке Пир-Базар. От Решта товары шли сухопутным путем по узкому шоссе. Стоимость от рейда до Решта колебалась от 9 коп. до 15 коп. с пуда и около 20 коп. по всему пути — морскому, речному и шоссевному.¹⁸

Во всех восьми главных городах Прикаспийского и Центрального районов (Энзели, Решт, Казвин, Хамадан, Тегеран, Кум, Кашан, Исфахан) компании «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов» имели свои агентства.

Наиболее оживленным пунктом русско-персидской торговли являлся пограничный пункт и портовый город Энзели. Здесь, по данным российских консулов, компания «К. Надежда» имела на Казьяновском берегу «свой собственный дом и контору в каменном помещении», а также один баркас и две баржи. В свою очередь у «Бюро персидских транспортов» в собственности находился дом, каменные склады, один баркас, две баржи, один киржим.¹⁹ Несмотря на это, владельцы упомянутых компаний находились «в полной зависимости от

популярностью среди промышленников и торговцев, причем не только среди своих соплеменников, но и персов. (Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 44).

¹⁶ Бурун — волна, образующаяся над подводными валами, рифами, отмелям, и на некотором удалении от берега.

¹⁷ Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 50.

¹⁸ Там же. Л. 57.

¹⁹ Там же. Л. 53—60.

киржимщиков», т. е. персов. После инспекции в Энзели М. А. Лукошевич отметил в своей записке то, что перевозку необходимо осуществлять при помощи собственных грузчиков — это упрочило бы позиции русских при транспортных операциях и принесло бы им значительные прибыли. Для этого, по его мнению, в порту необходимо было иметь не менее 8 киржимов. Он представил правительству следующий финансовый расчет:

1. 8 киржимов по 200 руб. = 1 600 руб.

2. 8 брезентов по 50 руб. = 400 руб.

Итого: 2 000 руб.²⁰

Кроме этой суммы необходимо было предусмотреть затраты на жалованье киржимщикам по 20 руб. в месяц и 320 руб. в год на ремонтные издержки.

В Реште, как важном перевалочном пункте на Энзели-Тегеранской дороге, «К. Надежда» имела свой собственный амбар для товаров, которые затем шли на Казвин, Тегеран, Исфахан, Пир-базар и Энзели.

Операций, осуществляемых здесь «Бюро персидских транспортов», было на порядок меньше, чем у их конкурентов; они составляли лишь 1/3 всего товарооборота. На этом участке также имела место та же проблема, что и в предыдущих пунктах, а именно зависимость от перевозчиков персов. Инспектор бюро К. В. Шубин смог организовать перевозку между Пир-Базаром и Рештом собственными действиями. С этой целью были куплены 3 фургона (на 120 пудов, 60 пудов и 30 пудов) и одна лошадь.²¹ В архивных материалах не встречается сведений о том, что «Бюро персидских транспортов» имело в Реште свои собственные склады или амбары, но мы узнаем о том, что упомянутый представитель этой компании К. В. Шубин в этот момент занимался приобретением земель, лежащих около Решта, в собственность «Кавказа и Меркурия», т. е. только одной из трех фирм этой совместной компании.²² Этот факт может говорить о существовании конкуренции внутри самой фирмы. Добавим также и то, что «Кавказ и Меркурий» имел в своем частном владении «чудную усадьбу» в Казвине. Таким образом, как мы видим, российские предприниматели становились владельцами крупных земельных участков в Северной Персии. При описании остальных городов на этой транзитной дороге автор записки приводит важные сведения о г. Казвине, Тегеране, Исфахане.

Так, из документов становится ясно, что купцы Казвина самостоятельно отправляли в Россию 350—450 пудов продуктов в год из своих окрестностей: 100 000 пудов хлопка, 5 000 пудов миндаля, 75 200 000 сабзы (зелени), 10 000—15 000 пудов фисташек, 2000—3000 пудов кураги, 2000—3000 пудов орехов.

По наблюдению М. А. Лукошевича, Тегеран являлся главным пунктом сдачи и отправки русско-персидских товаров. В 1904 г. в Тегеран по Энзели-Тегеранской дороге прибыло 703 030 пудов. Из города отправлено 164 545 пудов.²³ Автор записки не преминул отметить «вечную вражду служащих агентств „К. Надежда“ и „Кавказ и Меркурий“ именно в столице».²⁴ Из его

²⁰ Там же. Л. 60—64.

²¹ Там же. Л. 67.

²² Там же. Л. 71.

²³ Там же. Л. 75—77.

²⁴ Нам удалось найти некоторые сведения о торгово-коммерческой конторе «Бюро персидских транспортов» в Тегеране. Ее возглавлял А. Ладыжинский. В частности, его услугами в Тегеране пользовались известные бакинские купцы братья Кре-

данных мы также узнаем о том, что в Исфахане во второй половине 1905 г. агент «К. Надежда» открыл ряд агентств и комиссионерских пунктов.

Последним районом в Персии, подлежащим инспекции русского правительства, был Азербайджан. В этом округе, в г. Джульфе, находился главный таможенный пункт сухопутной закавказской русско-персидской границы. 71 % операций осуществляла здесь компания «К. Надежда». Ее управляющим был некий г. А. М. Артаров, «человек очень деятельный, энергичный и знающий свое дело».²⁵ Большой оборот торговли позволял платить ему по тем временам довольно высокую зарплату — 1 300 руб. в год. На долю «Бюро персидских транспортов» приходилось 10.5 % товарооборота.

Не останавливаясь подробно на деятельности рассматриваемых компаний в таких городах, как Астара, Марага и Урмия, приведем данные автора записки о их положении в Тавризе, крупном торговом городе Азербайджана. Агентство «К. Надежда» существовало здесь с 1902 г. и по сравнению с другими обществами имело довольно значительный оборот. Одну из причин успеха этой фирмы М. А. Лукошевич видел в профессионализме управляющего. Он пишет: «Управляющий агентством армянин, местный таждир-баши, г. Назарбеков, постоянный человек, пользующийся большим авторитетом. Его деятельность оставляет мало шансов для конкуренции „Бюро персидских транспортов“».²⁶

«Бюро персидских транспортов» существовало в Тавризе с 1904 г. До этого, с 1901 г., в этом городе находилось «Российское общество транспортных кладей», которое впоследствии вошло в состав бюро. Относительно самой работы внутри бюро автор записки увидел много негативных явлений. Он пишет: «Служащие вызывают разочарование, не поддерживаются своими начальниками».²⁷ В то же время он отмечает то, что именно в Тавризе, чего нельзя было сказать в предыдущих случаях, агентство «Бюро персидских транспортов» приносило «чистую прибыль».

Подводя итоги поездки по Азербайджану, М. А. Лукошевич сообщает следующие среднестатистические данные об операциях агентств по экспорту и импорту в течение года:

Фирма	Экспорт	Импорт
«К. Надежда»	3.19 %	5.15 %
«Бюро персидских транспортов»	3.77 %	6.09 %
Итого	6.96 %	11.24 %

стовниковы. Так, согласно обнаруженной нами в архивных делах квитанции за № 343 900, выясняется, что братья Крестовниковы отправили из Баку в Тегеран две бутылки химического и одну бутылку белого глицерина, на сумму 68 руб. 85 коп. Страховка груза составила сто руб., т. е. значительно больше, чем стоимость самого товара. Квитанция по установленным правилам заполнялась на русском языке, но с обязательным переводом на персидский. Из квитанции также явствуют следующие важные данные: перевалочным пунктом транспортировки груза был уже упоминаемый нами порт Энзели. Перевозная плата от Баку до Энзели составляла 25 коп. за пуд, а по территории самой Персии, т. е. от Энзели до Тегерана, 8 коп. за пуд. Дешевая рабочая сила персов, вполне возможно, влияла на ценообразование доставки, поэтому стоимость на этом участке пути была значительно меньше. (Дела Бюро персидских транспортов 1890—1917 гг. Л. 52).

²⁵ Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию... Л. 90.

²⁶ Там же. Л. 110—112.

²⁷ Там же. Л. 127.

Таковы были цифры М. А. Лукошевича о товарообороте этих фирм в Азербайджане.

Попутно добавим также то, что у директора компании «К. Надежда» были намерения открыть свои агентства и на юге Персии. С такой целью в 1905 г. район объезжал бывший инспектор «К. Надежда» г. Кафиев. Он пытался открыть агентства на южном побережье Персидского залива в Ширазе и Йезде, однако его попытки не увенчались успехом. Скорее всего, это можно объяснить английским влиянием в южных провинциях Персии и острой конкуренцией России и Англии на персидском рынке.

В заключение автор приводит важные цифры по общему товарообороту данных компаний.

— Общая доля участия «Бюро персидских транспортов» в экспорте и импорте составляла немного более 16.48 %; компании «К. Надежда» 14.71 %. На поверхностный взгляд кажется, что первая компания одерживает по этим показателям верх. Однако следует обратить внимание на одну существенную деталь. Напомним о том, что «Бюро» состояло из трех обществ, тогда как «К. Надежда» осуществляло свои операции в большей степени самостоятельно.

— Операции обоих обществ через морские границы играли главную роль в русско-персидской торговле. Морские операции «Бюро персидских транспортов» составляли 2 510 000 пудов в год, приблизительно на 25 % больше таких же операций компании «К. Надежда». Последняя перевозила 1 035 000 пудов.

— Общая цифра по сухопутным операциям составляла 12 820 000 пудов в год.

Здесь существовала и значительная частная конкуренция. Тем не менее по всем показателям лидировала компания «К. Надежда», на долю которой приходилось около 5 % перевозок (805 000 пудов в год). Такое положение, по мнению автора записки, происходит «из-за большой интенсивности, жизнеспособности и предприимчивости предприятий „К. Надежда“». Эта компания имела в пределах Северной Персии 13 пунктов, самостоятельно совершавших перевозочные операции. У «Бюро персидских транспортов» было только 8 транспортных предприятий, причем некоторые из них, доставшиеся «Бюро» в наследство, остаются бездейственными.

— Наиболее дееспособными агентствами компании «К. Надежда» являются: Мешхедское, Рештское, Тегеранское отделения. За 10 месяцев текущего 1906 г. через Мешхедское агентство прошло около 156 000 пудов, Рештское — 96 000 пудов, Тегеранское — 800 000 пудов. Для сравнения автор приводит данные агентств «Бюро персидских транспортов». Так, Мешхедское агентство провело за этот же период около 9 000 пудов товаров, Рештское — около 88 000 пудов. Компания «К. Надежда», только кроме двух своих агентств в Кочане и Себзеваре, во всех остальных имеет прибыль. У «Бюро персидских транспортов» наоборот — только два агентства Мешхедское и Тавризское приносят прибыль, остальные убыточные.

По сухопутной торговле «К. Надежда» в 1905 г. имела 30 000 руб. чистой прибыли, а «Бюро персидских транспортов» около 12 000 руб. убытка. М. А. Лукошевич также отметил, что «Бюро персидских транспортов» тратит значительные суммы на содержание своих агентов и личного состава. Он пишет: «А если взять во внимание содержание инспектора — 8—9 тыс. руб. в год

и правления в Санкт-Петербурге около 40 000 руб., получается, что в 1905 г. „Бюро персидских транспортов“ понесло убытки не менее 60 000 руб.».²⁸

М. А. Лукошевич составил также таблицу управляющих компаний по национальному признаку. Очевидно, этого требовало его начальство. Так, выяснилось, что в «К. Надежда» работают 18 человек, из них пятнадцать армян, один русский, один поляк, один еврей. В штате «Бюро персидских транспортов» состояло 14 управляющих. Среди них насчитывалось пять евреев, пять русских, два армянина, один перс и один поляк.²⁹ Автор записки не смог не отметить, что «низший состав этой компании — это люди армянской национальности, ниже других оказывается русский элемент».³⁰

Наблюдение за деятельностью агентов осуществляли специальные инспектора. У компании «К. Надежда» — г. Кафиев. После его ухода должность главного инспектора вообще была упразднена. У «Бюро персидских транспортов» — это особый инспектор г. К. В. Шубин.

Автор записки ставит вопрос об упаковке товара, которая не отвечала требованиям узких горных дорог. Также он рекомендует правительству обратить внимание на улучшение жизни служащих: предоставление отпусков, увеличение заработной платы, помощь в оформлении накопительных денег через сберегательные кассы.

В конце своей записки автор приходит к главному выводу о том, что конкуренция между «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов» ведет к ухудшению транспортировки грузов. Он подчеркивает то, что по отдельности эти компании несовершенны. Их объединение или слияние привело бы к сокращению расходов на содержание агентств, устранило бы конкуренцию, что дало бы русским монополистам юридическое обоснование и защищенность.

Таково содержание рассмотренной нами записки, которая, на наш взгляд, является важным источником для изучения взаимоотношений российского правительства со своими частными предпринимателями, вкладывавшими капиталы в экономику Персии.

Данный подробный отчет о деятельности компаний может служить образцом составления подобных документов для чиновников царской России. Он выполнен достаточно добросовестно. В сжатой форме, но вместе с тем выпукло и ярко М. А. Лукошевич смог представить нужную информацию для правительственных кругов России и обрисовать им обстановку морских перевозок по Каспийскому морю из России в Персию, существующую к началу XX в.

В записке предлагалось усилить государственный контроль над перевозочными и страховыми операциями существующих в Персии компаний и создать свою транспортную сеть в этой стране непосредственно под началом Российского государства. В то же время сведения М. А. Лукошевича дают в руки исследователей уникальный материал по товарообороту между Россией и Персией и структуре товаров в указанный период, данные о деятельности двух ведущих в то время транспортных компаний, их значении в сфере сбыта товаров и их взаимной конкуренции. Опираясь на эти данные, можно констатировать увеличение удельного веса российской составляющей во внешней торговле Персии.

²⁸ Там же. Л. 130.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 131.

Отметим, что поездка М. А. Лукошевича состоялась во второй половине 1905 г., т. е. всего за полтора года до подписания хорошо известного историкам русско-английского договора о разделе Персии на сферы влияния между двумя этими странами в 1907 г. Все это крайне важно при изучении как русско-персидских, так и русско-английских отношений в начале XX в.

Анализируя отчет М. А. Лукошевича, следует сделать вывод о новом этапе в развитии русско-персидских отношений в сфере торговли и экономики в начале XX в., характерной чертой которого является усиление позиций государственной монополии России в Северной Персии.

III. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А. Ю. МИТРОФАНОВ

КВЕСНЕЛЛОВО СОБРАНИЕ КАНОНОВ КАК ПАМЯТНИК «ГЕЛАСИЕВСКОГО» ВОЗРОЖДЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА

Падение Западной Римской империи под ударами варваров и религиозный раскол Восточной Римской империи знаменовал во второй половине V столетия наступление новой эпохи: Средневековья. В сложнейших условиях крушения римской государственности в Италии, усугублявшихся церковным расколом между Римом и Константинополем, Римский папа Геласий (492—496) предпринял попытку первой целенаправленной рецепции римского права как права церковного. В процессе этой рецепции Геласий и его нотариум производили отбор церковно-юридических документов, хранившихся в архиве Римской церкви. Эти документы были необходимы для создания нового свода церковного права, который послужил бы делу защиты Церкви от влияния монофизитского императора Анастасия, а также обосновали бы папскую экклезиологию и авторитет. Главенство Римской церкви, нерушимость ее приговора, обетования, которые она наследует через преемство апостола Петра, представлялись, кроме того, необходимыми условиями и гарантиями церковной свободы в условиях «акакиевской» схизмы и нашествия остготов-ариан на Италию. Результатом этого первого в своем роде «геласиевского» правового возрождения стало создание нотариума папы Геласия первого дошедшего до нас корпуса канонического права Кафолической церкви города Рима, известного в историографии под именем Квеснеллова собрания канонов. Квеснеллово собрание возникло в конце V столетия¹ как отражение той юридической системы, которая легла в основу иерархического строя Римской церкви в ходе так называемого «геласиевского» возрождения, однако еще до многоэтапной «дионисиевой» рецепции церковного права.² Указанное собрание канонов

¹ *Clavis patrum latinorum*, ab E. Dekkers et A. Gaar, *Corpus Christianorum series Latina*, Steenbrugis, 1995. P. 578; *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Église en Occident*. Paris, 1985. С. 133. Дата возникновения исходной α-редакции — ориентировочно 494 г.

² Если возрождение римского правового сознания как сознания церковного при Геласии означало торжество идеи Римского примата как первенства, обусловленного не постановлениями церковных соборов, но исключительно Евангелием, то рецепция церковного права, предпринятая Дионисием Малым, во многом была нацелена на соз-

дошло до современных исследователей преимущественно в списках галльского происхождения, что дало повод ряду ученых ставить под сомнение италийское происхождение памятника.³ Рукописная традиция памятника не очень пространна. Сохранившиеся списки позволяют сделать вывод о том, что первоначальная α -редакция, созданная в Риме в конце V столетия, стала образцом для более позднего списка (β -редакция). Список этой β -редакции, по всей вероятности, был передан папой Адрианом королю Пипину вместе с собранием *Dionysio-Hadriana*, если, конечно, он не получил распространения на территории Франкского королевства гораздо раньше, в VI—VIII вв. Указанная редакция легла в основу галльской рукописной традиции Квеснеллова собрания канонов, распространение которой было тесно связано с расширением Каролингского государства. В частности, один из древнейших списков памятника — Айнзидельнский кодекс 191 — был создан для придворной библиотеки Карла Великого практически сразу после того, как в руки Каролингов могла попасть β -редакция. Спустя два века кодекс был передан на хранение в библиотеку кафедрального капитула в Констанце, откуда он впоследствии попал в Гельветию в библиотеку Айнзидельнского аббатства, старейшую в кантоне Швиц. Указанный список представляет собой один из древнейших, однако он, к сожалению, содержит далеко не полную редакцию памятника.⁴ Идентичную редакцию Квеснеллова собрания отражают три другие списка, которые Ж. Годме справедливо полагает одними из старейших. Среди указанных кодексов самым древним остается Парижский кодекс 3848 А из библиотеки орагии в Труа, датируемый Ф. Маасеном концом VIII—началом IX в. Указанный список также не полон. В нем отсутствует начало Квеснеллова собрания, а именно вступление (как и в Айнзидельнской рукописи), а также каноны Никейского собора. Более поздним списком, и в текстологическом отношении, по всей видимости, зависящим от упомянутого предыдущего, является Парижский кодекс 1454, датируемый IX в. Рукопись представляет собой наиболее полную редакцию Квеснеллова собрания среди ранних списков, на основании чего нам представляется целесообразным положить ее в основу предпринятого нами критического исследования. Кодекс 1454 содержит также рубрикации и титулы, не вошедшие в наиболее полное на текущий момент издание Квеснеллова собрания — издание братьев Пьетро и Джироламо Баллерини, увидевшее свет еще в середине XVIII столетия, а посему рукопись нуждается сегодня в полномасштабном введении в широкий научный оборот. Парижский кодекс 3842 А (*Codex Thuaneus*), также отмеченный Ж. Годме как наиболее репрезентативный, датируется рубежом IX—X вв. и с точки зрения хронологии представляет меньший интерес.⁵

дание соответствующей правовой базы — базы, которая наиболее четко отражала указанный экклезиологический принцип.

³ Таково было мнение братьев Пьетро и Джироламо Баллерини, Ф. Маасена. Указанные сторонники галльского, точнее арелатского, происхождения Квеснеллова собрания ссылались на то, что все сохранившиеся до сего дня рукописи собрания являются списками галльского происхождения. Однако как первый издатель памятника — П. Квеснелл, так и современные ученые, в частности К. Сильва Тарука, Ж. Годме и Б. Бадеван-Годме, на основании содержания памятника и его внутренней критики однозначно признают его каноническим сборником италийского происхождения.

⁴ *Maassen Fr. Geschichte der Quellen und der Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande*. Graz, 1956. S. 87.

⁵ Описания Парижских кодексов 3848 А, 1454 и 3842 А см.: *Mordek H. Kirchenrecht und Reform in Frankreich. Die Collectio «Vetus Gallica», die älteste systematische*

Кроме того, указанная рукопись была опубликована еще П. Квеснеллом вместе с позднейшим Оксфордским кодексом XII в. и поэтому может считаться достаточно полно введенной в научный оборот.

Подготавливая издание Квеснеллова собрания по указанию папы Бенедикта XIV, братья Баллерини положили в основу своей публикации Венский кодекс 2141 (39), датированный IX в., который исследователи расценили как *praestantissimus*. К сожалению, ученые ограничились лишь сверкой издания П. Квеснелла, т. е. Оксфордского кодекса и Парижского 3842 А с вышеупомянутым Венским 2141 (39). При этом они прибегли к сравнению публикуемых памятников из состава Квеснеллова собрания с их редакциями, представленными в других канонических сборниках италийского происхождения (например, с Веронским собранием). Подобная методология не способствовала изучению генеалогии и текстологии Квеснеллова собрания, так как аутентичный материал памятника утонул в пространных сравнениях с каноническими сборниками различного хронологического происхождения, а наиболее древние списки Квеснеллова собрания и вовсе игнорировались. В силу данного обстоятельства нам представляется необходимым взять за основу предпринятого нами критического исследования именно древнейшие списки Квеснеллова собрания VIII—IX вв., среди которых следует указать Парижский кодекс 3848 А, Парижский кодекс 1454 (наиболее полный и до конца не введенный в научный оборот) и Айнзидельнский кодекс 191 (наиболее древний). При этом предполагается в ряде случаев прибегнуть к сравнению публикуемых списков с редакцией Квеснеллова собрания, содержащейся в более поздней рукописи — в Венском кодексе 2147 (42).⁶ Указанный кодекс, возможно, содержит италийскую δ -редакцию Квеснеллова собрания, связанную с кодификацией Дионисия Малого, в ходе которой первоначальная α -редакция подверглась определенным титульным исправлениям, — исправлениям, не затронувшим «галло-франкскую» β -редакцию.

Содержание Квеснеллова собрания представляет собой достаточно однородную структуру, включающую в свой состав последовательно расположенные памятники церковного права.⁷ Среди этих памятников необходимо упомянуть вступление, сотканное из фрагментов «Геласиевского Декрета» и десятой книги «Церковной истории» Руфина каноны Никейского и Сердикского соборов, африканское собрание канонов, известное как «Иппоннский бревиарий», а также каноны Анкирского, Неокесарийского и Гангрского соборов в «исидоровской» версии,⁸ сформировавших, как известно, Антиохийскую синтагму. Далее в Квеснелловом собрании следовали главы, содержащие документы папского архива в отношении пелагианства (главы 6—20), декреты папы Иннокентия I Экзуперию Тулузскому, македонским епископам и диаконам, Децентию Губианскому и Виктрицию Руанскому (главы 21—224). Вслед за

Kanonensammlung des frankischen Galliens. Berlin, 1975. S. 238—240. При этом Аррасский кодекс 644 (*Cod. Lat. Atrebatensis* 644) отражает по мнению Р. Турнера и Шварца архетип β -редакции, созданный около 600 г. Он, по всей вероятности, родствен Айнзидельнскому кодексу 191. Более подробно см.: *Schwartz E. Acta Conciliorum oecumenicorum*. T. I. Vol. V. *Berolini et Lipsiae*, 1924—1926, Praef. P. XIII.

⁶ *Maassen Fr. Geschichte der Quellen und der Literatur...* S. 488—490.

⁷ *Ibid.* S. 494—500.

⁸ Т. е. соборы, составившие впоследствии главу под названием «*concilia graecorum*» в «Испанском собрании» канонов и в Псевдо-Исидоровых декреталях.

этими текстами составители Квеснеллова собрания поместили главные церковные документы V столетия, касающиеся Халкидонского собора и христологических споров. Среди них, прежде всего, следует отметить отрывки из соборных деяний, каноны Халкидонского собора в переводе, заимствованном из *Versio Prisca*, конституцию Валентиниана и Маркиана *Omnibus negotiis*, исповедание веры Халкидонского собора (глава 5). Должны быть также упомянуты конституции Валентиниана и Маркиана *Tandem aliquando*, *Uenerabilem* и конституция Маркиана *Licet iam sacratissima* (главы 26—28). Далее следовали декреты римских епископов Сириция, Зосима, Бонифация I и Целестина (главы 26—28), среди которых был и первый декрет Сириция Имерию Тарраконскому *Directa ad decessorem* из числа известных (главы 29—36). Вошедшие в Квеснеллово собрание формулы веры, имевшие распространение на Западе в V в., также попали в сборник. Среди подобных формул особое место в истории Римской церкви занимают антиарианское послание *Nos Patrem*, послание пресвитера Фаустина императору Феодосию, *Libellus Augustini de fide catholica* и некоторые другие (главы 37—40). Следует отметить также наличие таких документов, как седьмое деяние Константинопольского собора 448 г. против Евтихия (глава 42), акты, касающиеся Акакиевской схизмы из Фрейзингенского собрания,⁹ послание Афанасия Епиктету о Боговоплощении и послание Кирилла Александрийского Иоанну Антиохийскому по поводу Нестория (главы 52—53). Кроме того, необходимо отметить редакцию вероопределения Халкидонского собора из канонического собрания, известного по Ватиканскому кодексу 1322; законы из «Кодекса Феодосия» *de fide catholica* (CTh I, 2), *de his qui supra religione contendunt* (CTh XVI, 4; I, 6; I, 2), *de haereticis* (CTh XVI, 5) (глава 54). Вслед за указанными памятниками следовали: послание папы Дамаса *Per filium* Паулину с анафематизмами Римского синода 378 г. против последователей Аполлинария Лаодикийского, которые были дополнены формулами веры Никейского и Халкидонского соборов (глава 55), послание Медиоланского собора 451 г. папе Льву, а также послание Арелатского собора тому же римскому архиерею с осуждением Евтихия (главы 56—57).

Далее Квеснеллово собрание объединяло преимущественно папские декреты, которые выражали со всей ясностью идею римского примата в том виде, в котором она оказалась востребована в ходе рецепции церковного права, известной под наименованием «геласиевского ренессанса». В частности, Квеснеллово собрание предлагало церковному юристу: послание Геласия *Necessaria rerum* (глава 58), греческие каноны Антиохийского, Лаодикийского и Константинопольского соборов в латинской «исидоровской редакции» (главы 59—61), документы Телептского собора 418 г. и Римского собора 386 г. (глава 62), правила оформления канонических документов Атика (глава 63), апокрифическое послание св. Климента Римского апостолу Иакову *Notum tibi facio* (глава 64), послание Кирилла Александрийского Несторию *Καταφύλαξις μεν* (глава 66). Заключительная часть Квеснеллова собрания содержала внушительный корпус декретов и посланий папы Льва Великого (67—98).

Разносторонний анализ содержания Квеснеллова собрания позволяет сделать вывод о том, что этот канонический сборник обобщал документы римско-

⁹ *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Eglise en Occident. Paris, 1985. P. 131—132; Maassen Fr. Geschichte der Quellen und der Literatur... S. 476—486.*

го папского архива,¹⁰ которые были востребованы в ходе «геласиевского» возрождения. Этот процесс, стимулировавший активную рецепцию римского церковного права, был направлен на то, чтобы обобщить канонический материал, накопленный за два века легального существования христианской Церкви. Подобное обобщение в свою очередь было проведено по инициативе папы Геласия для юридического обоснования центральной роли римского епископа в Церкви, для манифестации того, что первенство Римской церкви проистекает из слов Иисуса Христа, адресованных апостолу Петру в 16-й главе Евангелия от Матфея. Как известно из соборных актов, относящихся к эпохе папы Геласия, в Римской церкви существовало архивное хранилище — хранилище, основанное, по свидетельству Иеронима, еще папой Дамасом, — которое находилось в ведении церковных нотариусов. По всей вероятности, Геласий поручил этим нотариусам провести отбор тех канонических документов, которые, с одной стороны, сохраняли свое актуальное значение, а с другой — демонстрировали духовный авторитет Римской церкви и ее независимость от власти императоров Восточной Римской империи. Учитывая обстоятельства, связанные с процессом Мисена Куманского и Акакиевской схизмы, это предположение выглядит более чем правдоподобно. Легат Римской церкви Мисен, отправленный в Константинополь в период Акакиевской схизмы, брошенный в темницу и изменивший под давлением своему архипастырю, подвергся соборному суду в Риме за измену. Суд был очень важным событием в жизни Церкви, ибо продемонстрировал непримиримость римских архиереев в отношении Константинополя: в отношении императора и имперской Церкви. В итоге Мисен принес покаяние перед Геласием и Римским собором в 495 г.¹¹ Для нас значимо в этом эпизоде одно чрезвычайно важное обстоятельство. Это обстоятельство заключается в том, что для обвинения Мисена в измене и для уличения Константинопольской церкви в схизме явно было недостаточно актов Римского собора 487 г. папы Феликса. Обвинителям был необходим полноценный корпус церковного права, который содержал бы материалы, связанные с осуждением монофизитства на Халкидонском соборе и проливающие свет на позицию папы Льва Великого и его преемников. Косвенно подобное предположение подтверждается актами Римского собора 495 г. Из этих актов следует, что рассмотренные дела Мисена проходило с привлечением компактного корпуса канонических документов, предоставить которые в тот момент, в конце 90-х гг. V столетия, могло лишь только что составленное Квеснеллово собрание.¹² Осознание

¹⁰ Акты Римского собора 495 г., проходившего под председательством папы Геласия, гласят: «Sixtus notarius sanctae Romanae ecclesiae iussu domini mei beatissimi Papae Gelasii ex scrinio edidi, die tertio Idus Maii» («Нотарий святой Римской церкви Сикст по повелению господина моего блаженнейшего папы Геласия извлек из архива в третий день мартовских ид»). Более подробно см.: *Coll. Auell. CIII; Gunther O. Epistolae Imperatorum, Pontificum et aliorum ... Auellana quae dicitur collectio / Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum* 35. Vindobonae, 1895—1898. Т. I. P. 487. Также см.: *Pietri Ch., Pietri L. Prosopographie Chretienne du Bas-Empire: II Prosopographie de l'Italie Chrétienne* (313—604). Paris, 1999. Vol. II. P. 2091.

¹¹ Протоколы судебного процесса в отношении Мисена Куманского см.: *Gesta de absolute Miseni* 30, *Coll. Auell. CIII; Gunther O. Epistolae Imperatorum...*

¹² Если исключить подобное предположение, нам останется лишь строить фантазии относительно существования в конце V в. какого-либо альтернативного сборника церковного права, утраченного ныне. Между тем как для проведения собора 495 г., так и для манифестации геласиевской романской экклесиологии централизма, сборник

того, что Квеснеллово собрание стало основным итогом «геласиевского» возрождения, происходившего в условиях церковного раскола с Константинополем и Восточной Римской империей, объясняет свойственный этому документу романизм и еkkлезиологический централизм. С этой точки зрения, представляется бесспорным, что исходная α -редакция Квеснеллова собрания, установить которую мы попытались в критическом текстологическом исследовании памятника (см. ниже), во-первых, представляла собой практический корпус церковного права. Этим корпусом права Римская церковь руководствовалась в эпоху Геласия при проведении процесса над Мисеном Куманским. Во-вторых, указанная редакция стала той юридической базой, опираясь на которую проводил свою каноническую реформу Дионисий Малый в последующие годы нового VI столетия. Как известно, задачей Дионисия было приведение права Римской церкви в соответствие с принципами светского римского права, т. е. максимальное обобщение канонического права и его систематизация. С нашей точки зрения, Дионисий, опираясь на Квеснеллово собрание как на практический корпус церковного права, предпринимал новые, более точные переводы соборных канонов с греческого языка и одновременно привлекал новый канонический материал. Этот материал представлял собой новые соборные акты (симмахианские синоды 499—502 гг.), новые папские декреты и памятники императорского законодательства. Наиболее яркими результатами такой рецепции стали, бесспорно, *Dionysiana II*, *Collectio Vaticana* и *Collectio Auellana*,¹³ составленные, вероятно, уже учениками и продолжателями Дионисия в середине—второй половине VI в. Если первый из указанных сборников структурно и содержательно еще ориентировался на Квеснеллово собрание, то Ватиканское собрание и Авелланово собрание представляли совершенно особые пласты церковного права, которые не были учтены в ходе «геласиевского» возрождения и пылились в архиве Римской церкви еще полвека после составления Квеснеллова собрания. На основании вышеизложенного нам представляется целесообразным сформулировать основные выводы настоящего исследования:

1. Квеснеллово собрание по своему содержанию и структуре отражает централистскую еkkлезиологию папы Геласия и его стремление юридически обосновать верховный авторитет Римской церкви в условиях Акакиевской схизмы, т. е. в условиях раскола с Константинополем и Восточной Римской империей. Внутренний анализ содержания памятника позволяет исчерпывающим образом судить о его историческом значении для современников.

церковного права был необходим. Таким сборником, по нашему глубокому убеждению, могло быть только Квеснеллово собрание. Указанное обстоятельство подтверждается и исходной α -редакцией памятника, установлению которой будут посвящены следующий текстологический раздел настоящей работы. В противном случае папе Геласию оставалось бы всякий раз при проведении синода в Риме рыться в церковном архиве для извлечения нужных документов, о размерах которого свидетельствуют необъятные размеры таких канонических собраний, как Ватиканское, Театинское, Фессалоникийское и Авелланово, не считая собственно Квеснеллова собрания.

¹³ *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Eglise en Occident. Paris, 1985. P. 139.* Для более глубокой характеристики проблемы см. также: *Gunther O. Epistolae Imperatorum... T. I, II; Silva Tarouca K. Collectio Thessalonicensis ad fidem Cod. Vat. Lat. 5751. Testi e documenti. Universita Gregoriana I, 23. Roma, 1937.*

2. Внешний анализ памятника позволяет сделать вывод о том, что Квеснеллово собрание содержало канонические документы, извлеченные из архива Римской церкви, основанного при папе Дамасе и активно пополнявшегося на протяжении всего V столетия. Указанная рецепция преследовала целью создание практического корпуса римского церковного права, который содержал необходимую юридическую базу в ходе судебного процесса над Мисеном Куманским.

3. Установленная при помощи нижеприведенного текстологического анализа исходная α -редакция Квеснеллова собрания позволяет судить о его репрезентативности и источниковедческом значении для последующей полномасштабной рецепции римского церковного права, проведенной в VI столетии Дионисием Малым.

Церковно-юридические документы, прошедшие первый этап «геласиевской» рецепции и включенные в Квеснеллово собрание, свидетельствуют о том церковно-правовом влиянии, которым обладали в конце V столетия римские архиереи. Канонический материал Квеснеллова собрания представляет собой два уровня источников. К первому, более древнему, уровню следует отнести латинские переводы постановлений греческих соборов, составлявших Антиохийскую синтагму. Как известно, Антиохийская синтагма была образована примерно в середине IV столетия трудами епископа Мелетия, пребывавшего в расколе с Римом. Антиохийская синтагма отражала церковную дисциплину христианских общин Сирии и Малой Азии в эпоху Константина Великого. Однако несмотря на имевшее место разделение между Римом и восточными церквями, связанное с развившейся в дальнейшем полемикой между омоусианами и омиусианами, в эпоху создания Антиохийской синтагмы, греческий язык оставался еще языком богослужения Римской церкви. Подобное обстоятельство не могло не оказывать влияние на восприятие римскими христианами всей греческой церковной традиции как исконной первохристианской традиции. Во многом именно поэтому Антиохийская синтагма успешно прошла вселенскую рецепцию во второй половине IV в., была окончательно принята на Западе после церковного примирения в 379 г. между Римом и Антиохией и в конечном итоге стала основой канонического права Кафолической церкви в сочетании с канонами Никейского собора. В V столетии каноны последующих вселенских соборов — Константинопольского, Эфесского и Халкидонского — лишь дополняли ее. Квеснеллово собрание носит на себе следы сильного влияния христологических споров V в., в которые были вовлечены и римские епископы, прежде всего в качестве третейских судей. Фрагменты переписки Кирилла Александрийского и папы Льва свидетельствуют об этом весьма красноречиво. Однако следующим уровнем церковно-юридических документов, составивших при Геласии Квеснеллово собрание, не менее важным по значению, но более поздним по времени создания, является корпус подлинных папских декретов IV—V столетий. Эти декреты в отличие, например, от апокрифов IX в., собранных в Псевдо-Исидоровых декреталиях, позволяют выявить подлинную дисциплину и богословские устремления Римской церкви, а также исторические внешние условия ее существования. Папские декреты, начиная от вероучительного томоса папы Дамаса 378 г. и первого декрета папы Сириция Имерию Тарраконскому и заканчивая постановлениями Льва Великого и самого Геласия, играют в составе Квеснеллова собрания главную роль. Они де-

монстрируют тот духовный и канонический авторитет, которым уже обладал в сознании геласиевских нотариусов епископ Кафолической церкви города Рима. На фоне этого юридического материала императорские конституции, включенные в состав Квеснеллова собрания из «Кодекса Феодосия», фрагментарны. Эти конституции, прежде всего, призваны продемонстрировать, что вероучительные определения Римских архиереев и вселенских соборов (в первую очередь Халкидонского) обладают не только каноническим авторитетом, но пользуются также силой светских законов. Римский церковный централизм не нуждался для составителей Квеснеллова собрания в дополнительных санкциях императорской власти, к тому же около двадцати лет как уже исчезнувшей на Западе. Этот централизм провозглашался особенно ощутимо, несмотря на то что «геласиевское» возрождение ознаменовало лишь первый этап рецепции римского церковного права. Продолжатели Геласия, прежде всего Дионисий Малый, спустя немного времени извлекают из архивов Римской церкви новые материалы, подтверждающие эту идею, в частности протоколы Римских соборов Илария, Феликса, самого Геласия и Симмаха. Упомянутые памятники римского церковного права так и не вошли в Квеснеллово собрание ни в момент его создания в 493—494 гг., ни позднее, при трансформации исходной α -редакции памятника. В связи с этим особенно примечательны результаты внутренней критики рукописной традиции Квеснеллова собрания. Текстологическое сопоставление наиболее распространенной галло-франкской β -редакции Квеснеллова собрания, представленной в первую очередь тремя списками VIII—IX вв.: Айнзидельнским кодексом 191, Парижским кодексом 3948 А и наиболее полным по содержанию Парижским кодексом 1454 с гипотетически установленной италийской δ -редакцией, представленной Венским кодексом 2147 (42), позволяет сделать важный вывод относительно утраченной, но критически устанавливаемой исходной α -редакции памятника, современной Геласию. Этот вывод, в сущности, сводится к тому, что исходная α -редакция, тщательнейшим образом рубрицированная и систематизированная по хронологическому и отчасти по тематическому принципу, являлась, по всей вероятности, официальным корпусом права Римской церкви на протяжении нескольких лет. Эта редакция обобщала наиболее востребованный в ходе «геласиевской» рецепции церковно-юридический материал, хранившийся в архиве Римской церкви, который был основан еще при папе Дамасе. Памятник призван был подчеркнуть авторитет Кафолической церкви города Рима в вопросах веры и церковного устройства в условиях раскола с Константинополем и монофизитской смуты на Востоке и нашествия варваров-ариан на Западе. Период практического правового применения Квеснеллова собрания, с нашей точки зрения, ограничивался понтификатом папы Геласия (494 г.) и последующими годами вплоть до лаврентиевской смуты 499—502 гг. Распря между Симмахом и Лаврентием, во многом спровоцированная монофизитствующим императором Анастасием, обусловила необходимость разработки процедур епископского избрания в Риме. Последнее обстоятельство стимулировало новые волны рецепции права, осуществленной уже Дионисием Малым. Однако Квеснеллово собрание сохраняло свое практическое юридическое значение. Появление галло-франкской β -редакции памятника, в меньшей степени рубрицированной и систематизированной, вероятнее всего, относится уже к Каролингской эпохе. Именно тогда, в VIII в., в связи с расширением Франкской державы возникла острая необходимость приведения дисциплины и богословского об-

разования франкских поместных церквей в соответствии с правилами Кафолической церкви города Рима. При этом имперская каролингская Церковь должна была определять свой строй в соответствии с нормами «дионисиевской» рецепции церковного права. Не случайно в связи с этим папа Адриан преподнес Карлу Великому редакцию дионисиевского собрания канонов. Вместе с тем изучение церковного права и основ догматического богословия, осуществлявшееся как в епископских школах Франкского королевства, так и при придворной библиотеке Карла Великого в Ахене, основывалось, по нашему мнению, на более широком латинском патристическом материале, основу которого могла составлять β -редакция Квеснеллова собрания в сочетании с трудами блаженного Августина. С этой точки зрения, распространение рукописной традиции памятника в пределах Франкской империи становится вполне объяснимым. Однако текстологический анализ β -редакции позволяет сделать вывод о том, что широкое распространение памятника в Каролингскую эпоху не привело к появлению позднейших интерполяций. Напротив, распространение памятника способствовало купированию определенных фрагментов текста и его сокращению. Об этом свидетельствует, в частности, анализ рубрикации древнейшего Айнзидельнского кодекса 191, датированного концом VIII в. В связи с этим необходимо признать справедливыми общие выводы первого исследователя памятника — П. Квеснелла. Галло-франкская β -редакция Квеснеллова собрания является достаточно репрезентативной для того, чтобы говорить о ней, как о сжатом своде древнего римского церковного права, геласиевского происхождения, по всей видимости использовавшимся в Каролингскую эпоху в учебных целях. Указанная редакция Квеснеллова собрания, получившая распространение во Франкской державе в VIII—IX вв., была известна церковным юристам и позднее. В частности, последний средневековый список памятника — Оксфордский кодекс 42 — датируется XII столетием, что свидетельствует о сохранении учебного значения Квеснеллова собрания даже в эпоху декретистов. При этом гипотетически устанавливаемая италийская δ -редакция Квеснеллова собрания, представленная по всей видимости только одним Венским кодексом 2147 (42) IX—X столетий, является переработкой исходной α -редакции памятника — геласиевской редакции, осуществленной в ходе трудов по рецепции римского церковного права в VI в. На это косвенно указывают некоторые оригинальные титулы, встречающиеся в упомянутом кодексе, однако отсутствующие в древнейших списках β -редакции. Вместе с тем указанный Венский кодекс 2147 (42) является достаточно поздним, а его анализ, как, впрочем, и анализ фрагментов Квеснеллова собрания, хранящихся в кафедральном миланском архиве, не позволяет делать однозначные выводы о его италийском происхождении. Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод. «Геласиевская» рецепция римского церковного права как главный юридический метод «геласиевского» возрождения не только имела сиюминутное историческое значение для понтификата Геласия и для авторитета Римской церкви в условиях Акакиевской схизмы. Она во многом предопределила пути постижения и изучения римского церковного права в последующие века — века, ознаменованные новым, на сей раз «каролингским» возрождением римской правовой культуры в условиях раннего Средневековья.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Cod. Lat. Atrebatensis 644
Cod. Lat. Einsiedlensis 191
Cod. Lat. Oxoniensis 42
Cod. Lat. Parisinus 3848 A
Cod. Lat. Parisinus 3842 A
Cod. Lat. Parisinus 1454
Cod. Lat. Vindobonensis 2141 (39)
Cod. Lat. Vindobonensis 2147 (42)

СОКРАЩЕНИЯ

CTh — Codex Theodosianus
Coll. Auell. — Collectio canonum quae dicitur Auellana

В. А. ЛАПШИН

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТВЕРИ

Культурный облик Твери, одного из важнейших русских средневековых городских центров, до сих пор недостаточно изучен. Это объясняется почти полным уничтожением тверских древностей, причиной чему стали события российской истории — от разгромов Твери татарскими и московскими войсками в XIII—XV вв. и перевоза в 1486 г. тверских художественных ценностей в Москву до разорения тверских архитектурных памятников и музейных коллекций в 30—40-е гг. XX в. Единственный на сегодняшний день источник новой информации о средневековом городе — его культурный слой. Профессиональные археологические раскопки ведутся в Твери относительно недавно. Тем не менее в 90-е гг. она стала одним из наиболее активно исследуемых городов России.¹ В 1993—1997 гг. совместной экспедицией Института истории материальной культуры Российской академии наук и Тверского музея были проведены широкомасштабные раскопки на площади 1400 кв. м и впервые был раскрыт целый квартал средневековой Твери с сохранившимися следами улиц и усадеб. Сохранность культурного слоя позволила получить репрезентативную серию дендродат в интервале 1271—1439 гг., т. е. датировать сооружения средневекового города, относящиеся к важнейшему периоду в его истории — времени становления независимого Тверского княжества (1247—1485 гг.).

Традиционное для историографии деление Северной Руси на Северо-Западную (Новгородская земля) и Северо-Восточную (Владими́ро-Суздальская земля) основано на фактах политической истории. При этом обычно подчеркивается связь Северо-Восточной Руси с Поднепровьем. Само ее летописное название — «Залесская земля» — свидетельствует о взгляде из Киева. Вместе с тем археологические материалы указывают на то, что первоначальное освоение Северо-Востока в IX—XI вв. тесно связано с Новгородской землей. На наиболее массовом керамическом материале памятников Северо-Восточной Руси выявлена генетическая связь ее населения с Северо-Западом.² Изучение

¹ Лапшин В. А. История археологического изучения Тверского кремля и обзор источников // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001. С. 7—20.

² Лапшин В. А. 1) Лепная керамика поселений Суздальской округи (к вопросу о формировании древнерусского населения на территории Суздальского ополья) // Про-

важнейших технологических традиций, в частности кузнечной обработки, позволило разграничить ремесло южнорусских земель с его непрерывной традицией, уходящей корнями в эпоху раннего железа, и ремесло Северо-Западной Руси, связанное с технологией стран Балтийского бассейна. Кузнечная обработка Северо-Восточной Руси развивалась в рамках северо-западных традиций.³ Развитие первых городских центров Северо-Востока в целом укладывается в схему, разработанную для городов Новгородской Руси.⁴ Тверское княжество, выделившееся в самостоятельный удел из Переславского княжества в 1247 г.,⁵ являлось северо-западной периферией Владимиро-Суздальской земли, распавшейся в начале XIII в. на удельные княжества. От Твери до новгородской границы, проходившей по реке Тверце у с. Медна (современное Медное), было всего 28 км,⁶ а ближайшим к Твери городом, даже более близким, чем собственные пригороды, был новгородский Торжок (80 км по той же Тверце). С Северо-Запада «Залеская» земля воспринималась как «низовская», с которой и через которую начиная с XII в. велась столь необходимая для Новгорода хлебная торговля. Водный путь связывал Новгород с Волгой по Мсте и Тверце. Контролировала этот путь Тверь. Непростые политические отношения с соседями с запада (Великим княжеством Литовским) и с юга (Великим княжеством Московским) нередко переходили в военные столкновения. Водный путь вниз по Волге связывал Тверь с Востоком, но одновременно — с грозным хозяином Руси — золотоордынским ханом («царем» русских письменных источников того времени).

Археологические материалы позволяют значительно конкретизировать общие представления о месте Твери среди государств Восточной Европы. Прослеживаются два основных направления внешних связей Твери в XIII—XV вв. — западное и восточное.

Западная Европа. Импорты из Западной Европы поступали в Тверь, как и в другие города Северо-Восточной Руси («Низовские земли»), через Новго-

блемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья. Мат-лы 1-й Региональной науч. конф. Горький, 1990. С. 225—228; 2) Этническая принадлежность верхнего слоя Мало-Давыдовского городища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Мат-лы 2-й Региональной науч. конф. Нижний Новгород, 1991. С. 367—373; 3) Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 119—128; 4) Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 129—138; *Седых В. Н.* 1) Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 111—117; 2) Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 192—197.

³ *Розанова Л. С.* Кузнечная продукция и техника ее производства на Северо-Востоке Руси в X—XII вв. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 202—225.

⁴ *Носов Е. Н.* 1) Характер расселения и становление городов Северной Руси // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Л., 1989. С. 14—16; 2) Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59—78.

⁵ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 53.

⁶ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 151.

род.⁷ Связи Твери с Западной Европой могли осуществляться и через Смоленск, Полоцк и Витебск,⁸ но надежными археологическими данными для этого утверждения мы не располагаем. Оба пути в рассматриваемый период были монополизированы Ганзой.

На связи с Новгородом указывают находки в раскопе берестяных грамот № 3—5. Графика, орфография и языковые формы всех трех грамот свидетельствуют об их новгородском происхождении, во всех них отразились черты древненовгородского диалекта и особенности новгородского берестяного письма второй половины XIII—начала XIV в.⁹ Тверские грамоты № 1 и 2, найденные в 1983 и 1985 гг., тематически также связаны с Новгородской землей. Грамота № 1 адресована Михаилу Домажировичу.¹⁰ В. Л. Янин предполагает, что это сын Домажира из новгородской грамоты № 510, погибший в 1224 г.¹¹ Грамота № 2 послана Григорием матери из Торжка в Тверь.¹² Она касается новгородско-тверских отношений: Григорий просит узнать, пропускают ли рожь для новгородцев «безо пакости» (беспрепятственно).

Западноевропейский импорт, обнаруживаемый при раскопках в Новгороде, представлен двумя группами: товарными категориями, среди которых серебро, цветные металлы, ткани, янтарь, стеклянные изделия, и индивидуальными изделиями западных мастеров.¹³

С другой стороны, металлы могли попадать в Тверь и с востока. По мнению М. П. Полубояриновой, вероятнее всего, Северо-Восточная Русь получала медь из Волжской Болгарии (Золотой Орды), не только в виде металла, но и в виде готовых изделий — котлов.¹⁴ Судя покладам XIV в., найденным в Московском кремле, серебро в форме золотоордынских монет могло в небольшом количестве также поступать с востока.

О поступлении в Тверь импортных тканей свидетельствует находка свинцовой западноевропейской пломбы с надписью «DIX» (рис. 1: I; дендродата: 1386—1419 гг.), подобные встречались в Новгороде (сведения П. Г. Гайдукова). В Твери свинцовые пломбы находили при случайных обстоятельствах на берегу Волги. Четыре из них опубликованы,¹⁵ в том числе пломба фландрского города Турне, аналогичная найденным в Новгороде и на Рюриковом городище.¹⁶ Эта находка документирует поступление сукна из Фландрии в Тверь че-

⁷ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 89—91.

⁸ Колызин А. М. Торговля древней Москвы (XII—середина XV вв.). М., 2001. С. 34—35.

⁹ Рождественская Т. В. Тверские берестяные грамоты № 3—5 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. С. 185—189.

¹⁰ Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1 // СА. 1987. № 1. С. 203—216.

¹¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... (3-е изд.). М., 1998. С. 418.

¹² Попова Л. А. Исследование Твери // Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 92—93; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 377, 472; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 418.

¹³ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 226.

¹⁴ Полубояринова М. Д. [рец.], Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII—XIV вв. Казань, 2000 // РА. 2004. № 3. С. 180.

¹⁵ Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 248—251.

¹⁶ Рыбина Е. А. 1) Товарные пломбы из Турне в Новгороде // СА. 1981. № 1; 2) Торговля средневекового Новгорода. С. 254—256.

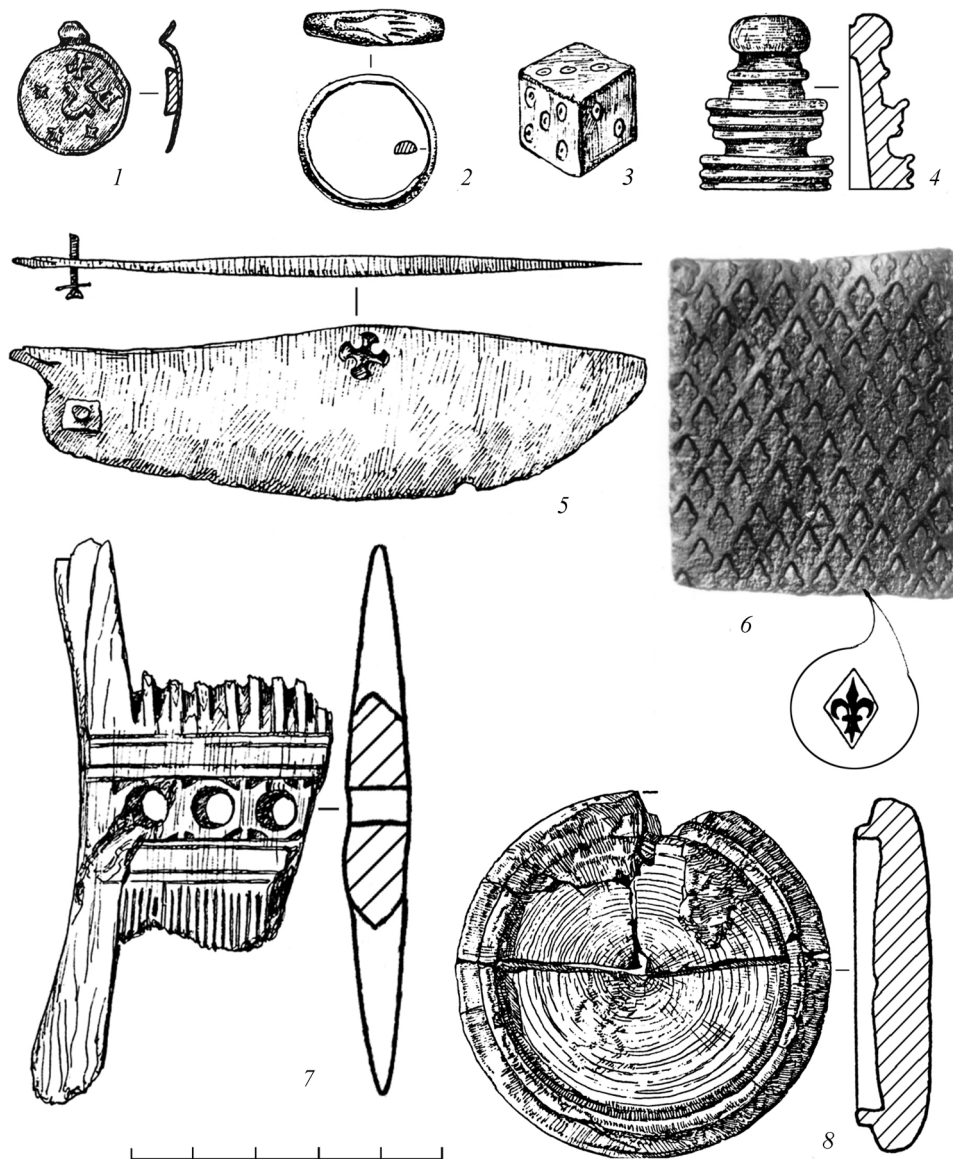

Рис. 1. Западноевропейские импорты, найденные в Тверском кремле. 1 — свинец; 2 — бронза; 3, 4 — кость; 5 — железо; 6 — кожа; 7, 8 — дерево.

рез посредством Ганзы и Новгорода. Вероятно, аналогично и происхождение пломбы с надписью «DIX».

Янтарные изделия происходят с побережья алтийского моря, они представлены 14 экземплярами бус, попавшими в слой между 1282 и 1433 гг., в том числе круглые зонные, эллипсоидные уплощенные, многоугольные призматические, круглые эллипсоидные, уплощенные бипирамидальные, многоугольные битрапециодные, биконические 16-гранные, а также овальной вставкой для перстня. Найдены также четырехконечный плосковыпуклый янтарный крест и фрагмент квадратносерединного янтарного креста с циркульным орнаментом.

Западноевропейская стеклянная посуда представлена двумя фрагментами стекла на основе золы с резким преобладанием калия над натрием.¹⁷ Один из них бесцветный, другой голубой, окрашенный кобальтом. Их дендродаты 1311—1330 и 1364—1385 гг.

Предметы западноевропейской ремесленной продукции, найденные в Твери, очень немногочисленны. Среди украшений западноевропейского происхождения встречаются перстни с изображением руки на овальном щитке. Они широко распространены в Германии, Польше и скандинавских странах.¹⁸ В Новгороде такие перстни датируются рубежом XII—XIII—концом XIV в.¹⁹ Тверской экземпляр (рис. 1: 2) имеет дендродату 1333—1364 гг.

Бритва с клеймом в виде креста (рис. 1: 5; дендродата: 1311—1330 гг.) относится к типу 2 по Б. А. Колчину.²⁰ Подобные клейма характерны для западноевропейской ремесленной продукции.²¹ Клейма на изделиях из черного металла местного (так как повторяют форму клейм на керамических донцах и плинфе) производства из русских городов известны только в Смоленске, где появляются в конце XIII—начале XIV в.²²

На одном ноже при технологии торцовой наварки между железной основной клинкой и наварным стальным лезвием отмечено использование прокладки из твердого (фосфористого) железа. Для древнерусского кузнечества такой прием не характерен. Возможно, нож представляет западноевропейский импорт.²³ В единственном экземпляре найден небольшой нож с металлической рукояткой, возможно также импорт из Западной Европы.

Единственным экземпляром представлена точеная многоярусная шахматная фигура западноевропейского типа (рис. 1: 4; дендродата: 1419—1433 гг.). Кубик для игры в кости имеет западноевропейское происхождение (рис. 1: 3), аналогии известны в Новгороде.²⁴

Оправа зеркала — точеная крышечка со следами стеклянной массы (рис. 1: 8). Хорошо известны металлические оправы для зеркал западноевропейского происхождения из материалов раскопок в Новгороде. Позднее были определены как оправы для зеркал несколько десятков аналогичных деревянных футляров из слоев XIII—XV вв. Такие части складных стеклянных зеркал были найдены в Любеке и других ганзейских городах, где

¹⁷ *Егорьков А. Н.* Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001. С. 143.

¹⁸ *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. С. 257.

¹⁹ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 135.

²⁰ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА. № 65. М., 1959. С. 57—58.

²¹ *Беленькая Д. А., Розанова Л. С.* Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 18—26.

²² *Асташова Н. И.* Хронология смоленских древностей // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 114.

²³ *Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Производственные традиции в кузнечном ремесле Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001. С. 110. № 79.

²⁴ *Рыбина Е. А.* 1970. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1970. С. 220, 223, рис. 19.

они известны с XIII в. и получили наибольшее распространение в XIV—XV вв.²⁵

Значительная часть новгородских цельных двусторонних деревянных гребней сделана из самшита. Принято считать, что сырье для них привозили с Северного Кавказа по Волге,²⁶ а динамика отложения гребней в культурный слой Новгорода отражает состояние волжского торгового пути на протяжении XI—XIV вв.²⁷ Л. И. Смирнова на основе сопоставления новгородской коллекции гребней с западноевропейскими материалами пришла к выводу, что ранняя группа находок (X—XII вв.) состоит из привозных с юга изделий византийского круга. Самшитовые гребни XIII—XV вв. являлись продукцией северо-европейского ремесла и доставлялись в Новгород ганзейскими купцами.²⁸ Определение древесины тверских гребней не проводилось. Отметим прорезной орнамент на одном из тверских экземпляров (рис. 1: 7), который, по заключению Л. И. Смирновой, характерен для северо-европейского ремесла Балтийского региона.²⁹

Интересны немногочисленные западноевропейские находки кожаных изделий. Среди них остроногая туфля (дендродата: 1400—1419 гг.).³⁰ Сочетание конструктивных и декоративных признаков по западноевропейским аналогиям позволяет определить время пошива обуви второй половиной XIV—началом XV в.,³¹ что соответствует условиям ее нахождения. Кусочек кожи с тисненым орнаментом из лилий (рис. 1, 6; дендродата: 1333—1364 гг.) имеет аналогии только в Англии в конце XIII—начале XV в.³² Клапан сумки с декором, сочетающим вырезы, тиснение и точечные наколы пуансоном (дендродата: 1386—1400 гг.),³³ имеет прямые аналогии только в изделиях западноевропейского производства XIII—XV вв.³⁴

Золотая Орда. Более многочисленна группа находок, являющихся импортом из Золотой Орды или через нее.

В раскопе 1993—1997 гг. найдено 145 фрагментов восточной керамики, в том числе поливной полихромной керамики, фрагментов керамики с рельефным (колыбным) орнаментом, 1 фрагмент китайского селадона.³⁵ Ранее в Твери при раскопках в 1979—1993 гг. были найдены 123 фрагмента восточной ке-

²⁵ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 253—254; Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В. Исследования в Людином конце Новгорода в 2003 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // ННЗ. Новгород, 2004. Вып. 18. С. 12, рис. 2: 3.

²⁶ Вихров В. Е., Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода // СА. 1956. Т. 24. С. 93—98; Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 85—87.

²⁷ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 87.

²⁸ Холден (Смирнова) Л. И. Самшит с гор Талыша по Волге реке... (к вопросу о необходимости пересмотра некоторых аксиоматических положений в новгородском вещеведении) // Новгородские археологические чтения. Новгород, 2004. С. 66—81.

²⁹ Там же. С. 75.

³⁰ Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII—XV вв. (по материалам археологических исследований 1993—1997 гг.). СПб., 2004. Рис. 144, 1; 145.

³¹ Там же. С. 64.

³² Там же. С. 64.

³³ Там же. Рис. 144, 4; 148, 1.

³⁴ Там же. С. 65.

³⁵ Коваль В. Ю. Керамика Востока в Тверском кремле // Лапшин В. А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009. С. 273—296.

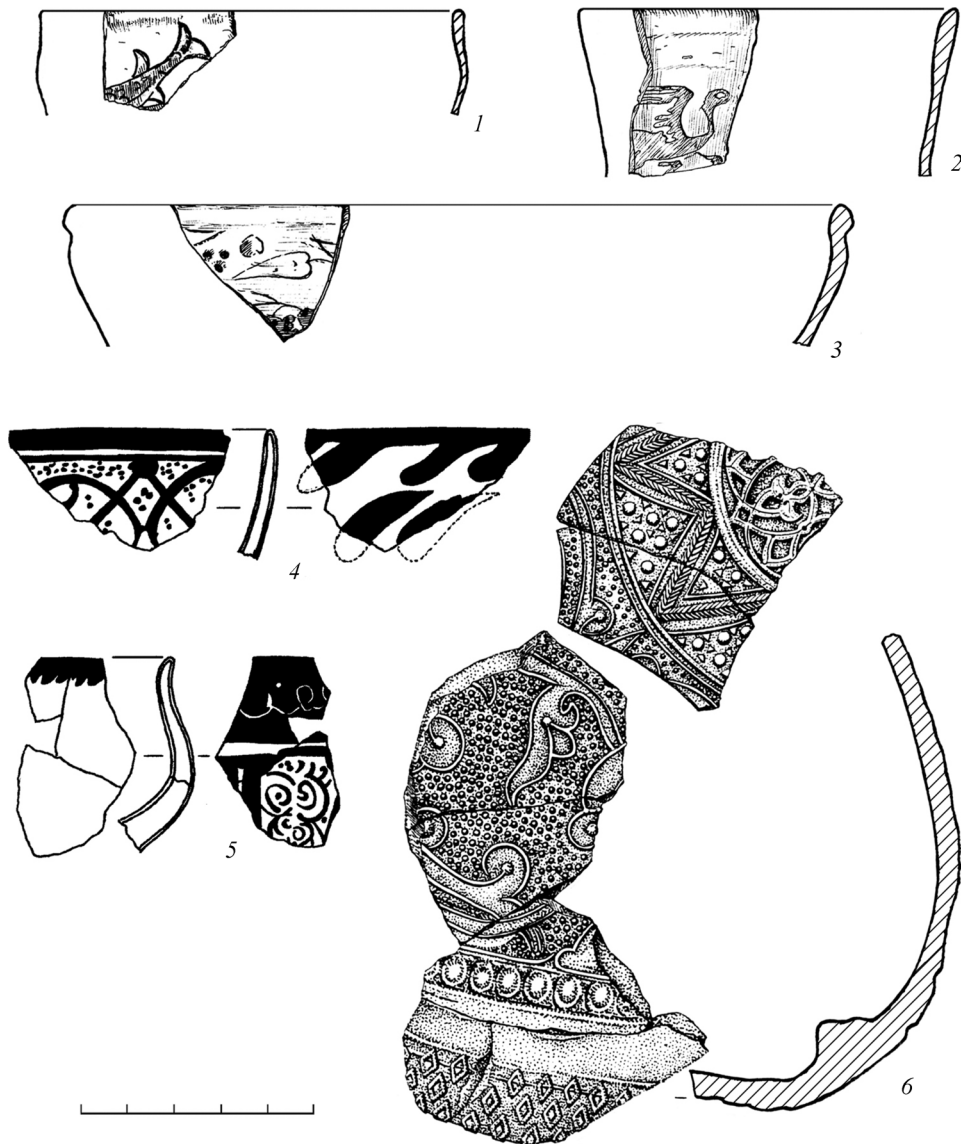

Рис. 2. Восточные импорты, найденные в Тверском кремле. 1—3 — стекло, расписанное цветными эмалями; 4 — кашинная расписная керамика; 5 — кашинная керамика с росписью люстром; 6 — колыбная керамика.

рамыки.³⁶ Количественно преобладает керамика золотоордынских городов Поволжья (рис. 2, 4). Привязка к строительным горизонтам позволила конкретизировать динамику поступления восточной керамики в Тверь. Единичные фрагменты начинают оседать в культурном слое около 1300 г., их число возрастает в 6-м горизонте (1333—1364 гг.) и достигает максимума в 3—4-м горизонтах (1386—1419 гг.), после чего наблюдается резкий спад: на

³⁶ Коваль В. Ю. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX—XVII вв.). Автореф. ... дис. к. и. н. М., 1997.

1419—1443 гг. приходится более чем вдвое меньше фрагментов. Это в целом совпадает с наблюдениями, сделанными на общерусском материале: керамика золотоордынского Поволжья поступает в русские города в раннезолотоордынский период (середина XIII—середина XIV в.) в небольшом количестве, видимо не по торговым каналам, в качестве личного имущества ордынцев. В середине—второй половине XIV в. повсеместно на Руси появляется золотоордынская поливная посуда поволжского производства. После разрушения ордынских городов войсками Тимура в 1395 г. и прекращения в них керамического производства прекращается импорт соответствующих типов керамики в русские земли.³⁷

Особую группу составляет люстровая кашинная керамика (рис. 2, 5). Она характерна для изделий, производившихся в сельджукском Иране в последней трети XII—первой трети XIII в., но выпала в культурный слой Твери только в третьей четверти XIV в. К данному виду относились 14 обломков, принадлежавших 4 различным сосудам. По гипотезе В. Ю. Коваля, такую керамику мог привести в Тверь золотоордынский аристократ, купивший или получивший ее в подарок в Иране, где только и могла храниться более 100 лет после изготовления эта раритетная и очень дорогая посуда.³⁸ По-видимому, предположение В. Ю. Коваля можно конкретизировать. В рассматриваемый период татарские послы приезжали в Тверь дважды: в 1370 и 1375 гг.³⁹ Для нас особенно интересен первый случай. В 1370 г. татарские послы Каптагай и Тюзак привезли в Тверь ярлык на великое тверское княжение Михаилу Александровичу, но не застали его — он бежал от московских войск в Литву.⁴⁰ В этих условиях татарских послов должен был принимать глава администрации князя. Предположительно можно связать находки люстровой посуды, а также колыбной приседельной фляги (рис. 2: б) за пределами княжеского двора с пребыванием в городе татарских послов.

Вероятно, предметом импорта из Золотой Орды были сосуды из цветного металла: фрагмент тонкой медной чаши, орнаментированной по краю пунсоном (рис. 3: 1), и орнаментированного сосуда (рис. 3: 2), фрагменты медных клепаных котлов. Фрагмент бронзового зеркала с валикообразным бортиком и крестовидным орнаментом из двух пересекающихся в центре рельефных полос (рис. 3: 3) имеет аналогии в слоях Болгара золотоордынского времени.⁴¹ Тверской фрагмент интересен тем, что это часть необработанной отливки с заусенцами по краю, т. е. обработка по крайней мере части изделий, по-видимому, завершалась уже на Руси.

Кроме импортов непосредственно из городов Золотой Орды часть находок попала в Тверь через Золотую Орду. Выше уже упоминалась люстровая иранская керамика и китайский селадон. Значительную группу (117 фрагментов) составляет сиро-египетское стекло (рис. 2, 1—3), встреченное в горизонтах 1—9 (1296—1443 гг.). В слоях первой трети XIV в. количество фрагментов невелико, но резко возрастает в горизонтах 5—6 (1333—1385 гг.), после чего наблюдается резкий спад в горизонтах 3—4 (1386—1419 гг.). Дипломатиче-

³⁷ Там же. С. 16—17.

³⁸ Коваль В. Ю. Керамика Востока в Тверском кремле.

³⁹ Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 198, 211.

⁴⁰ ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. Стб. 92.

⁴¹ Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 223, тип В-1-3.

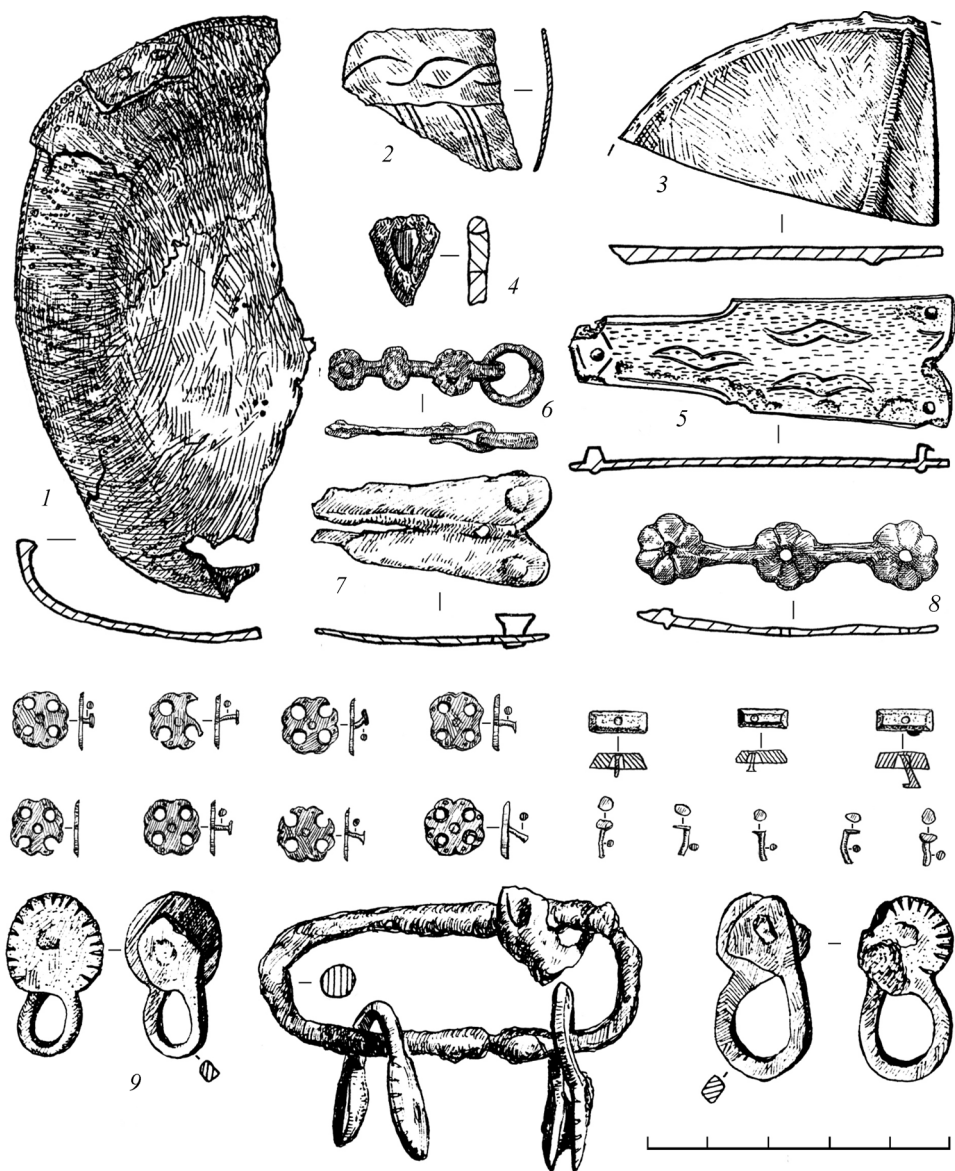

Рис. 3. Восточные импорты, найденные в Московском кремле. 1—5 — бронза; 6—8 — железо; 9 — бронза, железо.

ские отношения Золотой Орды с мамлюкским Египтом были установлены в начале 60-х гг. XIII в. как союз против хулагуидского Ирана. Облегчило сближение принятие ислама ханом Берке (1256—1266 гг.).⁴² Обмен посольствами осуществлялся через Константинополь, который византийцы отвоевали у крестоносцев в 1261 г.⁴³ После смерти ильхана Абу Саида (1335 г.) хулаидский

⁴² Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966. С. 4.

⁴³ Там же. С. 29.

Иран начинает распадаться, и к середине XIV в. на его территории образуется десяток враждующих государств, после чего Египет перестает интересоваться союзом с Золотой Ордой.⁴⁴ Тем не менее обмен посольствами продолжался до 1395 г., когда Тимур разгромил Золотую Орду.⁴⁵ Дипломатические отношения сопровождались оживленной торговлей, осуществлявшейся через Крым. Некоторые купцы ввозили в Орду товары на десятки тысяч динаров.⁴⁶ Среди фрагментов стекла, найденных в Твери, по технике орнамента выделяется несколько групп. Количественно преобладают фрагменты с росписью цветными эмалями и позолотой. Геометризованное изображение рыбы (рис. 2: 1) часто встречается на изделиях из сиро-египетского стекла. Они появляются в конце XII в. и особенно были популярны в пределах так называемой «дамасской» группы, датируемой 1250—1310 гг.⁴⁷ Вторым популярным мотивом были изображения летящей птицы (рис. 2: 2). В Египте он встречается на изделиях XIII—начала XIV в.⁴⁸ Преобладают фрагменты двух категорий посуды: стаканы (или бокалы) и горлышки бутылок. Другие категории сиро-египетской стеклянной посуды в Твери не представлены.

В еще более далекий круг аналогий уводит бронзовая накладка (рис. 3: 5), орнамент на которой характерен для аскизской культуры Южной Сибири X—XIV вв., но выполнен не в характерной для данной культуры технике аппликации серебром по железу, а имитирует орнамент в более простой форме — накладка отлита целиком из бронзы. Древнехакасские изделия, относящиеся к аскизской культуре Минусинской котловины X—XIV вв., спорадически встречались на территории Руси и Волжской Булгарии еще в домонгольское время, но большая их часть относится к XIII—XIV вв.⁴⁹ Находки связаны с воинско-всадническим комплексом (оружие, поясная гарнитура, конская упряжь). Своеобразие аскизских изделий проявляется в технологических приемах декорирования: аппликации и инкрустации серебром (реже золотом) по железу.⁵⁰ Такие высокохудожественные изделия сравнительно редки и в Минусинской котловине, а на территориях к западу от нее чаще встречаются рядовые изделия, выполненные в упрощенной технике. Это позволяет говорить о находках «аскизского круга» на территории Волжской Булгарии, испытавшей особенно сильное влияние кочевнических культур.⁵¹ Железные накладки в целом, по-видимому, генетически связаны с кочевническими древностями Евразии. Так, один из типов накладок со стилизованными «сдвоенными птичьими головка-

⁴⁴ Там же. С. 84.

⁴⁵ Там же. С. 96.

⁴⁶ Там же. С. 85.

⁴⁷ *Lamm C. J. Mittelalterliche Glasser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. II. Abbildungen. Berlin, 1929. Taf. 95: 15, 19, 20; 100: 9, 10, 15; 113: 12, 22, 23; 116: 16; 117: 2, 23; 118: 27; 119: 7, 18; 123: 9, 12, 22; 124: 1; 131: 14; 136: 16; 142: 5, 7, 15, 16; 143: 14—24; 144: 1—4, 16—20; 147: 1; 148: 17—21; 149: 10, 12—16; 151: 14—17; 152: 10—13; 153: 1—10; 157.*

⁴⁸ *Ibid.* Taf. 120: 10—12, 15—17, 22; 122: 1; 126: 3; 133: 14, 19; 154: 4.

⁴⁹ *Кызласов И. Л. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 3—7.*

⁵⁰ *Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып. ЕЗ-18.*

⁵¹ *Руденко К. А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 47—127.*

ми» (рис. 3: 7; дендродата: 1311—1330) имеет более 50 аналогий в Новгороде в слоях XIV в. и многочисленные аналогии в золотоордынских городах Поволжья.⁵² Сложносоставные накладки, состоящие из трех розеток (рис. 3: 6, 8; дендродаты: 1364—1385 гг. и 1400—1419 гг.), имеют аналогии на памятниках Волжской Булгарии золотоордынского времени,⁵³ на территории Руси подобная накладка найдена в районе Куликова поля на Верхнем Дону на селище XIV в. Вединец 1.⁵⁴ Каплевидная накладка с выпуклой серединой (рис. 3: 4) характерна для территории Золотой Орды.⁵⁵ По-видимому, в Северо-Восточной Руси монгольского времени влияние степи опосредовано городами Золотой Орды. В горизонте 6 (1333—1364 гг.) найден комплекс металлических деталей сбруи (рис. 3: 9), состоящий из 6 железных пряжек-петлей и набора из 21 бронзовой накладки в форме розеток со шпеньками и шайбочками. Здесь же найден фрагмент кожаного ремня. Орнаментация железных пряжек-петлей нарезкой по краю характерна для аскизской культуры.⁵⁶ Аналогия бронзовым накладкам-розеткам имеется среди византийских поясных украшений XIV в.⁵⁷

По-видимому, через Золотую Орду попали в Тверь бусы из горного хрусталя: круглые шарообразные бусы, многоугольная битрапецеоидная бусина, бисер из горного хрусталя и кусочки горного хрусталя со следами обработки, возможно, фрагменты бусин. Также найдены хрустальные вставки для перстней: овальные плоско-выпуклые, круглая плоско-выпуклая и овальные уплощенные. Новгородские находки вставок из горного хрусталя Е. А. Рыбина относит к предметам западноевропейского импорта.⁵⁸ Найден также четырехконечный крест из горного хрусталя, сердоликовая круглая шарообразная и овальная бусины, круглая вставка из аметиста и прямоугольная вставка из агата.

Южный — Днепровский — путь, игравший важнейшую роль в домонгольское время, потерял свое значение после 1240 г. В рассматриваемое время предметы с юга свидетельствуют не о торговых связях, а о перемещении населения из разоренного монголами Среднего Поднепровья и о длительности переживания некоторых типов домонгольских вещей.

Так, в Твери найден один фрагмент содового стекла, вероятно византийского происхождения. Окончание производства таких стекол Ю. Л. Щапова относит к рубежу XII—XIII вв.,⁵⁹ тверской фрагмент найден в слое, который датируется 1386—1419 гг.⁶⁰

⁵² Козлова А. В. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // ННЗ. Новгород, 2004. Вып. 18. С. 195, рис. 4: 5—12.

⁵³ Руденко К. А. Датировка находок «аскизского круга»... Рис. 4 — тип Д1.

⁵⁴ Гоняный М. И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII—третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX—XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 89, рис. 8, 10.

⁵⁵ Козлова А. В. Украшения... С. 202, рис. 6.

⁵⁶ Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири... Табл. XIV, 24, 28, 29; XXXIII, 4, 5.

⁵⁷ Fingerlin E. Gurtel des hohen und späten Mittelalters // Kunstwissenschaftliche Studien. Bd. XLVI. 1971. S. 90, Abb. 155.

⁵⁸ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 244.

⁵⁹ Щапова Ю. Л. 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 179.

⁶⁰ Егорьков А. Н. Химический состав тверского посудного стекла... С. 143.

Медный рельефно-черневой крест-энколпион относится к третьей группе, по Г. Ф. Корзухиной, которая датируется рубежом XI—XII вв.—1240 г.⁶¹ Большая часть подобных энколпионов происходит из Среднего Поднепровья. Надписи гравированные (а не литые), по палеографическим признакам датированы Т. В. Рождественской XII—первой половиной XIII в.⁶² Таким образом, иконографическая и палеографическая даты совпадают. Но в культурный слой Твери он попал не ранее 1400 г. Дата изготовления отстоит от времени попадания в слой не менее чем на 160 лет. Квадрифолийный бронзовый наперстный крест-энколпион (дендродата: 1300—1311 гг.) имеет аналогии в Поднепровье и на городище Осовик, где датируются XIII в.⁶³

Бронзовая подделка гривны «киевского типа» (дендродата: 1311—1330 гг.) является, по-видимому, имитацией серебряной гривны. Серебряные гривны киевского типа датируются обычно домонгольским временем, как и известные подделки. Основная часть находок происходит из кладов 1237—1240 гг.⁶⁴

Пряслица из розового шифера производилась в районе Овруча на Волыни. Мастерские возникли в конце X в. и прекратили существование в 1240 г.,⁶⁵ после чего наблюдается полное исчезновение шиферных пряслиц в городах, подвергшихся монгольскому разгрому, или резкое сокращение их числа в северных городах, избежавших нашествия, как например в Новгороде.⁶⁶ Находки шиферных пряслиц, количественно сокращаясь от яруса к ярусу, отражают уже не закономерности ввоза, а закономерности пережиточного бытования. Тем не менее на Неревском раскопе в послемонгольских слоях найдено в общей сложности около 300 шиферных пряслиц,⁶⁷ или около 10 % от их общего числа. В Твери пряслица из шифера преобладают над поделками из местных пород камня еще в первой четверти XIV в. Массовое выпадение их в культурный слой падает на горизонт 7 и, вероятно, связано с летописным пожаром 1327 г. во время взятия Твери московско-татарскими войсками.

⁶¹ Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. 1958. XIV. С. 133; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода... С. 55—57; Зоценко В. Н. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 123.

⁶² Рождественская Т. В. Надписи на предметах // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. С. 210.

⁶³ Ханенко Б. И., Ханенко В. И. 1899. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1. С. 19, № 100; Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты реликварии X—XIII вв. СПб., 2003. С. 69—70, табл. 25.

⁶⁴ Сотникова М. П. Древняя подделка древнерусского серебряного денежного слитка XII—XIII вв. // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. С. 217—220.

⁶⁵ Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. 1964. № 4. С. 221; Томашевский А. П. Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX—XVI веках. М., 2008. С. 50—73.

⁶⁶ Колчин Б. А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 174.

⁶⁷ Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. С. 67—68.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	—	Византийский временник
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
ННЗ	—	Новгород и Новгородская земля: История и археология. Мат-лы науч. конф.
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
САИ	—	Археология СССР. Свод археологических источников
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея

В. А. УШАКОВ, Т. А. ХУДЯКОВА

**БИОГРАФИИ ВАШИНГТОНА И ФРАНКЛИНА
КАК ЖАНР ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

В России к середине XIX в. имена Джорджа Вашингтона и Бенджамина Франклина были хорошо известны уже нескольким поколениям читателей. Они черпали информацию о выдающихся американцах из сообщений в газетах, из журнальных публикаций и доступной для части россиян литературы, издаваемой за рубежом. Отдельные работы Б. Франклина неоднократно переиздавались в переводах на русский язык. В итоге копившиеся с 1750-х гг. разнообразны сведения формировали устойчивые и весьма лестные представления об основных направлениях деятельности и достижениях в многотрудной жизни героев Америки, их вкладе в национальную историю и историю XVIII столетия.¹

В пореформенной России научные исследования, в том числе и по истории стран Европы и Америки, развивались интенсивно. Растущую российскую американистику питали книги и статьи зарубежных и отечественных авторов, создававшие предпосылки и для более глубокого осмысления жизни и деятельности выдающихся американцев. Важные шаги в детальном ознакомлении россиян с этой темой в 1860-е гг. предприняли издатели и переводчики зарубежной литературы. Тогда первой работой о Вашингтоне на русском языке стала публикация в 1863 г. перевода книги Ф. Гизо «Исторический очерк жизни Вашингтона». Сочинение авторитетного французского историка пользовалось доверием читателей, оно было написано эмоционально и исторические факты приводились для иллюстрации исключительных качеств американца, его впечатляющей роли спасителя отечества, начавшему во имя свободы революцию и победоносно завершившему ее. Материалы книги значительно расширяли представление читателей о событиях в Америке, об участии Вашингтона в решении трудных проблем в годы войны за независимость и в последующие периоды, включая его 8-летнее пребывание на посту президента США. Впервые на русском языке были представлены письма и обращения

¹ Ушаков В. А., Бродская К. М. Первые сведения о Джордже Вашингтоне в России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 230—237; Худякова Т. А. Бенджамин Франклин в оценках его современников из России // Там же. С. 238—243.

Вашингтона к влиятельным американцам и иностранным корреспондентам. Эти документы раскрывали и добрые качества, и намерения героя, неизменно отклонявшего попытки установить в Америке монархическую или авторитарную форму правления. Французский историк подчеркивал роль первого президента в становлении США, писал о его жизни после отставки с поста главы государства. Подход автора соответствовал историографической тенденции того времени, а насыщенность фактами и ясный слог еще дважды (в 1900 и 1907 гг.) побуждали к переизданию этого сочинения с некоторыми дополнениями в переводе.² Многие материалы и положения книги были восприняты и использованы российскими американцами в конце XIX—начале XX в.

В 1868 г. в переводе с немецкого вышло и сочинение В. О. Горна «Георг Вашингтон», что свидетельствовало об актуальности темы. Новая книга подробно сообщала о семье, о детских и юношеских годах и событиях, повлиявших на выбор жизненного пути молодого виргинца. Эти сведения отсутствовали в первом издании работы Ф. Гизо, поэтому книга Горна заполняла лауну, а язык и стиль сочинения привлекали читателя.³ Таким образом, в 1860-е гг. две историко-биографические книги в переводах взаимно дополняли друг друга и утверждали в российском обществе образ выдающегося американца, написанный в хвалебно-благожелательной манере.

1860-е гг. стали отправными и для углубленного освещения жизни и деятельности другого известного американца — Б. (В.) Франклина. В переводе с французского работа Ф. О. М. Минье «Жизнь Франклина» вышла в свет в 1863 г. Она была написана на основе франклиновской «Автобиографии» и сообщала об этапах жизни американца, его становлении как личности, как об ученом и общественном деятеле, а вторая часть книги раскрывала историю войны за независимость США.⁴ Сведения из книги Минье часто использовались и в работах российских авторов. А в переводе В. Титова в Курске в 1888 г. опубликовали очерк Г. Демулена «Франклин». Работа была насыщена цитатами из «Автобиографии», характеризовала важные события в жизни героя, его отношения с другими людьми и изменения в его взглядах и устремлениях с течением времени. Небольшой объем брошюры Демулена не позволил отразить все стороны жизни Франклина.⁵ И как бы дополнением к двум названным публикациям служил биографический очерк о Б. Франклине, содержащийся в книге Л. Колэ. Этот автор описал детские годы героя, его превращение из любознательного ребенка в начитанного юношу.⁶ Переводы работ о жизни Франклина и Вашингтона создавали необходимый задел и для поиска российских сочинителей. Часть из них плотно следовала в русле западной историографии, а часть проявляла большую самостоятельность и их работы появились в те же годы, что и изданные в переводах книги иностранных авторов.

² Гизо Ф. 1) Исторический очерк жизни Вашингтона. СПб., 1863. С. 1—2, 21—37, 39, 44, 49—57, 60, 63, 73—88 и др.; 2) Исторический очерк жизни Вашингтона. СПб., 1900.

³ Горн В. О. Георг Вашингтон. СПб., 1868. С. 1—23, 30—40, 50 и др.

⁴ Минье Ф. О. М. Жизнь Франклина. СПб., 1863.

⁵ Демулен Г. Франклин. Курск, 1888.

⁶ Колэ Л. Детство и юность великих людей. (Важнейшие эпизоды и выдающиеся приключения их жизни). СПб., 1894. С. 290—234.

По мере освоения американской тематики россияне должны были испытывать свои силы и в историко-биографическом жанре. Уже в 1862 г. автор ряда нравоучительных рассказов для детей и биографий известных людей М. Ф. Ростовская опубликовала предназначенную юношеству книгу «Вениамин Франклин». В книге отслеживалось формирование характера известного американца, выявлялось то, что сказывалось на его мировоззрении и стремлении переустроить окружающую его действительность. Сообщалось об общественно-политической деятельности Франклина, приводились цитаты из его «Автобиографии», писем и статей. Список использованной для написания книги литературы и источников стал одной из ее отличительных черт, так как во многих работах того периода библиография и научный аппарат отсутствовали. Труд М. Ростовской занял особое место в перечне работ о ФранкLINE. Автор сообщала ряд сведений, которые мало упоминались в XX в. при расцвете российской американистики. Книга имела пусть слабый, но научный аппарат, и, хотя и предназначалась юношеству, акцент в ней ставился не на назидательную сторону, а на примечательные моменты из жизни ученого. Кроме того, автор предлагала читателям пищу для размышлений, заставляя задумываться над неоднозначными вопросами деятельности Франклина. А к недостаткам книги можно отнести отсутствие ее деления на главы.⁷

Среди первых публикаций, посвященных Б. Франклину, свое место заняли изданная в 1875 г. книга А. Хребтова⁸ и работа А. Любимова, опубликованная в журнале «Детский отдых» в 1881 г. и позднее изданная отдельной книжкой.⁹ В разной мере оба автора использовали простой язык и адаптировали факты биографии американца для читателей детского возраста. В центре внимания оказались поучительные случаи, позволившие отследить нравственное совершенствование Франклина. Во второй книге большая ее часть отводилась рассказу о зрелых годах героя и о его деятельности на общественном и политическом поприще. Любимов описал способы, которые применял Франклин при работе над собой. Такой сюжет встречается в историографии XX в., но первое упоминание о нем пришлось на данную работу, ее можно воспринимать как научно-популярный очерк. Сведения о ФранкLINE пополнил и изданный анонимно в 1888 г. биографический очерк.¹⁰ В нем приводились редко упоминаемые факты из жизни просветителя (о друзьях, о компаньоне по типографии, помощи сыну умершего брата), внимание обращалось и на религиозные взгляды Франклина, что не было типично для литературы того периода.

В последнее десятилетие XIX и с начала XX в. в подготовке историко-биографических работ было отмечено оживление. Для России наступали сложные времена, и в представлении современников с реалиями самодержавия соперничали либерализм и демократические традиции поколений американцев. Их достижения усиливали у части российской интеллигенции стремление направить развитие отчизны по «западному образцу», используя для этого и опыт Нового Света. Россияне искали пути выхода из кризиса, и нужны были исторические примеры: выдающегося ученого-просветителя и преобразователя общества и героя, патриота — защитника и лидера страны. И имена

⁷ Ростовская М. Вениамин Франклин. СПб., 1862.

⁸ Хребтов А. Вениамин Франклин. СПб., 1875.

⁹ Любимов А. Вениамин Франклин // Детский отдых. 1881. № 6, 7, 8, 9 (оттиск).

¹⁰ Бенджамин Франклин (1706—1790). Биографический очерк. М., 1888.

Б. Франклина и Дж. Вашингтона отвечали таким запросам времени. Повышенный интерес к свершениям американцев был обусловлен и памятными датами: столетней годовщиной смерти Вашингтона (1899 г.) и подготовкой к 200-летию со дня рождения Франклина (1906 г.).

В тот период о Вашингтоне появилось несколько работ российских авторов и в 1900 г. было переиздано в новом расширенном переводе упомянутое сочинение Ф. Гизо. А первой в 1891 г. в серии «Народная библиотека» вышла книга А. П. Валуге (Мунт) «Рассказы о великих и хороших людях. Джордж Вашингтон». Это повествование предназначалось для читателей «из народа» и для учащейся молодежи (средних учебных заведений, городских училищ, кадетских корпусов). Благодаря общему настрою и красочному языку книжка была переиздана уже в 1892 г., а всего с 1891 по 1913 г. она выдержала пять изданий. Автор высоко ценила авторитет героя, военные и общественные деяния которого были направлены на благо Америки и его соотечественников. Основываясь на сочинениях биографов Вашингтона, Валуге, подобно им, фактически мифологизировала его.¹¹

В 1895 г. в Москве вышло произведение «Георг Вашингтон и основание Северо-Американских соединенных штатов». На книге стояли инициалы автора В. Я. Я-въ, она являлась компиляцией из работ зарубежных авторов и предназначалась учащейся молодежи и лицам, интересующимся историей. Несмотря на неточности и ошибки, книга знакомила читателей с основными событиями и фигурами американской истории, но не содержала исторического анализа. Вашингтон предстал личностью, которая заслуженно выдвинулась на роль «спасителя отечества» и «великого, истинного героя».¹²

В 1899 г. работу Вашингтону посвятила и детская писательница, педагог и демократ А. Н. Анненская. Ее книга не являлась исследованием, а скорее исторической повестью для детей. В книге много художественного вымысла, и пример детства Вашингтона и его последующего возмужания использован в воспитательных целях. В изображении писательницы герой был наделен всевозможными добрыми качествами, этот человек постоянно стремился к самосовершенствованию и добивался поставленных целей, он заслуженно достигал побед и жизненных высот, как выдающаяся личность вошел в историю Америки.¹³ В 1905 г. во время подъема революционного движения вышло второе издание книги Анненской и работа Э. Пименовой. Последняя книга публиковалась в серии «Народные издания О. Н. Поповой» для детей школьного возраста и лиц из простонародья, читавших дешевые, доступные книжки. Работа Пименовой содержала конспективное изложение основных сведений о Вашингтоне, к тому времени накопленных в историографии. В целом и эта публикация была направлена на то, чтобы в общих чертах ознакомить российских читателей с биографией одного из самых знаменитых деятелей американской истории.¹⁴

¹¹ Валуге (Мунт) А. П. Рассказы о великих и хороших людях. Джордж Вашингтон. 5-е изд. М., 1913. 60 с. (1-е и 2-е изд. — 1892). С. 10, 14, 20, 33—36, 50.

¹² Я-въ В. Я. Георг Вашингтон и становление Северо-Американских соединенных штатов. М., 1895. С. 3, 34—35, 39—42.

¹³ Анненская А. Н. Георг Вашингтон и война за независимость. [СПб.], 1899. [Всходы. 1899. № 24]. С. 12—16, 24 и др.

¹⁴ Анненская А. Н. Георг Вашингтон и война за независимость. СПб., 1905; Пименова Э. К. Георг Вашингтон и война за независимость. СПб., 1905. С. 4—9, 12 и др.

В эти же десятилетия в России не менее активно разрабатывался образ выдающегося ученого и просветителя Б. Франклина. О нем, как и о Вашингтоне, также писали А. П. Валуева (Мунт) и А. Н. Анненская, ориентировавшие свои работы на детей и учащуюся молодежь. Их книги содержали поучительные задания и элементы художественного вымысла, а Франклин и его действия представляли как достойные подражания образцы. Эти сочинения использовали в городских училищах и прочих учебных заведениях, книга Валуевой выдержала несколько изданий.¹⁵ Оба автора порой приводили факты или версии событий, отличные от принятых в литературе тех лет, и рецензент выделил эти работы как шаг по пути к написанию лишенной слащавых характеристик более подробной биографии американского просветителя.¹⁶

Рассказы о детстве знаменитых людей выходили и из-под пера российских авторов. М. Н. Никольский с опорой на «очерк, составленный по Фоа и др.» подготовил публикацию, включавшую и главу о ФранкLINE.¹⁷ Написанное в морализаторском стиле это издание отчасти напоминало книгу Л. Колэ, хотя последняя охватывала бóльший материал. Еще одна биография Франклина в переложении для детей принадлежит П. Корсунскому. Названная книжка вышла в научно-популярной серии для младшего школьного возраста, которую издавала М. Н. Слепцова. Она же и автор этой биографии (П. Корсунский — один из ее псевдонимов). Следует отметить, что работа Слепцовой схожа с книжкой Валуевой (Мунт) вплоть до совпадения речевых оборотов и отдельных диалогов.¹⁸ Обе книги вышли в свет приблизительно в одно и то же время, и трудно определить, какая из работ служила источником для другой либо обе они имели один первоисточник. Поэтому несложно обнаружить сходство мыслей и выводов двух писательниц.

Из опубликованных в начале XX в. работ выделяется очерк З. Вороновой «Франклин — типограф». В нем представлена та сторона жизни, которую Б. Франклин считал определяющей для себя. Ни до, ни после указанного сочинения в России не публиковали работ, повествовавших об этом аспекте деятельности ученого и просветителя. А он крайне важен, так как «указывает на присутствие во ФранкLINE громадной силы воли и настойчивости, а также проливает некоторый свет на положение типографского дела в Америке».¹⁹ Воронова показала, как развивалось мастерство Франклина, а в заключении следовал вывод: работа в типографии, любовь к книгам, способность к организации времени помогли американцу в дальнейшей жизни. Очерк не проливал свет на какие-то новые факты биографии Франклина, но он стал еще одной ступенью к познанию его жизненного пути и свершений, к созданию в России полных и объективных биографических работ.

¹⁵ Валуева (Мунт) А. П. Нашему юношеству. Рассказы о хороших людях. Веньямин Франклин. 3-е изд. СПб., 1895; Анненская А. Н. Детство и юность Веньямина Франклина. 2-е изд. СПб., 1893.

¹⁶ Феоктистов И. И. Нашему юношеству — рассказы о хороших людях. № 5. Веньямин Франклин // Воспитание и обучение. 1892. № 11. С. 411.

¹⁷ Никольский М. Н. Жизнь знаменитых детей. (Черты из детства великих людей). СПб., 1901. С. 309—327.

¹⁸ Корсунский П. Вениамин Франклин. С портретом. 2-е изд. СПб., 1892.; Валуева (Мунт) А. П. Нашему юношеству. Рассказы о хороших людях. Веньямин Франклин.

¹⁹ Воронова З. Франклин — типограф. СПб., 1934. С. 4.

Перечисленные работы о Вашингтоне и Франклине имели много общего. Эти недорогие издания были рассчитаны на массового читателя, и их тиражи быстро расходились. Большинство работ не претендовало на роль научных исследований, являлось компиляциями, передававшими читателям установки их авторов, сведения о жизни выдающихся лиц и по истории Америки. Общим выступало и то, что работы более ориентировались на подрастающее поколение, несли изрядный заряд из поучений и ярких примеров добродетелей и талантов, которыми Бог наградил лидеров американцев. И эти характеристики следовало познать и усвоить юным россиянам. Но в те же годы российские авторы предпринимали и усилия по изучению жизни и свершений означенных деятелей, шаги по написанию их более полных и достоверных биографий.

Одной из известных работ, охвативших многие аспекты биографии Б. Франклина, оказалось исследование Я. В. Абрамова. Это научно-популярное издание вышло в 1891 г. Ограниченный объем книги не позволил привести все факты, но автор сумел показать, как еще в детстве закладывался духовный потенциал выдающейся личности, указывал на вклад Франклина в развитие США, значение его деяний и примера для демонстрации стойкости духа в наставление современникам и потомкам. Абрамов осветил и религиозную жизнь Америки, место в ней Франклина, показав, что ко времени становления его религиозных убеждений относится и начало общественной деятельности. Недочеты книги не снизили ее значение, и она стала основой монографии В. Н. Владимировой — первой биографической работы о Франклине, подготовленной в советский период.²⁰

В серии биографической библиотеки Ф. Ф. Павленкова в 1898 г. вышла книга В. Чепинского о Вашингтоне. Ее отличали научный стиль и подбор литературы и источников, положенных в основу повествования. В книге встречаются неточности и ошибки, но автор все же смог отследить основные события и этапы на жизненном пути американца, вскрыть факты и обстоятельства, способствовавшие его выдвижению на военном и политическом поприще в годы революционной войны и в последующем. Книга довольно подробна и обстоятельна, и В. Чепинский, высоко оценивая качества и вклад героя в историю США, не сводил все к его восхвалению, а пытался анализировать события. Положительная оценка действий Вашингтона укладывалась в русло традиционного для XIX—начала XX в. историографического подхода. Трактовка Чепинским ряда событий имела определенную ценность, поэтому современники автора и последующие поколения историков выделяли эту работу.²¹ Ее использовали и в СССР — в довоенной историографии, в частности при написании первого советского сочинения биографического плана о Вашингтоне,²² а уже в постсоветской России работу Чепинского (как и работу Абрамова о Франклине) переиздали в 1995 и 1998 гг.²³

²⁰ Абрамов Я. В. Франклин. Его жизнь, общественная и научная деятельность СПб., 1891; Владимиров В. Н. Франклин. М., 1934.

²¹ Чепинский В. Г. Вашингтон, его жизнь, военная и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1898. («Жизнь замечательных людей»). Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

²² Юзефович И. С. Джордж Вашингтон и война за независимость Америки. М., 1941.

²³ Мирабо, Меттерних, Франклин, Вашингтон, Линкольн. Биографические повествования («Жизнь замечательных людей»). Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Т. 14 // Сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева. Челябинск, 1995; 2-е изд. 1998.

Таким образом, знакомство с историографией дореволюционной России показывает, что материалы из жизни выдающихся американцев служили воспитанию читателей, ориентировали их на высокие морально-этические нормы, приверженность законности, духу справедливости, патриотизму, либеральным и демократическим началам. Ведущие позиции в подготовке такой литературы принадлежали либералам и демократам-просветителям, взявшим в свои руки издание дешевых книг по истории, литературе и другим наукам. В то время предпринимались и шаги по созданию более строгой, научной литературы биографического плана. Однако российские авторы не имели возможности непосредственно работать с материалами по истории США, они вынужденно опирались на сочинения зарубежных биографов Вашингтона и Франклина. Поэтому в историографии дореволюционной России подходы к жизни и деяниям «отцов-основателей» американского государства, как правило, обуславливались западными историографическими тенденциями, и их участие в жизни общества трактовалось однозначно. Но рост интереса к достижениям США, развитие американистики в России уже ставили задачу создания полноценных работ по истории этой страны, и историко-биографическое направление выступало все более важной составляющей в развитии исследования ученых-американистов.

А. А. ДМИТРИЕВА

ГОЛЛАНДСКАЯ ЭПИСТОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА XVII ВЕКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЖИВОПИСИ

XVII столетие по праву именуется «золотым веком» голландской живописи. Художники разных жанров обращаются к реалистическому изображению современной им жизни, черпая вдохновение в повседневных, подчас самых обыденных ситуациях и воплощая их с предельной подробностью и вниманием к конкретным деталям. Тесное единство многообразных явлений голландской культуры предопределило развитие специфического сюжетного направления в живописи, посвященного изображению писем. Тема городских интерьеров с персонажами, читающими, пишущими письма или принимающими почту, имела развитие в творчестве многих жанристов, работавших в разные десятилетия XVII в. и неизменно сохранявших интерес к данному мотиву.

Письма были важной частью культуры Голландии. Выдающийся философ и теолог Ян Амос Комениус (1592—1670) считал письмо одним из величайших изобретений цивилизации. Сама возможность общения на бумаге, соединяющая людей, находящихся на далеком расстоянии друг от друга, поражала воображение человека XVII столетия. Истоки быстро расцветшей письменной культуры кроются в литературных новациях эпохи, которые положили основу эпистолярному жанру как литературной традиции. Очагом развития этой традиции стала Франция, где в начале XVII в. письма становятся неотъемлемым атрибутом светской жизни аристократии, признаком утонченности и изысканного вкуса. Основоположителем нового литературного жанра во Франции стал Гуэз де Бальзак (1599—1654), в молодости живший в Голландии. Двадцать семь томов его писем были изданы в Лейдене еще при жизни автора и пользовались огромной популярностью.¹ Мода на эпистолярный жанр вскоре завоевала всю просвещенную Европу.

В Голландии в это время сложился свой очаг гуманистической культуры и просвещения — под Амстердамом, в Мюйдене, где жил писатель и драматург Питер Корнелис Хоофт (1581—1647). Его дом был открыт для всех известных поэтов, писателей и музыкантов. Сам хозяин ежедневно обменивался письма-

¹ См. подробнее: De Briefwisseling van Pieter Corneliszoon Hooft / Ed. Van Tricht H. W. 3 vols. Culemburg, 1976—1979.

ми, безупречными по стилю и глубокими по содержанию, со многими ведущими мыслителями своего времени. В них обсуждались самые разнообразные темы — от вопросов политики и естественных наук до литературы и поэзии. Одним из посетителей мюйденского кружка был секретарь статхаудера Константин Хейгенс (1596—1687). Он являлся поклонником Рембрандта и оказывал ему поддержку в 1630-х гг. Именно ему адресованы самые известные письма великого художника. Письма стали своеобразным атрибутом Хейгенса, что, в частности, подчеркнуто в его портрете, выполненном Томасом де Кейзером (1627 г., Лондон, Национальная галерея), где Хейгенс изображен берущим письмо из рук секретаря. Известно, что за свою жизнь Хейгенс написал около 78 тысяч писем, включая деловую переписку по вопросам государства, политики, дипломатии, а также письма к родным и друзьям.² Ежедневное обращение к семье и друзьям уже было в обыкновении у большинства голландцев того времени.

В английском и голландском языках слово «почта» стало производным от французского «poste» и латинского «posita», обозначавших станционные пункты на больших трактах, предназначенные для перемены лошадей. В начале XVII столетия Генеральные Штаты взяли под свой контроль почту как одну из важнейших государственных служб, особенно необходимую в условиях войны. В такой маленькой стране, как Голландия, почтовое сообщение оказалось налаженным без труда, а внешняя связь развивалась при помощи лучшего во всей Европе голландского флота. Письма, хранившиеся во время перевозки в специальных водонепроницаемых упаковках, доставлялись во многие страны и колонии. Уже в начале XVI в. доставка письма из Брюсселя в Париж занимала от тридцати шести до сорока часов, а из Амстердама в Рим — около десяти дней. В северных провинциях Нидерландов почтовые службы были известны с XII в., но регулярно они начали функционировать только в конце XVI столетия, хотя и не с такой точностью, как во Фландрии и Германии. В 1585 г. в Нидерландах было учреждено министерство почт, возглавленное Максимилианом де Хорнесом. Однако его обязанности состояли в основном в надзоре за работой дипломатического почтового ведомства и связями между представительствами Генеральных Штатов.

Среди муниципальных служб сообщения самыми активными в Северных Нидерландах конца XVI в. считались почты Девентера, Гронингена, Неймегена и Дордрехта, но уже в 1630-х гг. лидерство переходит к Амстердаму и Роттердаму. Впервые факт доставки почты городским курьером из Амстердама в Антверпен упоминается в архивных документах 1568 г. Письма в эти годы передавались только в одном направлении, почтальоны не ждали ответа, и для его пересылки в другой пункт назначения курьера следовало вызывать заново. При большом расстоянии между населенными пунктами посыльные менялись на разных почтовых станциях, но служба доставки работала бесперебойно и случаев длительной задержки писем в ожидании следующего курьера насчитывалось совсем немного. Права и обязанности курьеров также отличались в разных городах. Например, в Мидделбурге все письма доставлялись на городскую почту, откуда на конечные пункты их разносил местный почтальон — «bestelmeester», в то время как в Амстердаме и Дордрехте существовало пря-

² Sutton P., Vergara L. Love letters: Dutch genre paintings in the age of Vermeer. London, 2003. P. 14—15.

мое почтовое сообщение и междугородный курьер доставлял почту непосредственно адресату. Купеческие гильдии и крупные коммерческие компании имели своих специальных курьеров.

Быстрый рост частной переписки требовал увеличения числа посыльных, поэтому в наиболее развитых провинциях западной части Нидерландов появилась градация курьеров на почтмейстеров — «postmeester» и младших почтмейстеров или помощников курьеров, — «knechten», которые сопровождали почтмейстеров в длительных поездках и выполняли мелкие поручения. Однако их работа не всегда славилась безупречностью. В XVII в. суды были переполнены жалобами на таких «наймитов», позволявших себе порой дерзкие поступки, наносившие ущерб системе почтовых служб. Известен иск 1642 г., выдвинутый против некоего почтмейстера, осуществлявшего доставку корреспонденции по маршруту Амстердам—Кельн, который в одну из поездок отправил вместо себя своего помощника, однако не предоставил ему необходимых для найма лошадей средств и вынудил его проделать большую часть пути пешком. В результате доставка почты произошла с существенной задержкой.³ Тем не менее доходы государства от внедрения новых курьерских маршрутов постоянно росли и превосходили упомянутые иски по их использованию. Еще больше они увеличились после предоставления почтмейстерам права изъятия попутной на маршруте корреспонденции, которая направлялась в тот же пункт. Маленькие города первой трети — середины XVII в. имели только одного почтмейстера, их число в крупных центрах зависело от количества населения. В Амстердаме на период 1640—1650-х гг. работали шесть почтмейстеров, в Дордрехте — четыре, а в аристократической Гааге, имевшей обширную переписку, функционировали семь курьеров. Работа почтмейстеров была трудна, но востребована, поэтому пользовалась почетом и высоко оплачивалась, а со временем превратилась в наследственную профессию. В Амстердаме двое почтмейстеров Виллем и Геррит Мунтер были братьями, а в Делфте известен факт, когда целая династия служила в почтовом ведомстве (Ламберт Твент и четверо его сыновей).⁴ В портрете кисти М. де ла Корта (1695 г., Гаага, Почтовый музей) они изображены с атрибутами своей деятельности — связками писем, гусиными перьями и курьерской сумкой.

Каретное почтовое сообщение пришло в Нидерланды позже большинства других стран Западной Европы, лишь в 1642 г. Королевское министерство почт открыло маршруты из Рурмонда в Неймеген и из Утрехта в Амстердам, предназначенные для каретных перевозок. В 1649 г. служащий почтового ведомства Хендрик Якобс ван дер Хейде получил от правительства кредит на создание ряда маршрутов в южных провинциях и на учреждение международных маршрутов из Голландии в Германию и Англию. После заключения в 1648 г. Мюнстерского мира в стране началась частичная демобилизация, и к курьерским работам стали привлекаться солдаты кавалерии, первоначально доставлявшие срочные государственные депеши, а с конца XVII столетия взявшие на себя и частную переписку. В районах бывших польдеров, богатых реками и каналами, а также в островной части Нидерландов для перевозки почты применяли буксиры и баржи, по воде преодолевавшие необходимое расстоя-

³ *Overvoorde J.* Geschiedenis van het postwezen in Nederlanden voor 1795. Leiden, 1902. Blz. 81.

⁴ *Ibid.* Blz. 87.

ние гораздо быстрее. Пример изображения такой транспортировки демонстрирует гравюра Яна ван ден Велде «Весенний пейзаж с грузовым буксиром на реке» (1617 г., Амстердам, Рейксмузеум, Кабинет гравюр).

Армия имела свою особенную систему коммуникации, с 1629 г. попавшую под контроль Королевского министерства почт. Полевая почта осуществляла доставку военных депеш и использовала в ряде случаев специально обученных и вооруженных курьеров для выполнения секретных заданий. В воинские части почта перевозилась трубачами, атрибутом которых являлся полевой горн.⁵ Этот духовой музыкальный инструмент применялся в боевых ситуациях для подачи сигнала кавалерии, а в мирное время использовался для побудки солдат, их быстрого построения. С середины XVII в. с помощью такого горна трубачи-почтальоны оповещали о прибытии почты. Подобных трубачей можно увидеть в восьми картинах Герарда Терборха на тему письма и по меньшей мере в трех произведениях Яна Верколье. Композиция Верколье «Посыльный» (1672 г., Гаага, Маурицхейс) изображает даму в компании офицера, приятное времяпрепровождение которых прервано появлением трубача с горном за спиной, который передает офицеру письмо, вероятно депешу из воинской части. Трубоч одет в сине-белый полосатый мундир, однако до XVIII в. военная форма не была стандартизирована, поэтому на картинах других художников с изображением горнистов можно встретить различные ее варианты. Экипировка служащих муниципальных почт была более типизированной. Уже на самой первой городской почте, созданной в Мариенбурге в 1276 г., вводилась синяя форменная одежда, выполненная в «английском стиле».⁶ Первые посыльные эпохи позднего средневековья носили серебряные футляры для хранения писем — «*bodebus*», а на одежду нашивали эмблему с гербом города, в котором они работали. Со временем тяжелые и неудобные металлические коробки были вытеснены кожаными футлярами для перевозки внутригородской почты. Сбоку к ним пристегивались вместительные отделения, предназначенные для внешней почты, направлявшейся в другие населенные пункты.⁷

Для гражданских посыльных единой униформы не существовало до конца XVII столетия, единственной общей деталью одежды являлось наличие форменной фуражки и длинного синего жакета, как это видно из полотна Питера де Хоха «Почтальон, вручающий письмо молодой даме» (около 1665 г., Гамбург, Кунстхалле). Красно-оранжевые манжеты на рукавах, золотые пуговицы и белый шелковый шарф нарядно дополняют его костюм, создавая эффект элегантности и лоска, зачастую не свойственные представителям подобного рода профессии. В сельских районах почтальоны носили, как правило, обычную повседневную одежду, не делая исключения для служебных ситуаций. Но и горнисты в военных мундирах, и городские почтмейстеры не могли удовлетворить запросы всего населения, активность которого в письменном общении год от года неуклонно росла. Для передачи частной корреспонденции, предназначенной близким родственникам или друзьям, проживавшим в одном городе с отправителем письма, прибегали к помощи слуг, нанимали частных курьеров и даже расторопных подмастерьев. Картина лейденского жанриста Квирина ван Брекенкампа «Мужчина, читающий письмо, и мальчик-по-

⁵ Ibid. Blz. 72.

⁶ Ibid. Blz. 16.

⁷ Ibid. Blz. 9.

сылный» (1661 г., Гамбург, Кунстхалле) изображает юного слугу, ожидающего ответ на доставленное письмо. Такие курьеры не были профессионалами, а чаще всего просто выполняли поручения своих хозяев, в их функции входила не только передача писем, но, в зависимости от желания отправителей, и доставка ответного послания.

Одновременно причиной и следствием быстрого вхождения писем в жизнь голландцев стало повышение уровня грамотности в стране. Он был высоким по сравнению с другими странами еще в конце XVI в. В 1630-х гг. каждый второй житель Амстердама умел подписать свое имя в брачном договоре. При этом грамотных женщин было меньше в процентном соотношении, чем мужчин, — сказывалась разница в образовании, которое для девочек было менее обязательным и строгим, чем для мальчиков. Однако уже в середине XVII столетия уроки письма, каллиграфии становятся основой образования в Голландии независимо от половой принадлежности. Более того, девушкам давались отдельные уроки, где их серьезно обучали навыкам эпистолярного жанра. Умение правильно составлять письма было не менее важным качеством женщины, чем ее способность быть хорошей хозяйкой. В Голландии издавались специальные учебники и руководства по написанию писем. Они содержали образцы на все случаи жизни — будь то деловая переписка, приглашение, выражение соболезнования и, конечно, любовное послание. В особо торжественных или сложных случаях обращались за помощью к профессиональным писателям, которые лучше разбирались в ритуале письма, были более искусны в использовании пословиц, афоризмов, научных и философских сентенций. За период с 1548 по 1800 г. в Голландии было опубликовано 19 справочников различного характера, посвященных теории эпистолярного жанра. Они прошли 79 изданий, однако это не рекордное число: в Англии за те же годы на свет появилось более 230 руководств аналогичного содержания. Подобные руководства представляли книжки карманного формата, которые было удобно носить с собой и даже брать в длительные путешествия. В них не только содержались практические советы по ведению переписки, но и излагались правила этикета, с приложением примеров сентенций, уместных для употребления в затруднительных жизненных ситуациях.

Ведение частной переписки из моды превращается в насущную потребность. В Голландии — морской державе — почти десять процентов мужского населения большую часть времени проводили в путешествиях вдали от дома. Единственной связью с домом служила почта, поэтому неудивительно, что к концу века голландская почтовая система превратилась в наиболее развитую и мобильную во всей северо-западной части Европы. Даже в самом скромном доме обязательно стоял столик для письма с необходимыми письменными принадлежностями: гусяными перьями, тростниковыми перьевыми ручками и запасом тонкой дорогой бумаги, которую производили на мануфактурах в Заандаме и Гелдерсе. Конверты, как правило, запечатывались восковыми печатями красного, зеленого, желтого или белого цветов. Послания романтического характера нередко сопровождалась цветами. Чернила также могли быть разноцветными. Преобладали черные, коричневые и красные, но в 1680-х гг. в моду вошли зеленые и даже невидимые бесцветные чернила, скрывавшие от посторонних глаз секретную информацию.⁸

⁸ *Schotel G.* Het Maatschappelijk Leven onzer vaderen in de zeventiende eeuw. Arnem, 1905. Blz. 251.

Все эти мотивы и подробности можно встретить во многих жанровых картинах голландских живописцев XVII в. И дело здесь не только в моде. Образ пишущего или читающего письмо персонажа был чрезвычайно привлекателен для художников, так как позволял им создать выразительную композицию и одновременно раскрыть внутренний мир своих героев, показать их в момент погруженности в себя. Такой образ идеально соответствовал спокойной, сдержанной и интимной атмосфере небольших по формату картин камерного городского жанра.

У истоков мотива письма стояли распространенные в живописи XV—XVI вв. сцены чтения Священного Писания, имеющие давнюю иконографическую традицию. В XVI столетии чтение символизирует уже не только общение с внутренним, духовным миром, но и связь с миром внешним. Особенно выразительно это проявляется в изображениях купцов и менял, атрибутами которых становятся перо, документ или записка. Впоследствии сюжеты с письмами приобретают прямую отсылку к эмблематике, в соответствии с которой они трактуются чаще всего в любовном контексте. «Любовь вдохновляет мое перо», — гласит девиз к эмблеме Яна Харменса Крула, изображающей женщину за написанием письма и Купидона, вручающего ей другое послание.⁹ Мотив письма мог иметь и негативный смысл. Как и зеркало, драгоценности, книги, он фигурировал в натюрмортах и связывался с темой бренности земных удовольствий.

Одним из первых представителей бытового жанра, обратившихся в своем творчестве к изображению письма, стал Дирк Халс (1591—1656), создавший два типа композиций на данную тему. К первой группе относятся сюжеты драматического характера, в которых чтение письма прерывает спокойное течение жизни, вызывая у его получательниц (это всегда женщины) эмоциональную реакцию. В других произведениях чтение или написание письма, наоборот, олицетворяют мирный и спокойный досуг, отдых от домашних дел, право человека на частную жизнь.

Примером первого сюжетного направления служит картина «Дама, рвущая письмо» (1631 г., Майнц, Краеведческий музей). Это первое датированное произведение голландской живописи на тему письма, хотя ряд полотен Халса, возможно, создавался в более ранние годы. На картине представлена богато одетая дама, в негодовании рвущая листок с письмом, конверт от которого брошен на пол. Просторный, почти пустой интерьер освещен дневным светом, проникающим в комнату из окна слева. На стене висит пейзаж в простой раме, изображающий штормящее море. Другая картина Халса того же периода «Дама с письмом» (1630-е гг., Женева, собрание Roy) сходна по замыслу с работой из Майнца. Ее композиция повторяет построение полотна 1631 г., фигура также смещена по направлению к центру картины. Но сюжет здесь иной. Дама опустила в кресло, облокотившись о край стола и безвольно откинув руку с только что прочитанным письмом. Героиня задумчиво смотрит вдаль, рассеянно сбросив туфель с ноги. Ее мечтательность, вероятно, вызвана раздумьями об отправителе письма.

Обе картины соотносятся с эмблематической традицией, связывавшей письма с любовными чувствами. В первом случае морской пейзаж может намекать на сложные любовные взаимоотношения. В стихах к эмблеме Яна Хар-

⁹ Sutton P., Vergara L. Love letters... P. 92.

менса Крула, изображавшего влюбленного стоящим на носу корабля, которым управляет Купидон, любовь сравнивалась с изменчивым морем.

Халсу принадлежат две ночные сцены, в которых молодые женщины читают письма при свече. Героини этих картин наслаждаются тихими часами досуга, когда, оставшись наедине с собой, они могут полностью посвятить себя чтению или другому занятию. Такая же атмосфера уюта, интимности присутствует и в картинах художника на другие «домашние» сюжеты, например в «Женщине, вышивающей при свече» (1630-е гг., Дублин, Национальная галерея Ирландии) или в «Женщине с ребенком при свече» (1633 г., Германия, собрание Шклосс).

Продолжателями сюжетного направления, разработанного Дирком Халсом, стал амстердамский мастер Питер Кодде (1599—1678). В созданной около 1630 г. картине Кодде «Дама с письмом, сидящая за верджиалем» из частного собрания в Бостоне тема письма впервые совмещается с популярной в жанровой живописи темой музыки. Главная героиня показана со спины, ее лицо скрыто от зрителя, но низко наклоненная голова и безвольно опущенная рука с письмом создают ощущение тяжелого раздумья или отчаяния. Стоящие рядом музыкальные инструменты — верджиаль и виола да гамба, на которую дама повесила темную вуаль, напоминают о сценах музыкального дуэта, символизирующих союз любящих сердец. Здесь у дамы нет партнера для музицирования, а полученное письмо, возможно, разбило последнюю надежду на обретение гармонии в любовных отношениях. Мрачный оттенок сцены усиливается глубокой тенью, лежащей на стене слева, которая контрастирует с освещенным соседним участком фона. Необычным для голландских интерьерных сюжетов является ракурс, выбранный Кодде в данном произведении, при котором художник размещает сцену в углу комнаты, показывая элементы композиции в резком перспективном удалении по направлению к месту углового соединения двух стен. Судя по многочисленным копиям, эта работа Кодде была хорошо известна его голландским современникам. Еще более трагический подтекст обретает сходная по композиции картина Кодде «Дама с письмом, сидящая за столом» (1630/1635 г., Женева, собрание Роу). Неподвижная поза героини, мрачный колорит — все наводит на мысль о неожиданной беде, пришедшей в дом вместе с посланием.

Интересно, что Питер Кодде был не только художником, но и поэтом, членом литературных кружков Амстердама. Его обращение к теме письма в живописи в начале 1630-х гг. совпадает со временем его активного литературного творчества. Как литератор Кодде прекрасно осознавал силу слов, воздействующих на человеческие чувства, и это помогает понять ту повышенную эмоциональность, которую сообщает мастер теме письма: в сдержанных позах его персонажей кроются глубочайшие переживания.

Художником, сделавшим мотив письма одним из центральных в своем творчестве, стал Герард Терборх (1617—1681), в 1650-е гг. написавший шестнадцать картин на эту тему и выступивший в данной области настоящим новатором. Его первые изображения писем относятся к циклу сцен в караульнях, частыми персонажами в них являются сидящий за столом и пишущий письмо офицер и стоящий рядом в ожидании трубач, выступающий в качестве посыльного. Одна из таких картин — «Неурочные вести» (1653 г., Гаага, Маурицхейс), отличающаяся от большинства аналогичных сюжетов первой трети столетия изображением исключительно мужских персонажей. Вскоре Терборх

создает свою первую композицию с женской моделью. Его «Девушка, пишущая письмо» (1655 г., Гаага, Маурицхейс) — самое раннее из известных в настоящее время произведений подобного рода. В картине Терборха молодая дама, изображенная в профиль, сидит за столом, с которого убран в сторону ковер, перед ней стоит серебряный прибор для письма, в руке героиня держит гусиное перо. Если присмотреться внимательнее и изучить строчки письма на листке, то станет очевидным, что девушка не создает новое послание, а исправляет написанное, корректирует текст уже составленного письма. Такое внимание художника к передаче сюжетного мотива придает замечательную достоверность изображенной ситуации — так же бережно относится к тексту и героиня картины. За спиной девушки виднеется высокий полог кровати, дальний план погружен в сумрак. Эти детали недвусмысленно намекают на эротический характер письма. Однако кровать здесь может выступать и вполне естественным предметом мебели (до последней четверти XVII в. не было отдельных спален и кровати нередко стояли в гостиных и кабинетах). Впоследствии этот мотив, как и сама сцена с письмом, открытая Терборхом, будет часто использоваться другими жанристами.

Терборх продолжает работать над развитием темы письма в сюжетах с изображением «кордегардий», и здесь также выступив основоположником новой композиционной схемы парных картин. В этот период из его произведений с офицерами, пишущими и читающими письма, окончательно исчезают анекдотизм и гротеск, персонажи приобретают благородство и достоинство, а композиции простоту и монументальность. Так, показывая обстановку в картинах «Офицер, читающий письмо, и трубач» (1657/1658 г., Дрезден, Картинная галерея) и «Офицер, пишущий письмо» (1657/1658 г., Варшава, Национальный музей), художник ограничивается изображением стола, за которым сидит один из офицеров. У его ног расположилась охотничья собака. Рядом возвышается фигура трубача-посыльного. Остальная часть обеих картин представляет темный фон. В другом полотне «Офицер, пишущий письмо» (1678/1659 г., Филадельфия, Музей искусства) сюжет остается тем же: показаны два персонажа, из которых один занят составлением письма, однако меняются композиция и подход к теме. Фигуры представлены в домашнем интерьере, с камином, кроватью и столом, покрытым красной скатертью. На полу лежит игральная карта — туз червей, намекающая на роковую встречу, скорее всего любовного характера.

В подобных сценах особое значение приобретает фигура солдата-посыльного. Известно, что военные гонимцы часто брались доставлять частные письма наряду с депешами и приказами. Таким образом, они осуществляли связь через письма с миром домашнего уюта и светского общества. Этот мир предстает перед нами на картине Терборха «Дама со служанкой, заклеивающая конверт» (1658/1659 г., Нью-Йорк, частное собрание). Среди других воплощений темы письма у Терборха можно встретить композиции с женщинами, читающими письма и одновременно пьющими вино из бокала, а нередко даже отказывающимися принять письмо от посыльного. В картине «Письмо» (около 1665 г., Мюнхен, Старая пинакотека) молодой почтальон услужливо протягивает девушке запечатанный конверт, который она, однако, отвергает. Балдахин кровати и сидящая на табурете собачка свидетельствуют о любовном содержании письма, а сам почтальон своим юным возрастом наводит на ассоциации с Купидоном — посланником любовных вестей.

Совсем иной облик имеет пожилой почтальон из похожей по построению композиции Терборха «Деревенский почтарь» (1657/1659 г., Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж), уже вручивший письмо женщине, которая его читает с предельным вниманием. По справедливому замечанию Ю. И. Кузнецова, эрмитажное полотно является одним из немногих исключений в галерее светских образов Терборха, демонстрирующим зрителю простонародный типаж главного персонажа: «Старик-посыльный, сняв шапку, остановился у открытой двери. Он доставил письмо и терпеливо ожидает ответ... Картина могла бы принадлежать к лучшим полотнам в наследии художника, если бы полог постели и скатерть на столе не были позже грубо переписаны красной краской, нарушающей гармоничный колорит».¹⁰

После переезда в Девентер и женитьбе на представительнице местной знати Терборх переключает внимание на более изысканные сцены из жизни аристократии. Но и в них главные героини, теперь уже представительницы высшего света, также подвержены волнениям и переживаниям, связанным с любовной перепиской. Они обсуждают письма в тесном кругу своих приятельниц или родственников, как в картине «Получение письма» (около 1680 г., Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж) или «Девушка, читающая письмо» (после 1660 г., Лондон, Букингемский Дворец). Расширяя круг персонажей, Терборх делает письмо объектом публичного обсуждения, тем самым лишая свои композиции на данную тему интимности и лиричности.

Творчество Терборха, тематика и стилистика его сюжетов оказали влияние на многих жанристов, как его современников, так и художников следующего поколения, в частности Габриэля Метсю (1629—1667) и Михеля ван Мюшера (1645—1705). Картина Мюшера «Дама, читающая письмо, и юный слуга» (1670 г., Лондон, собрание Томаса Эндрю) повторяет ряд деталей, характерных для полотен Терборха. Облик женщины в оранжевом платье напоминает героиню Терборха, неглубокое пространство помещения и малочисленная мебель, среди которой выделяется массивный стол с ковровой скатертью, также восходят к его композициям. Девушка, читающая письмо, в картине Мюшера настолько погружена в свое занятие, что отвлеклась от своих непосредственных обязанностей хозяйки дома: перед ней лежит бархатная подушечка для вышивания, у стола стоит бельевая корзина со смятым полотенцем. Очевидно, незадолго до получения письма героиня была занята составлением другого послания, так как на столе стоит чернильница с открытой крышкой, а рядом лежат бумажный лист и гусиное перо.

Излюбленной тему письма сделал в своем творчестве Габриэл Метсю, применявший в подобных сюжетах тонкую манеру исполнения, изысканные цветовые сочетания, утонченность и рафинированность образов. Он развил открытый Терборхом прием парных картин, объединенных мотивом письма. Одна из таких пар, возможно, представляет собой автопортрет мастера и портрет его невесты, выполненные перед свадьбой. Но наивысшими достижениями Метсю в теме письма, безусловно, следует считать картины «Молодой человек, пишущий письмо» (1665/1667 г., Дублин, Национальная галерея Ирландии) и «Женщина, читающая письмо, и ее служанка» (1665/1667 г., Дублин, Национальная галерея Ирландии). В первом произведении мужчина, занятый

¹⁰ Кузнецов Ю. И. Голландская живопись XVII—XVIII веков в Эрмитаже. Очерк-путеводитель. Л., 1979. С. 61.

составлением письма, сидит у открытого окна, раскрытый ставень которого отбрасывает тень на стену за его спиной. Юноша представлен в сложной позе: его фигура низко склонилась над столом, лицо и торс обращены влево, ноги — фронтально к первому плану. Стул отодвинут от края красной скатерти и также развернут на зрителя. Молодой герой полон глубокой сосредоточенности и некоторой взволнованности, усиленной романтическим по настроению пейзажем в позолоченной раме. За створкой окна на затененном участке стены можно проследить очертания еще двух картин, а также стоящего на столе глобуса.

В картине «Женщина, читающая письмо, и ее служанка» молодая дама, сидящая у окна, погружена в чтение письма, которое, по-видимому, сильно ее взволновало, так что с ее пальца упал и скатился на пол наперсток. Рядом стоит служанка, держащая в левой руке конверт, а другой рукой приподнимающая занавеску, которая закрывает морской пейзаж. В голландской эмблематике данный мотив трактовался как «излишнее любопытство», а в произведении Метсю он служит намеком на то, что вездесущая служанка уже ознакомилась с содержанием письма.¹¹ Такие характерные для бытового жанра детали, как штормящее море на картине, собака у ног хозяйки, корзина с бельем, а также разбросанные по полу домашние туфли, символизируют любовные переживания героини. Метсю удалось объединить обе картины светлым настроением и сделать их чрезвычайно богатыми по содержанию.

Ян Вермеер Делфтский (1632—1675) посвятил теме письма шесть своих полотен, созданных на разных этапах творчества. Одним из лучших примеров реализации этого мотива в творчестве Вермеера и его вершиной в голландском бытовом жанре стала картина «Девушка с письмом у открытого окна» (1657 г., Дрезден, Картинная галерея). Доверительно отодвинутая в сторону портьера открывает глазам уединенный уголок голландского дома и главную героиню, погруженную в чтение письма. Она стоит в профиль к зрителю перед широко распахнутым окном, из которого льется солнечный свет. В неровном стекле окна отражается ее лицо. Застывшая фигурка девушки смотрится одинокой и хрупкой, несколько затерянной среди предметов обстановки, окруживших ее почти вплотную. От зрителя ее отгораживает массивный стол, покрытый узорным ковром. На нем наклонно лежит фаянсовое блюдо, с которого скатываются фрукты. Рентгеновский анализ картины показал, что в процессе работы мастер внес существенные изменения в композицию. Лицо девушки было повернуто чуть в сторону от зрителя, и первоначальный ракурс больше соответствовал углу, под которым отражалось лицо героини в стекле — почти анфас. Рукав платья и кисть руки были расположены левее, чем в окончательном варианте.¹² При всей неподвижности и внешне невозмутимой сосредоточенности в позе девушки и жесте ее рук чувствуется некоторое эмоциональное напряжение. Ее губы чуть приоткрыты, словно она проговаривает про себя текст письма. Она чуть наклонила голову и опустила взгляд, держа лист бумаги очень низко и далеко от глаз. Чтение приближается к концу. Края листка смяты пальцами, их волнообразный силуэт хранит память о движении и вносит некую динамику в неподвижную позу девушки.

Основное внимание художник уделяет не повествовательной стороне, а визуальному и эмоциональному восприятию сцены. Как отмечал Андре Маль-

¹¹ *Arasse D. Vermeers Ambition. Dresden, 1996. S. 70—71.*

¹² *Уилко А. Ян Вермеер Делфтский. СПб., 1994. С. 58.*

ро, у Вермеера «сюжет картины стал предметом видения».¹³ В дрезденской картине важнейшей задачей для художника стала передача вещественного начала, чувственного, почти осязательного восприятия мира. Неповторимую атмосферу в данном произведении создают эффекты освещения, которые Вермеер использует с непревзойденным мастерством. Это первая композиция, в которой мастер дает образ распахнутого окна, в дальнейшем неоднократно повторенный в его бытовых сюжетах. В дрезденской работе Вермеер также впервые разрабатывает световоздушную среду и конкретизирует в изображении окна источник света. Дневной свет наполняет жизнью картину, одухотворяет предметы, объединяя в гармоничное созвучие все ее вещественные элементы, делая каждый предмет сопричастным к передаче образного содержания и поэтического настроения представленного действия.

Ярче всего освещены лицо девушки и письмо в ее руках, разные по интенсивности световые блики вторгаются в полумрак комнаты и «расцветчивают» композицию, заставляя каждый цвет играть множеством оттенков. Колорит построен на редком для голландских художников сочетании красного и золотисто-зеленого цветов, перекликающихся в изображении двух занавесей (на переднем плане и над окном) и смешивающихся в рисунке скатерти и коже спелых фруктов. Пространство в картине кажется глубоким за счет контраста между массивным столом на переднем плане и маленьким силуэтом героини. Фигура девушки помещена ровно на центральной оси картины, пространство вокруг нее строится на последовательном чередовании планов: ближе к зрителю находится зеленая портьера, обозначающая одновременно и границу живописного слоя. Далее следует стол, за ним — створки окна, между которыми находится героиня. Наконец, дальний план картины представляет фоновая стена. Это один из немногих примеров в голландском интерьерном жанре, когда гладкая стена, лишённая декора, несет лишь фоновую нагрузку. Она служит сценой для игры света и воздуха, солнечных лучей и теней.

Расположение предметов в полотне «Девушка с письмом у открытого окна» подчеркивает строгость и статичность композиции. В то же время Вермеер не стремится выстроить в ней классическую перспективу, которую нарушают загораживающий левый угол стул и открытый оконный ставень, а справа — зеленая портьера. Фокусом картины становится голова героини, а точка схода линий остается недоступной зрителю, как и вид из окна, намеренно оставленный за границами картины. Такое пространственное построение усиливает атмосферу уединенности, изолированности от внешнего мира.

Стоящий в левом углу стул с украшающими спинку львиными головами, являющийся постоянным предметом обстановки вермееровских картин, как всегда, пустует, напоминая о ком-то за пределами этого маленького интерьера, вероятно об отправителе письма. О нем напоминает и натюрморт на столе. Он выглядит совершенно естественным, мастерски воспроизведенным с натуры. Однако и для него характерны тщательная организация и продуманность расположения предметов. Как и многие художники того времени, даже в деталях Вермеер следует определенной традиции, ориентируется на работы других contemporaneous ему мастеров. Натюрморт в дрезденской картине, первоначально включавший не только блюдо с фруктами, но и бокал-румер, имеет иконографических предшественников. Его близкий прототип представляет произведе-

¹³ Шнейдер Н. Вермеер. Кельн, 2004. С. 88.

ние делфтского живописца Гиллиса де Берга «Натюрморт с фруктами на блюде и румером» (начало 1630-х гг., Делфт, Городской музей), имеющий очень похожую композицию, но в зеркальном варианте. Сведений о знакомстве Вермеера с картинами де Берга установить не удалось, однако нельзя исключить вероятность того, что Вермеер знал его творчество благодаря принадлежности обоих мастеров делфтской художественной гильдии. Однако были возможны и другие источники, вдохновившие Вермеера, так как подобные блюда с фруктами являлись распространенными элементами натюрмортов XVII в. К ним неоднократно обращался, например, Виллем Калф, как это видно в его «Десерте» (1659 г., Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж).

В число важнейших композиционных мотивов картины входит мотив зеркального отражения, впервые именно в данном произведении осуществленный Вермеером в функциональном качестве. Изображение зеркала появляется на дальнем плане в картине «Спящая девушка» (около 1657 г., Нью-Йорк, Музей Метрополитен), погруженное в тень и не принимающее активного участия в выявлении символических аспектов сюжета. Однако чтобы ввести в картину мотив зеркала с присущим ему семантическим значением, не обязательно было показывать саму его отражающую поверхность. У Вермеера и других contemporaneous ему художников маленькие зеркала в широких деревянных рамках часто появляются висящими на боковых стенах интерьера как второстепенная, но постоянная и естественная деталь его декора. По мнению Е. И. Ротенберга, в «Девушке с письмом у открытого окна» отражение используется как «прием сдвоенного зрительного эха»: женский образ отражается в следующем сразу за героиней плановом участке с оконным стеклом, которое в свою очередь отбрасывает тень на стену — самый дальний план. Такой прием не продолжает перспективу вглубь, но, напротив, как эхо, возвращает взгляд зрителя от стены к фигуре девушки. Именно в этом центре сходятся все линии композиционной и смысловой структуры произведения. Образ героини объединяет два главных смысловых мотива — письмо и отражение. Письмо недоступно для зрителя, но является символом непостижимой внутренней жизни, неподвластной никакому вторжению. В таком качестве образ письма идеально сочетается с отражением, которое выражает сосредоточенность и непознаваемую сущность персонажа. Можно сделать вывод, что портьера на переднем плане, письмо в руках героини и мотив отражения служат одной и той же цели — выявлять скрытое от наших глаз и одновременно скрывать от них слишком явное и очевидное. Каждый из этих элементов композиции усиливает действие остальных, «тайна одного явления увеличивает тайну другого».¹⁴

В конце XVII в. тема письма остается привлекательной для голландских жанристов, которые стараются ориентироваться на достижения в этой области Герарда Терборха, Вермеера и Габриэля Метсю. Но вскоре обаяние их глубоко содержательных камерных образов заменяет тенденция к повествовательности, внимание к внешней стороне сюжета. Николас Верколье, сын делфтского художника Йоханнеса Верколье (1650—1693), создал несколько похожих друг на друга ночных сцен «в окне»: дама, держа в руке письмо, выглядывает из оконного проема со свечой, пытаясь рассмотреть того, кто доставил ей почту. В подобных картинах конца XVII столетия мотив чтения письма все чаще со-

¹⁴ Ротенберг Е. И. Западноевропейская живопись XVII века. Тематические принципы. М., 1989. С. 260.

вмещается со сценами светских развлечений, например игры в трик-трак в произведении Верколье «Получение письма» (1674 г., Гаага, Маурицхейс). Внимание художника приковано к внешней репрезентации, в то время как сам мотив письма, открывавший в картинах первой половины—середины XVII в. остроту человеческих чувств и глубину переживаний, теперь отступает на второй план.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что голландская эпистолярная культура выступила в тесном взаимодействии с изобразительным искусством 1630—1660-х гг. Именно тогда создаются лучшие работы художников бытового жанра на тему письма, наполненные смысловой недоговоренностью и контекстуальной сложностью. Стремясь скрыть от зрителя все перипетии переписки своих персонажей, живописец делает ее еще более заманчивой и привлекательной, побуждающей к разгадке. Вслед за ним мы невольно вторгаемся в тайный мир пишущих и читающих женщин, для которых письма становятся событием, нарушающим привычное, размеренное течение их жизни. Это вторжение приподнимает завесу над тайным содержанием происходящего действия, но при этом действие становится еще более притягательным и загадочным.

Е. Б. МАРОВА

НЕМЕЦКИЙ СОНЕТ XVII СТОЛЕТИЯ
(К вопросу enjambements в немецком сонете)

Литература Германии XVII в. периода барокко долгое время оставалась неизученной. В XVIII и XIX столетиях поэты и ученые считали ее слишком манерной, перенасыщенной тропами и фигурами, подчас даже лишенной глубокого философского смысла, на что были, разумеется, основания. Лишь некоторые поэты удостоились чести быть опубликованными в конце XIX столетия. К числу этих немногих относятся А. Грифиус и П. Флеминг. Seriously стали изучать творчество поэтов периода барокко лишь в XX столетии. Большинство трудов, посвященных произведениям этого времени, литературоведческие, например работы Х. Пюритца,¹ М. Широки,² М. А. Заездной,³ Д. Гутцена.⁴

Лингвисты крайне редко изучали поэзию XVII в., нам известна лишь одна работа немецкого ученого Ф. В. Венцлаффа-Эггеберта.⁵

Настоящая работа посвящена исследованию стиховых переносов в сонетах периода барокко. В общей сложности были проанализированы 172 сонета, из них 56 сонетов Грифиуса⁶ и 116 сонетов Флеминга⁷ (в данной статье сохраняется устаревшая немецкая орфография XVII в.).

Сонет — один из наиболее распространенных жанров периода барокко. Эти стихотворения представляли собой строго регламентированные произведения твердой формы, на это указывал в своей работе еще Н. Буало:

Вот, кстати, говорят, что этот бог коварный
В тот день, когда он был на стихоплетов зол,
Законы строгие сонета изобрел.

¹ *Pyritz H.* Paul Flemings deutsche Liebeslyrik. Zur Geschichte des Petrarkismus. Göttingen, 1932. (Palaestra 180).

² *Szyrocki M.* Die deutsche Literatur des Barock. Eine Einführung. Stuttgart, 1968.

³ *Заездная М.* Сонеты А. Грифиуса. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л., 1972.

⁴ *Gutzen D.* Lyrik des 17. Jhts. Hagen, 1992.

⁵ *Wentzlaff-Eggebert F.-W.* Dichtung und Sprache des jungen Gryphius. Die Überwindung der lateinischen Tradition und die Entwicklung zum deutschen Spiel. Berlin, 1936.

⁶ *Gryphius A.* Werke in einem Band. Weimar, 1965.

⁷ *Fleming P.* Deutsche Gedichte. Stuttgart, 1965.

Вначале, молвил он, должно быть два катрена;
 Соединяют их две рифмы неизменно;
 Двумя терцетами кончается Сонет:
 Мысль завершённую хранит любой терцет.
 В Сонете Аполлон завел порядок строгий:
 Он указал размер и сосчитал все слоги,
 В нем повторять слова поэтам запретил
 И, бледный, вялый стих сурово осудил.
 Теперь гордится он работой не напрасной:
 Поэму в сотни строк затмит
 Сонет прекрасный.
 Но тщетно трудятся поэты много лет:
 Сонетов множество, а феникса все нет.⁸

Как видно из этой выдержки, повторение слов было запрещено в сонете, этому правилу Грифиус и Флеминг не следовали. Синтаксический параллелизм не был запрещен, и он весьма распространен в сонетах.

«Поэтическое искусство» подвело итог развития поэзии в период классицизма и барокко, обобщило все законы, следовать которым старались поэты XVII в. О некоторых из этих законов упоминал немецкий теоретик поэтики М. Опитц: сонет должен быть написан александрийским стихом, быть насыщен метафорами, антитезами и эпитетами.⁹ Этим правилам почти неотступно следовали Грифиус и Флеминг.

В литературе по поэтике обычно выделяют три вида сонетов:

1) итальянский, самый древний (его особенность состоит в том, что он имеет следующее строение: тезу — I катрен, антитезу — II катрен (вместе представляющие собой *Aufgesang*), синтез — I и II терцеты (*Abgesang*));¹⁰

2) французский сонет (в нем противопоставляются друг другу не катрены, а полустишия и стихи);¹¹

3) английский сонет (состоящий из трех катренов и заканчивающийся двустушием — «замком», катрены противопоставляются друг другу, а в «замке» следует вывод).

Грифиус и Флеминг создавали французский сонет; причем очень большое место в их творчестве занимает перечислительный сонет (*das enumerative Sonett*), в котором перечисляются все признаки предмета или явления, что способствует созданию полной картины.¹²

Французский сонет характеризуется следующими особенностями:

1) сонет писался александрийским стихом (шестистопным ямбом), с обязательной цезурой после третьей стопы;

2) сонету была присуща следующая рифмовка: катрены характеризовались кольцевой рифмой (*abba, abba*), в терцетах первые две строки рифмовались попарно, третьи строки — между собой (*ccd, eed*).

Некоторые сонеты были написаны хореем и дактилем, но они крайне редки в творчестве Грифиуса и Флеминга.

⁸ Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 70.

⁹ Opitz M. Buch von der deutschen Poetery. Halle (Saale), 1955. S. 23.

¹⁰ Mönch W. Das Sonett. Heidelberg, 1955. S. 51—52.

¹¹ Szyrocki M. Die deutsche Literatur des Barock. S. 25.

¹² Behrmann A. Einführung in den neueren deutschen Vers (von Luther bis zur Gegenwart). Stuttgart, 1989. S. 55.

Тематика сонетов Грифиуса и Флеминга достаточно разнообразна. Существенный отпечаток наложила на их творчество Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.). Этим объясняется тот факт, что большое место в сонетах Грифиуса и Флеминга занимала тема войны. Правда, у Флеминга эта тема распространена в значительно меньшей степени, нежели у Грифиуса. С темой войны тесно связана тема бренности всего земного — «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*» и входящие в нее темы смерти и болезни. Тема любви, которую внес в сонет Петрарка, также весьма широко представлена в творчестве поэтов. Большое значение в творчестве Флеминга имеют сонеты на случаи, посвященные свадьбам, смертям и праздникам. Грифиус писал такие сонеты реже, чем Флеминг.

Спор о допустимости и недопустимости стиховых переносов идет уже давно. В литературе по поэтике отмечено, что в античные времена, Средние века и период Возрождения стиховые переносы допускались, но затем в период классицизма и барокко традиционные поэтики их запретили.¹³ По строгим правилам каждый стих сонета или любого другого стихотворения должен был представлять собой одну синтаксическую единицу, т. е. метрическое членение должно было полностью совпадать с синтаксическим, что вело к монотонности стиха. Грифиус и Флеминг использовали переносы для избежания монотонности и для создания различных стилистических эффектов. Спор об *enjambements* продолжился в XVIII и XIX столетиях, когда законы поэзии барокко уже были в прошлом. А. Кантемир в XVIII в. отстаивал необходимость переносов в русской поэзии.¹⁴ Веком позднее А. Гольдбек-Лёве заявил, что стиховые переносы свидетельствуют о неумении поэта и, следовательно, недопустимы.¹⁵

Проблемой стиховых переносов в наше время занимались немногие исследователи. Их мнения о природе *enjambements* различны. Некоторые лингвисты полагают, что стиховой перенос представляет собой продолжение синтаксического единства (предложения), начинающегося в первой строке, в последующей. Этой точки зрения придерживаются немецкие филологи К. Вагенкнехт,¹⁶ О. Пауль и И. Глир.¹⁷ При этом К. Вагенкнехт отмечает, что стиховые переносы для александрийского стиха, которым написаны сонеты, нехарактерны.¹⁸ Данное утверждение представляется несколько поспешным.

Существует также суждение, что *enjambements* имеют определенное синтаксическое значение. Стиховые переносы представляют собой одно из основных средств установления связи между предложениями в составе сложного синтаксического целого. Данная точка зрения принадлежит Н. П. Поспелову.¹⁹

¹³ *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975. С. 161; *Wagenknecht Chr.* Deutsche Metrik. Eine historische Einführung. München, 1981. S. 140; *Paul O., Glier J.* Deutsche Metrik. München, 1961. S. 23; *Wentzlaff-Eggebert F.-W.* Dichtung und Sprache des jungen Gryphius. Die Überwindung der lateinischen Tradition und die Entwicklung zum deutschen Spiel. Berlin, 1936. S. 51—52.

¹⁴ *Кантемир А.* Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских // Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 414.

¹⁵ *Goldbeck-Löwe A.* Zur Geschichte der freien Verse in der deutschen Dichtung. Von Klopstock bis Goethe. Dissertation. Kiel, 1891. S. 16.

¹⁶ *Wagenknecht Chr.* Deutsche Metrik. Eine historische Einführung. München, 1981. S. 139.

¹⁷ *Paul O., Glier J.* Deutsche Metrik. München, 1961. S. 45.

¹⁸ *Wagenknecht Chr.* Deutsche Metrik. S. 140.

¹⁹ *Поспелов Н. П.* Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1966. С. 29.

Другие ученые рассматривают стиховой перенос как перенос смысла или мысли из строки в строку. Так считают Л. В. Щерба,²⁰ В. Кайзер²¹ и составители некоторых английских справочников.²²

Иногда enjambements расценивается как перенос интонационного контура фразы (предложения). Так полагает С. Четмен.²³

В. М. Жирмунский считал, что стиховые переносы возникают, когда метрическое членение не совпадает с синтаксическим, и придерживается той же точки зрения на enjambements в поэзии барокко, что и К. Вагенкнехт.²⁴

Есть также ученые-лингвисты, стоящие на позициях компромисса в вопросе об enjambements. Такой точки зрения придерживается отечественный ученый Л. Г. Бадретдинова. Исследовательница предложила рассматривать enjambements как нарушение синтактико-семантического единства (строки), обусловленного структурой стиха, в конце строки завершением его в следующей строке. Автор отмечает также, что enjambements представляет собой несовпадение метрического и синтаксического членения, что выражается на письме в отсутствии знаков препинания в конце строки, причем стиховой перенос служит также средством связи строк друг с другом.²⁵ Мёнх рассматривал стиховой перенос также как средство связи стихов между собой.²⁶

Представляется, что точка зрения Л. Г. Бадретдиновой наиболее точно отражает сущность этого явления, поэтому встретившиеся в сонетах Грифиуса и Флеминга стиховые переносы будут рассматриваться с этой позиции.

Исследователи подчеркивают, что любой стиховой ряд выделяет, интенсивирует свои границы. Границы стихового ряда представляют собой ритмически ответственные места в строке. Стиховые переносы выводят на ритмически ответственные места в строке семантически важные слова, что способствует повышению экспрессивности высказывания.²⁷

Предлагались и различные виды классификаций enjambements.

Исследователи отмечают, что существуют три вида стиховых переносов:

- 1) строчный (предложение переносится из строки в строку одной строфы);
- 2) строфический (предложение переносится из последней строки одной строфы в первую строку другой строфы);
- 3) слоговой (из строки в строку переносится слово).

²⁰ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Изд. 7. Л., 1963. С. 174—175.

²¹ Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 7. Aufl. Bern und München, 1961. S. 90.

²² Shipley J. R. Dictionary of World Literature. Criticism, Forms, Technique. New York, 1943. P. 212; The Random House Dictionary of the English Language. London, 1966—1967. P. 474; Webster's New International Dictionary. 2nd edition. Webster edition. 1959. P. 850.

²³ Chatman S. Comparing Metrical Styles. Style of Language. Cambridge, Mass., 1966. P. 167.

²⁴ Жирмунский В. М. Теория стиха. С. 161.

²⁵ Бадретдинова Л. Г. К вопросу об enjambements. К проблеме стиховых переносов // Учен. зап. Московского педагогического ин-та иностранных языков. 1971. Т. 59. С. 22—30.

²⁶ Mönch W. Das Sonett. S. 158.

²⁷ Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965. С. 94.

Наиболее частотны строчные стиховые переносы, строфические и слоговые встречаются реже.²⁸ В проанализированных сонетах зафиксированы лишь строчные и строфические переносы.

Строчные и строфические переносы можно подразделить на:

- 1) *rejets* (когда предложение начинается на одной строке, не заканчивается и переносится на несколько слогов в следующую строку);
- 2) *contre-rejets* (когда предложение начинается в самом конце первой строки и целиком переносится в следующую строку).²⁹

Существуют также:

- 1) мотивированные *enjambements*, т. е. *enjambements*, которые подчеркивают синтаксическую паузу;
- 2) немотивированные *enjambements*, т. е. *enjambements*, которые не мотивированы синтаксической паузой.³⁰

При *enjambements* предложение разрывается, поэтому тесно связанные члены его оказываются в различных строках. Но в предложении не все слова связаны между собой одинаково тесно. Поэтому можно провести классификацию *enjambements* по резкости разрыва связи в предложении. Существуют четыре типа синтаксической связи слов в предложении:

- 1) атрибутивная связь, являющаяся наиболее прочной, так как сочетание «прилагательное + существительное» выступает в предложении как целая единица;
- 2) комплетивная (дополнительная) связь, менее прочная, чем атрибутивная, ввиду того что дополнения и обстоятельства поясняют все предложение;
- 3) копулятивная связь, наименее прочная, поскольку существует между однородными членами предложения;
- 4) предикативная связь, столь же слабая, как и копулятивная, так как устанавливается между сказуемым и подлежащим.³¹

В соответствии с этим можно выделить четыре вида стиховых переносов (по убыванию резкости разрыва связи):

- 1) стиховые переносы, пересекающие атрибутивную связь, вследствие чего они являются самыми резкими;
- 2) стиховые переносы, которые пересекают комплетивную связь и являются менее резкими, чем *enjambements*, пересекающие атрибутивную связь.

Наиболее слабыми являются следующие два вида стиховых переносов:

- 3) стиховые переносы, пересекающие копулятивную связь, т. е. связь между однородными членами предложения или между равноправными предложениями;
- 4) стиховые переносы, которые пересекают предикативную связь, т. е. связь между подлежащим и сказуемым.³²

²⁸ Карпов А. С. *Enjambements* // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 888—889; Квятковский А. Словарь поэтических терминов. М., 1966. С. 206.

²⁹ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Изд. 7. Л., 1963. С. 174—175.

³⁰ Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. С. 98.

³¹ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. С. 173—184; Schneider W. *Stilistische deutsche Grammatik*. Freiburg; Basel; Wien, 1959. S. 320—344; Чайковский Р. Р. Стилистические функции асиндетической и полисиндетической связи в современной художественной прозе (к проблеме экспрессивности синтаксиса). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1972. С. 14.

³² Бадретдинова Л. Г. К вопросу об *enjambements*. К проблеме стиховых переносов. С. 28—29.

Однако для данной работы следует сделать классификацию Л. Г. Бадретдиновой более дробной, т. е. учесть позицию атрибута при определяемом слове (при атрибутивной связи), а также тип сказуемого и положение подлежащего в предложении (при предикативной связи).

Переносы бывают также:

- 1) однократными;
- 2) сквозными (многократными).

Стиховых строчных переносов, пересекающих связь между препозитивным определением и определяемым, зафиксировано всего два, так как, несмотря на новаторство Грифиуса и Флеминга, такие enjambements были слишком смелы для периода барокко.

В первом примере стиховой перенос проходит внутри распространенного определения:

Bricht Pergamus schon ein, ob *die von stolzen Winden / Hoch aufgeschwellte See* weit über Länder fährt,
Wird von der Erden Schuld die Erden selbst verzehrt.
Ist doch ein freier Sinn durch keine Macht zu binden.
(«Über Abraham Ortels Parergorn»³³).

Во втором примере enjambements, проходящий внутри распространенного определения, несколько ослаблен за счет обращения:

So sei einmal begrüßt, *du durch drei halbe Jahre / so viel gewünschtes Haus*. Du bist es, dem sein Gut
das edle Holstein ganz in sein Vertrauen tut.
(«An das Schiff vor Niesen»³⁴).

В обоих случаях резкость стихового переноса ослабляется также за счет того, что разрыв атрибутивной связи проходит не непосредственно между определяющим и определяемым, а между частями распространенного определения: перенос отделяет предложные группы с предлогами «von» и «durch» от групп существительных с главными частями определения — прилагательными.

Стиховые переносы могут разрывать также связь между распространенным определением в постпозиции и определяемым, где прилагательное стоит в краткой форме; такие распространенные определения можно рассматривать как обособленные, например:

Dreimal sind schon sechs Jahr' als *unser Ströme Flut / Von so viel Leichen schwer* sich langsam fortgedrungen.
(«Traurklage des verwüsteten Deutschlands»³⁵).

В данном случае у существительного есть также и препозитивное определение, выраженное местоимением и существительным во множественном числе в генитиве. Разрыв связи между обособленным определением в постпозиции и определяемым существительным ослабляется за счет отрыва от существительного предложной группы «von + наречие + существительное + краткое прилагательное», при этом существительное выносится на ритмически ответ-

³³ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 16.

³⁴ Fleming P. Deutsche Gedichte. Stuttgart, 1965. S. 475.

³⁵ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 33.

ственное место — в конец строки, связывая оба определения и тем самым стихи. Таким образом, здесь можно говорить о «шаговом» характере поступления информации.

В сонетах Грифиуса и Флеминга стиховые переносы, прерывающие связь между определяемым и распространенными пре- и постпозитивными определениями, были лишь строчными.

В проанализированных сонетах зафиксированы также стиховые переносы, пересекающие атрибутивную связь между определяемым и определением в постпозиции, выраженным группой «von + существительное», например:

Und was erzähl' ich viel die *ungezählte Zahl* /
von meinen Schulden her. Gott liest sie allzumal /
von meiner Stirnen ab, an der sie sind geschrieben.
(«Bekanntniß»³⁶).

Здесь существительное обладает двумя определениями: препозитивным, выраженным склоняемым прилагательным «ungezählt», и постпозитивным, представленным группой «von + местоимение + существительное»; т. е. характер поступления информации здесь «шаговый». Опорное существительное «Zahl» вынесено здесь на ответственное последнее место в строке, что способствует связи двух определений и тем самым строк.

Enjambement может пересекать и атрибутивную связь между определяемым и определением в постпозиции, выраженным группой «für + местоимение + существительное», например:

Wie selig bin ich doch, wenn ich Erlöster *sitze* /
in eurer Hölen Schoß, in welcher *Himmelbrot* /
für meine Seele wächst und fleußt so *weiß und rot* /
der süße Lebensquell, aus dem ich mich bespritze...
(«An die Wunden des Herrn»³⁷).

В данном примере наблюдается сквозной перенос, который, с одной стороны, разделяет члены предложения, с другой — способствует большей связи между элементарными предложениями, входящими в состав периода.

Строфические переносы, прерывающие такой вид атрибутивной связи, в сонетах Грифиуса и Флеминга не зафиксированы.

Enjambements могут пересекать также атрибутивную связь между определяемым словом и определением, выраженным существительным в генитиве, стоящим в постпозиции. Такие стиховые переносы более частотны, чем enjambements, пересекающие связь между распространенным определением в пре- или постпозиции и определяемым словом. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером из сонетов Грифиуса (строчный перенос):

O Gott, was rauhe Not! Wie schäumt die schwarze See /
Und spritzt ihr *grünes Salz*! *Wie reißt der Zorn die Wellen* /
Durch nebelvolle Luft! Wie beult *das wüste Bellen* /
Der tollen Sturm uns an!
(«Andenken eines auf der See ausgestandenen gefährlichen Sturms»³⁸).

³⁶ Fleming P. Deutsche Gedichte. S. 444.

³⁷ Ibid. S. 446.

³⁸ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 34.

В данном случае разрыв атрибутивной связи также ослабляется за счет наличия препозитивных определений, а существительные вынесены в конец строки — на логически ответственные места, усиливая свою связующую функцию.

Стиховой строфический перенос, разрывающий атрибутивную связь между определяемым и определением, выраженным существительным в генитиве, стоящим в постпозиции, зафиксирован в проанализированных сонетах лишь один раз (на границе первого и второго катренов):

Soll dich der höchste Gott mit Vätertreu anblicken,
So muß du jederzeit auch sanften Herzens sein.
Wer nichts als richten kann, wer Rach und grimme Pein /
Stets auf den Nächsten ruft, wird endlich selbst in **Stricken** / /
Des Satans und in Strom' der Schwefelbach ersticken.

(«Auf den Sonntag des barmherzigen Vaters»³⁹).

В этом случае enjambement, пресекающий атрибутивную связь, не ослаблен, так как отсутствует препозитивный атрибут; семантически важный элемент выносится на ответственное место в начале строфы, что создает эффект неожиданности. Таким образом, стиховые строчные и строфические переносы выводят на ответственные места в стихах семантически важные элементы, что создает эффект повышения экспрессивности высказывания и эффект неожиданности, выделяя логическим ударением определение и определяемое, что способствует объединению строк.

В сонетах Грифиуса и Флеминга весьма частотны enjambements, разрывающие комплетивную связь. Данных стиховых переносов зафиксировано намного больше, чем enjambements, пересекающих атрибутивную связь, ввиду того что комплетивная связь менее тесная, нежели атрибутивная. Эти стиховые переносы достаточно резкие, так как разделяют глагол и дополнение или обстоятельство, которые от него зависят. Особой резкостью отличаются переносы, при которых разрыв связи происходит между переходным глаголом и зависимым от него дополнением, так как валентность переходного глагола требует, чтобы после него следовало дополнение, без которого предложение будет аграмматичным. Данное положение можно проиллюстрировать следующим примером:

Wir fliegen durch die Nacht und stürzen von der Höh' /
In den getrennten Grund! **Die often Stöße füllen** /
Den halbzerknickten Mast, die schwachen Seiten **prellen** /
Auf die gespitzte Klipp. O Himmel, ich vergeh!

(«Andenken eines auf der See ausgestandenen gefährlichen Sturms»⁴⁰).

В этом примере строчные enjambements разывают комплетивную связь глаголов: «fällen (vt)», «prellen (auf + A) (vi)» с дополнением в первом случае и с обстоятельством во втором; данные предложения будут аграмматичны без дополнений и обстоятельств. Стиховые переносы выводят в этих случаях на первые места в строках группы «артикл + прилагательное + существительное», «предлог + артикл + прилагательное + существительное». В следующем

³⁹ Ibid. S. 12.

⁴⁰ Ibid. S. 34.

примере на первое место в стихе вынесено препозитивное определение, выраженное существительным в генитиве, зависимым от дополнения глагола, что, выводя семантически важные элементы в стихах на ответственные места, увеличивает экспрессивность и оживляет стертую метафору «des Herzens halben Teil»:

Es taueret mich sein Fall, in dem er muß *verlieren*
Des Herzens halben Teil und hin zum Grabe führen.

(«Als ihm Herrn Timothei Swirsens Hausfrauen Ableben berichtet ward»⁴¹).

Стиховые строчные переносы, обособляющие обстоятельства, менее резкие, хотя и разделяют между собой переходные, реже непереходные, глаголы и обстоятельства, без которых смысл предложения все равно остался бы понятен, т. е. отделяют лишь дополнительную факультативную характеристику, например:

Ambrosie, mein Schaftz,
mit welcher ich im Lieben /
so manche Zeit vertrieben,
Komm mit mir auf den Platz,
auf der Caninchen Hatz,
da Amor uns will üben.
Der Preis ist angeschrieben,
es gilt um einen Schatz.
Und das noch ist das Beste,
wir **bleiben** seine Gäste /
auf dieses zahme Wild.
Für Trank schenkt er und Küsse.
Ambrosie, du süße,
komm, weil es Küssens gilt.

(«An Ambrosien»⁴²).

В данном примере непереходный глагол отделен строчным переносом от обстоятельства, при этом перенос, с одной стороны, разрывает предложение, с другой — способствует объединению строк. В этом сонете в сонете лишь два enjambements, что способствует их дополнительному выделению.

Строфических переносов, пересекающих комплетивную связь, сравнительно немного. Такие переносы разрывают связь между переходными глаголами и дополнениями, например:

... Der Staar der blinden Sünden,
Das Band der tauben Lust, der Hoffart stummer Wahn
Wird sonst durch Keinen nicht, als diesen, abgetan.
Kein Leibarzt wird sich so zu **heilen unterwinden** / /
die Seele, die ist krank...

(«Er hat Alles wol gemacht»⁴³).

В данном случае благодаря enjambements возникает большее напряжение за счет дополнительного отрыва глагола в инфинитивном обороте и существительного, «zu heilen die Seele», выражающего дополнение, друг от друга.

⁴¹ Fleming P. Deutsche Gedichte. S. 456.

⁴² Ibid. S. 492.

⁴³ Ibid. S. 451.

Enjambement разрывает стертую глагольную метафору «die Seele heilen», выводя на ответственные места в стихе семантически важные слова, и тем самым оживляет ее, а также способствует объединению второго катрена и первого терцета. В этом примере существует антитеза «Leibarzt»—«Seele», подчеркнутая логически благодаря enjambement, который вывел семантически важное слово на первое место в строке. Графическое сближение слов «Leibarzt» и «Seele» также способствует усилению контраста.

Строфические переносы могут разрывать также связь между непереходными глаголами и обстоятельствами времени, места, например:

Schrieb ich dies, was du siehst, mit noch zu zarter Hand.
Zwar Kinder, als ein Kind, doch reiner Andacht Pfand.
Tritt Leser nicht zu hart auf Blumen, *erstes Märzen* / /
Hier donnert, ich bekenn, **mein rauher Abas nicht...**

(2 катрен — 1 терцет: «Über seine Sonn — und Feiertagssonette»⁴⁴).

В этом случае напряжение, создаваемое enjambement, больше, так как глагол дополнительно отделен от группы существительного, выражающего обстоятельство. Такие стиховые переносы способствуют объединению строф между собой, при этом в начало строфы выдвигается наречие (hier), т. е. оно появляется на границе стихового ряда. Таким образом, местоположение обстоятельств связывает строфы. Поскольку всякий стиховой ряд выделяет свои границы, то слова, стоящие в таких местах, подчеркиваются и выделяются логически.⁴⁵

В исследованных сонетах зафиксировано очень много enjambements, пересекающих копулятивную связь. Такие переносы могут быть строчными и строфическими. Стиховые строчные переносы могут разрывать несколько видов копулятивной связи. Они пересекают копулятивную связь между однородными сказуемыми, например:

Zeuch hin, betrübtes Jahr! Zeuch hin mit meinen Schmerzen!
Zeuch hin mit meiner Angst und überhäuftem Weh!
Zeuch so viel Leichen nach! **Bedrängte Zeit, vergeh** /
Und führe mit dir weg die Last von diesem Herzen!

(«Schluss des 1648sten Jahres»⁴⁶).

В данном примере союз «und» не дает действию прекратиться, как бы «проталкивает» развитие дальше.⁴⁷

Стиховые переносы пересекают копулятивную связь между однородными дополнениями, например:

Die Zeit, **die auf mich Angst und grimmer Seucken Schar** /
Und Trauren und Verdruß und Schrecken hat verhetzet.
Wer hat noch neulich mich nicht schon vor tot geschätzt,
Da, als ich mir nicht im Siechbett ähnlich war.

(«Auf die letzte Nacht seines XXV. Jahrs, den 11. Octobr. St. Gregor»⁴⁸).

⁴⁴ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 15—16.

⁴⁵ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. С. 183.

⁴⁶ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 32.

⁴⁷ Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. С. 99.

⁴⁸ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 25.

В этом случае enjambement в придаточном определительном предложении разделяет также и предикативную связь и, сочетаясь с полисиндетоном и климаксом «Angst», «grimmer Seuchen Schar», «Trauren», «Verdruß», «Schrecken», еще более связывает стихи катрена.

Enjambements разрывают копулятивную связь между однородными обстоятельством, например:

Wenn hab ich wohl verdient, **daß Eure Gunst so fest /**
Und standhaft bei mir hält, nun Freund und Feind mich läßt?
Wenn werd ich und mit was die Wohltat je vergelten?

(«An Faustinen. In schwerer Krankheit»⁴⁹).

Здесь enjambement разрывает пару «fest und standhaft» и тем самым логически подчеркивает ее значение, связывает строки.

Enjambements пересекают копулятивную связь между однородными подлежащими, например:

Ists, wie ihr Reußen es nicht lasset unerwiesen,
daß Niemand von uns weiß, ist diß derselbe Berg,
auf dem auf eine Zeit gewohnt **ein kluger Zwerg /**
und eine Jungfrau auch, der Ankunft von den Riesen,
darvon er itzt noch heißt, und langet bis nach Niesen,
der weitgelegnen Stadt?...

(«Auf den Jungferberg in Nagaien der Reußen. 1636 August 26»⁵⁰).

В этом случае стиховой перенос создает своего рода эффект неожиданности за счет антонимичности слов «ein kluger Zwerg» и «eine Jungfrau», связывает строки.

Строфические переносы,рывающие копулятивную связь, не столько разрывают предложение, сколько создают связь между строфами, а также способствуют введению дополнительной информации, например:

Den vielgefärbten Klee zu diesem Kranze hier
hab' ich mit eigner Hand gelesen um die Wiesen,
die für die schönsten hie von allen sind gepriesen,
in welcher grünen Schoß **du saßest neben mir / /**
und deine Schwester auch.

(граница 1—2 катренов: «An sie»⁵¹).

В сонетах Грифиуса и Флеминга зафиксировано большое количество enjambements, пересекающих предикативную связь. В зависимости от типа сказуемого можно выделить несколько вариантов таких переносов.

Enjambements проходят непосредственно между сказуемым и подлежащим и углубляют синтаксическую границу между ними, например:

Die Augen wachten auf, das Herze schlief in Sorgen,
ich träumte wachend fort. **Der zweifelhafte Morgen /**
verhieß ein trübes Licht.

(«Auf Herrn Tobias Hübners Ableben. 1636 August»⁵²).

⁴⁹ Ibid. S. 28.

⁵⁰ Fleming P. Deutsche Gedichte. S. 477.

⁵¹ Ibid. S. 513.

⁵² Ibid. S. 457.

Здесь enjambement подчеркивает глагольную метафору (персонификацию), выводя на ответственные места в строке семантически важные слова.

Это положение иллюстрирует также следующий пример:

Als falscher Zungen Neid drang rasend mir zu Herzen,
Schrieb ich, was itzt kommt vor; mir zwang die scharfe Not
Die Federn in die Faust. **Doch Lästermäuler Spott /**
Ist als der erste Rauch um hell entbrannte Kerzen.

(«Beschlusssonett»⁵³).

В этом случае стиховой перенос не только подчеркивает синтаксическую границу, но и выделяет предикатив, структурированный как сравнительная конструкция к существительному в роли подлежащего, стоящему на ответственном месте в строке, тем самым связывая строки.

Стиховые переносы разделяют две части составного глагольного сказуемого, т. е. разрывают глагольную рамку, что создает дополнительное напряжение и связывает строки, например:

Soll in dem Jubeln alter Heiden /
Nur einig meine Seele leiden,
Oder willst du mit Ergetzen auch ein Jubeljahr zuschicken?

(«Auf den Anfang des 1650sten Jahres»⁵⁴).

В данном случае разрыв рамки вследствие стихового переноса сочетается с сохранением рамки — части сказуемого занимают положенные им места в вопросительном предложении, причем enjambement оживляет стертую метафору, создавая эффект ожидания при разрыве глагольной рамки. Это утверждение иллюстрирует также следующий пример:

Gott Lob und Dank, ich bin einmal genesen.
Wol mir fortan! Ich bin des Himmels voll.
Du tust kein gut und zwingst ihn, daß **er soll /**
dich kehren aus mit des Verderbers Besen.

(«Neuer Vorsatz»⁵⁵).

Здесь enjambement, разрывающий глагольную рамку, сочетается с нарушением порядка слов в придаточном дополнительном предложении, когда глагольное сказуемое «soll kehren» оказывается в середине придаточного предложения, что способствует дополнительному экспрессивному выделению группы сказуемого.

Enjambements разъединяют две части простого глагольного сказуемого, например:

Der Port naht mehr und mehr sich zu der Glieder Kahn.
Gleich wie dies Licht verfiel, so wird in wenig Jahren /
Ich, du und was man hat und was man sieht, hinfahren.
Dies Leben kömmt mir vor als eine Rennebahn.

(«Abend»⁵⁶).

⁵³ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 15.

⁵⁴ Ibid. S. 33.

⁵⁵ Fleming P. Deutsche Gedichte. S. 449.

⁵⁶ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 21.

В этом случае enjambement выделяет сравнение, выраженное сравнительным предложением, и связывает строки.

В следующем примере enjambement также разделяет части простого глагольного сказуемого:

Auf, Freunde, laßt uns zu der Tafel eilen,
Indem die Sonn ins Himmels Mitte hält
Und der vor Hitz und Arbeit matten Welt
Sucht ihren Weg und unsern Tag zu teilen.
Der Blumen Zier wird von den Flammenpfeilen /
Zu hart versehrt, das ausgedörrte Feld
Wünscht nach dem Tau, der Schnitter nach dem Zelt,
Kein Vogel klagt von seinen Liebesseilen.

(«Mittag»⁵⁷).

В этом случае стиховой перенос создает эффект обманутого ожидания, лучи солнца обжигают, хотя они должны были бы приносить тепло; изменяемая часть глагольного сказуемого создает эффект ожидания продолжения сказуемого. При стиховых переносах, разделяющих две части составного или простого глагольного сказуемого, подлежащее может оставаться на первой строке или быть перенесено на следующую, что способствует выдвиганию подлежащего на логически ответственное место в строке, тем самым выделяя его. Это способствует созданию связности строк.

Enjambements разделяют части именного сказуемого, например:

Will dir denn nicht einmal der Leib vor Gift zukrachen?
Es ist ja nichts an dir (ich red's mit gutem Grund) /
Von deinem Lästerkopf bis auf die Zeh gesund.

(«An einen falschen Zweizünger»⁵⁸).

В данном отрывке enjambement усиливает напряжение благодаря дополнительному удалению глагола — связки и предикатива друг от друга — на начальное и конечное места в стихах и связывает строки.

Строфические переносы, разрывающие предикативную связь, так же как и строфические переносы, разрывающие копулятивную связь, разъединяя предложение, служат средством связи соседних строф, например:

1) Ist jemals, weil der Bau der großen Welt gestanden,
So grimme Tyrannei und Greuel auch erhört?
Ist was, das nicht durch Krieg, Schwert, Spieß und Feur zustört?
Ist solche Grausamkeit, sind soviel Sünd und Schanden / /
Ganz ohne Straf verübt?

(«Auf den Sonntag des letzten Greuels»⁵⁹).

2) Und darf ein frecher Kiel sich dieses unterfangen,
daß er die ganze Zier, die an der Liebsten scheint,
in so ein enges Tun zu zeichnen ab vermeint?

⁵⁷ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 20—21.

⁵⁸ Wentzlaff-Eggebert F.-W. Dichtung und Sprache des jungen Gryphius. Die Überwindung der lateinischen Tradition und die Entwicklung zum deutschen Spiel. Berlin, 1936. S. 10.

⁵⁹ Gryphius A. Werke in einem Band. S. 13.

Wahr ist es, *dieses Haar, die Stirne, diese Wangen* //
sind denen ähnlich ganz, die an derselben prangen.

(«Auf ihr Bildnüß»⁶⁰).

В этих выдержках изменяемая часть сказуемого, глагол—связка «ist», создает эффект ожидания продолжения сказуемого в другой строке, причем рамка «ist verübt», разрываема стиховым переносом, способствует объединению строк.

В первом примере предикатив также попадает на ответственное место в строке перед цезурой и дополнительно выделяется. Если же именное сказуемое переносится в другую строку полностью, то оно выводится на логически важное место в строке и выделяется экспрессивно, так же как и подлежащее, оставшееся в конце первой строки, что способствует (в последнем примере) объединению строф («diese Wangen», «sind denen ähnlich ganz, die an derselben prangen»).

В сонетах Грифиуса и Флеминга зафиксировано большое количество сквозных переносов, которые служат для объединения простых предложений в сверхфазовые единства, что можно проиллюстрировать следующим примером:

Wir Menschen *pflügen oft zu klagen über Leichen* / 1
und wissen selber nicht, wie nah' uns *unsre Zeichen* / 2
des Todes sind gesteckt. Wer weiß, *ob auch um dich* // 3
ein Auge wird genetzt? Drum *will* ich Andre *klagen* / 4
und hierbeineben auch von meiner Schwachheit sagen:
So hab' ich recht beweint in einem Fremden mich.

(«Als ihm Herrn Timothei Swirsens Hausfrauen Ableben
in Ehsten berichtet ward»⁶¹).

В этом случае имеются: 1, 4 — enjambements, пересекающие копулятивную связь; 2 — стиховой перенос, разрывающий атрибутивную связь; 3 — стиховой перенос, пересекающий комплетивную связь.

Стиховые переносы в поэзии Грифиуса и Флеминга весьма частотны, что опровергает распространенное мнение о том, что enjambements не характерны для александрийского стиха XVII в. Enjambements, зафиксированные в проанализированных сонетах, бывают двух видов: строчные и строфические, причем первые частотнее, чем вторые. Стиховые переносы носят амбивалентный, разъединительно-соединительный характер. Пересекая все виды связей в предложениях, стиховые переносы сближают строки или строфы, выводя на ответственные места в строках логически важные лексические единицы.

При этом enjambements экспрессивно выделяют семантически важные слова, подчеркивают сравнения, «оживляют» стертую метафору, способствуют созданию эффекта «обманутого ожидания», сочетаясь с метафорой и сравнением, препятствуют возникновению монотонности стиха.

УЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Знак / обозначает строчный enjambement.

Знак // обозначает строфический перенос.

⁶⁰ Fleming P. Deutsche Gedichte. S. 492.

⁶¹ Ibid. S. 456.

IV. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

А. А. СЕЛИН

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ НОВГОРОДСКОГО ВИННОГО ПОГРЕБА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ 1610—1611 гг.

1610—1611 гг. были одним из самых бурных периодов в политической истории Новгорода. Помимо создания новгородско-шведского политического альянса среди важнейших событий этого времени также прибытие в Новгород Ивана Салтыкова и присяга новгородцев царю Владиславу, затем, в феврале—марте 1611 г., арест и казнь Ивана Салтыкова и последующий приход в Новгород представителей подмосковного ополчения; и в конце концов — переговоры с Яковом Делагарди и занятие Новгорода шведами.

Все эти перемены сопровождались появлением в Новгороде представителей политической элиты со стороны, не состоящих на городских службах. Большинство пришедших в Новгород с И. М. Салтыковым было связано с Тушинским лагерем. Московское общество, совершившее переворот 10 июля 1610 г. и заключившее договор с Жолкевским, было организовано на началах широкого компромисса между бывшими членами государева двора, в годы гражданской войны оказавшимися по разные стороны, но сохранившими, несмотря на это, тесные связи друг с другом. Однако именно бывшие члены тушинского двора были наиболее активной группой среди сторонников Владислава, возможно в связи с более юным возрастом и отсутствием стереотипов, скрывавших прежних верных сторонников Василия Шуйского.

В архиве Новгородской приказной избы сохранилась обширная приходо-расходная документация новгородского винного погреба 1610—1611 гг. В первую очередь это примечательный столбец документов.¹ Он насчитывает 222 сстава, ныне расклеен. Большая часть столбца (сст. 1—208) является сборником памятей от новгородского правительства о выдаче вина. Памяти сгруппированы в хронологическом порядке. На сставах 209—212 и 222 — случайно попавший сюда отрывок из дела по челобитной о поместье Петра Игнатьева сына Обольянинова, относящийся к марту 1614 г.² Наконец, сставы с 213 по 221 — набор челобитных новгородских служилых людей царю Владиславу и

¹ RA, NOA. Serie 2:124 (далее в сносках — Сборник памятей).

² Начало дела в столбце 123.

более поздние — Московского и Новгородского государства боярам о выдаче вина. С этим документом корреспондирует приходо-расходная книга новгородского винного погреба за 1610—1611 гг., которая начала составляться после конфискации вина у Ивана Салтыкова 28 марта 1611 г. и была закончена 31 августа 1611 г.³ Книга не имеет скрепы по листам. Она содержит записи о выдаче вина, а также о поступлении вина в результате упомянутой конфискации.

Впервые оба этих источника были использованы для реконструкции политических событий 1610—1611 гг. в исследовании П. В. Седова. Ученого интересовали обстоятельства переговоров, предшествовавших взятию Новгорода шведами 16 июля 1611 г. В этой связи он привлек данные обоих источников для иллюстрации хода переговоров.⁴

Первые дачи из винного погреба 1610—1611 гг. адресованы двум виднейшим деятелям, пришедшим из Москвы, — князю Г. К. Волконскому (26 сентября) и И. М. Салтыкову (27 сентября). Это несколько противоречит сообщению самого Салтыкова о том, что он пришел под Новгород только 4 октября.⁵ Интересно, что еще 15 октября 1610 г. в Новгороде (во всяком случае, в Шелонской пятине, в двух днях езды от города) считали легитимной властью еще царя Василия Шуйского, а город возглавляли воеводы кн. И. Н. Большой Одоевский и Р. А. Вельяминов.⁶

В своем ноябрьском сообщении Сигизмунду III Салтыков упоминает также, что прислал в Новгород вперед себя двух дворян — Якова Дашкова и Матвея Муравьева. Если последний был новгородским помещиком в четвертом поколении,⁷ то первый, так же как и другие пришедшие с Салтыковым деятели, был в Новгороде чужим.⁸ 22 октября 1610 г. из новгородского винного погреба

³ Приходно-расходные книги государева винного погреба. 1611. 28.03—31.08 // RA, NOA. Serie 1:60.

⁴ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116—127.

⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452—463.

⁶ Отдел губным старостой Федором Вельяминовым Богдану Жданову сыну Блеклому поместья вдовы Анны, жены Дмитрия Сертякина в Дремяцком погосте Шелонской пятины. 1610. 15.10 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 139—141 (копия без пагинации: СПБИН РАН, м/ф. 293).

⁷ Подробнее о Муравьевых в Новгороде см.: Селин А. А. Григорий Никитич Муравьев: Кто создавал условия непрерывной жизни // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2003. С. 125—135.

⁸ Яков Авксентьевич Дашков известен как сын боярский, служивший по Серпейску с 1606/07 г. с окладом в 550 четвертей (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601—1608. Сб. документов. М., 2003. С. 150). Еще его отец Авксентий Яковлев Дашков утратил княжеский титул (Акты служилых землевладельцев XV—нач. XVII века. М., 1998. Т. 2. № 85. С. 90—91). Яков Дашков уже бывал в Новгороде: в 1608—1609 гг. он был среди дворян московских, прибывших в Новгород с кн. М. В. Скопиным Шуйским (Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имущества по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. [1608/09. — А. С.] // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 8. 1850). С 1613 г. он служил Михайлу Федоровичу на воеводских постах в Троице-Сергиевом монастыре, позднее — в Белгороде. И. М. Салтыков бывал в Новгородской земле в августе 1605 г., после прихода к власти в Москве Лжедмитрия I, он вместе с матерью выехал в Ивангород, где воеводу кн. Г. П. Ромодановского сменил его отец, боярин М. Г. Салты-

ему было выдано 2 ведра вина.⁹ Через месяц, 23 ноября, «для литовские посылки» он получил еще ведро вина вместе с подьячим Василием Бехтеевым. 18 декабря полведра получила его жена София «для болезни», видимо оставленная уехавшим под Смоленск мужем в Новгороде. Еще ведро вина Яков Дашков получил, вернувшись в Новгород 31 января 1611 г.

Важнейшее место среди приехавших с Салтыковым в Новгород сторонников Владислава занимает Петр Третьяков — виднейшая фигура тушинского лагеря, думный дьяк второго самозванца, возглавлявший тушинский Посольский приказ. После свержения Василия Шуйского, 28 августа 1610 г., он ушел из Калуги от Лжедмитрия II и принес присягу королевичу Владиславу. Приехав в Москву, он был лишен думного чина и вместе с И. М. Салтыковым отправлен в Новгород приводить новгородцев к присяге, а в ноябре 1610 г. вместе с Салтыковым уведомлял Сигизмунда о присяге Новгорода Владиславу. По предположению Д. В. Лисейцева, Петр Третьяков продолжал быть новгородским дьяком до переворота в марте 1611 г., после чего отправился в подмосковное ополчение, где 20 августа 1611 г. упоминается в качестве думного дьяка Поместного приказа.¹⁰

Рассматриваемый нами источник позволяет несколько подробнее говорить о деятельности Петра Третьякова в Новгороде осенью—зимой 1610/11 г. 7 ноября 1610 г. к нему было послано пять ведер вина из новгородского винного погреба.¹¹ Через два месяца, 7 января 1611 г., он женился на Варваре, вдове помещика Деревской пятины Федора Клементьева.¹² В этот день дьяку Петру Третьякову на свадьбу было дано 10 «ведер вина горячего, для того что у него в здешнем городе поместья и вотчины нет».¹³ Память на получение вина, в отличие от других документов сборника, была скреплена личной печатью Ивана Салтыкова. Через пять дней после свадьбы дьяк был отправлен в поход, в войска, осаждавшие Ладогу,¹⁴ где заперся отряд Пьера Делавилля. Перед походом дьяк Третьяков получил еще 10 ведер,¹⁵ через шесть дней, 18 января, — еще 10 ведер.¹⁶ После этого о деятельности дьяка Петра Третьякова в Новгороде ничего не известно; по данным С. Б. Веселовского, 20 августа 1611 г. Петр Третьяков служил думным дьяком Поместного приказа у подмосковных бояр.¹⁷

Вместе с Иваном Салтыковым в Новгороде оказалась и его мать, боярыня Ульяна Ивановна Салтыкова. Именно на ее двор шли самые большие поставки

ков. На службу молодой Салтыков ехал вместе с матерью, Ульяной Ивановной, о которой см. ниже (*Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. Л., 1924. С. 132—134).

⁹ Сохранилась и челобитная Якова Дашкова, в которой он просил этого вина взаимы, «доколе свое вино искурю» (Сборник памяти. Л. 214).

¹⁰ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 113.

¹¹ Сборник памяти. Л. 24.

¹² Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матфеева сына Арцыбашева. 1610. 15.11 — янв. 1612 // RA, NOA. Serie 2:321.

¹³ Сборник памяти. Л. 55.

¹⁴ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31—71.

¹⁵ Сборник памяти. Л. 63.

¹⁶ Там же. Л. 69.

¹⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII веков. М., 1975. С. 522—523.

Вино, полученное Иваном Салтыковым из новгородского винного погреба
в сентябре 1610—феврале 1611 г.

Дата	Количество, ведро	Цели
27 сентября	2	
8 октября	2	
16 октября	10	«про ратных людей»
17 октября	5	«для ратных людей»
27 октября	10	«для ратных людей»
17 ноября	6*	
17 ноября	20	«на государев обиход»
18 ноября	6	
23 ноября	3	«для астраханских стрельцов, которые посланы на государеву службу в Порхов»
Между 10 и 13 декабря	20	
24 декабря	30	«про ратных людей астраханских стрельцов и казаков и на иные стрелцы для праздника Рожества Христова»
24 декабря	7	«под Ладогу татаром»
8 января	30	
12 января	10	
19 января	100	«в полки для ратных людей под Ладогу»
28 января	14	«в полки для ратных людей»
2 февраля	50	«для ратных людей»
21 февраля	10	«для ратных людей»
25 февраля	20	«для ратных людей»

* А также 15 ведер пива и шесть четвертей солода ячменного (Сборник памяти о выдаче вина // RA, NOA, serie 2:124).

вина из государева погреба, не связанные с военными нуждами (ведро вина 1 октября, два ведра 16 октября, два ведра 22 октября, два ведра 30 октября, по два ведра 8 и 9 ноября).¹⁸

Уже в январе 1611 г. в Москве знали о взятии Салтыковым Ладоги 15 января.¹⁹ 19 же января Ивану Салтыкову было выдано «в полки под Ладогу для ратных людей 100 ведр вина». Видимо, вскоре после этого он с победой вернулся в Новгород.

К 22 февраля в Новгороде появляется еще один крупный отряд казаков, пришедший из Москвы, явно с «тушинским» прошлым. 22 февраля ведро горячего вина было выдано «атаманом, которые пришли в Великий Новгород с Москвы, а были с паном Микулаем Юрогою, Богдану Березину да Семену Зарутцкому, да Ивану Зворыкину, да Максиму Панилову, да есаулу Томилу Кайдашеву». Казаки их станиц в тот же день получили три ведра вина.

События февраля—марта 1611 г. в Новгороде имеют довольно темный характер. К 12 марта Иван Салтыков и Корнил Чоглоков были объявлены измен-

¹⁸ Сборник памяти. Л. 3, 11, 19, 22, 25, 26.

¹⁹ АИ. 1841. Т. 2. № 316. С. 373—374.

никами и посажены в тюрьму,²⁰ и вскоре первый был казнен, а второй, видимо, остался под стражей и отбыл из города вместе с представителями Первого ополчения незадолго до взятия Новгорода шведами.²¹ 8—10 марта винная раздача была устроена во всех стрелецких сотнях и казачьих станицах. Примерно в те же дни, когда шведский гарнизон капитулировал в Ладого, а в Новгороде произошел переворот, Делгарди двинулся в глубь Новгородской земли, миновал Орешек и занял Лопский погост (Loppis),²² откуда письменно обратился к кн. И. Н. Большому Одоевскому.²³ Затем, простояв несколько недель в Солецком погосте,²⁴ шведский генерал 28 мая 1611 г. двинулся на Новгород.

В то же время последние выдачи вина Ивану Салтыкову, по моим данным, относятся к 21 и 25 февраля. Отмечу, что в эти дни Салтыков находился, по всей видимости, в войсках, т. к. обе дачи (соответственно 10 и 20 ведер вина) были предоставлены Ивану Салтыкову «для ратных людей».

28 марта 1611 г. приказчик новгородского винного погреба Григорий Афанасьев с целовальниками «взяли на государев на винной погреб у Воина Новокшенова да у дьяка у Третьяка Копнина опального вина», ранее конфискованного у Ивана Салтыкова, — 63 двенадцатикружечных ведра вина и 10 пудов без четверти пушного меда. Конфискованный алкоголь пошел в раздачу.²⁵

12 марта 1611 г. из Новгорода назначается военная экспедиция под Старую Руссу во главе с Леонтием Вельяминовым, закончившаяся очищением Руссы от «воровских людей» к началу апреля. Сборник памяти содержит недвусмысленные записи о снабжении вином участников похода: 11 апреля пять ведер вина получил Леонтий Вельяминов «для старорусские посылки», а 17 апреля по кружке вина «для старорусские службы» получают пять казачьих атаманов; также вино выдается дворянам, детям боярским, новокрещеным татарам и монастырским служкам, «которые были против полских людей с воеводою с Леонтьем Андреевичем Вельяминовым под Старою Русою».²⁶

Второй воевода Новгорода кн. И. Н. Большой Одоевский поддержал переворот, направленный против Салтыкова (а возможно, был среди его организаторов), и стал главой Новгородского правительства. Сменилось и приказное управление. Дьяками стали лица новгородского происхождения Семен Лутохин, Андрей Лысцов, позднее — Томило Сергеев.²⁷ Первый происходил из софийских детей боярских, двое других — из новгородских подьячих.²⁸ Уже

²⁰ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 183. С. 313—314.

²¹ Во всяком случае в июне 1612 г. Корнил Чоглоков продолжал оставаться в подмосковном ополчении и был посланником кн. Д. Т. Трубецкого в Ярославле (*Замятин Г. А.* Из истории борьбы... С. 56).

²² Ныне п. Путилово Кировского р-на Ленинградской обл.

²³ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия. Падение кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол и воцарение Михаила Федоровича. Юрьев, 1918 // СПБИИ. Ф. 276. Оп. 2. Д. 90. С. 11—12.

²⁴ На левом берегу Волхова, напротив современного г. Кириши Ленинградской области.

²⁵ Приходно-расходные книги государева винного погреба... С. 3—4.

²⁶ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11 г. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1—10.

²⁷ 20 декабря 1610 г. новгородский подьячий (еще не дьяк) Томило Сергеев был послан к Москве «для государева дела», получив на дорогу полведра вина.

²⁸ В 1604 г. подьячий Андрей Лысцов исполнял мелкую службу — устраивал Заечевский ям под Новгородом (Челобитная охотников Заечевского яма на бывшего их

5 мая 1611 г. Андрей Лысцов, впервые названный дьяком, подписывал память о даче вина братьям Никите и Семену Калитиным.²⁹

Примечательно, что о точном времени ареста и казни И. М. Салтыкова неизвестно. Почти до конца февраля 1611 г. он еще упоминается среди тех, кто управляет Новгородом. Сохранился польский перевод его письма в королевский лагерь под Смоленск, написанного 8 февраля 1611 г.³⁰ Первые известия о свержении Салтыкова относятся к началу марта 1611 г., а отмена пожалований, произведенных в Новгороде от имени царя Владислава осенью—зимой 1610/11 г., датируется 15 апреля 1611 г., когда по приговору воеводы Одоевского, отправленному в Дворцовый приказ дьяку Семену Лутохину, все дворцовые земли, розданные по дачам королевича Владислава, было указано вернуть во Дворец.³¹

Вопрос о виноватых в убийстве И. М. Салтыкова был поставлен авторами Нового летописца достаточно остро; при этом разные списки памятника дают противоречивую информацию об обстоятельствах трагедии. Как показала В. Г. Вовина-Лебедева, списки Академической группы называют виновниками убийства Салтыкова находившихся в Новгороде московских стрельцов. В списках редакции Ундольского и Никоновском вина за пытки и гибель Салтыкова возложена на всех новгородцев.³² По мнению исследовательницы, некий человек, находившийся в время Смуты в Новгороде, но новгородцем не бывший, стремился при составлении одной из редакций Нового летописца обвинить в убийстве Салтыкова новгородцев. Тот же человек дважды сознательно включает в текст памятника упоминания о кн. Никифоре Мещерском, хранившем верность Москве в годы шведской власти. Однако ситуация представляется несколько сложнее. Тот факт, что кн. Никифор Мещерский занимал при Иване Салтыкове заметное место в Новгороде, неоспорим. Вопрос идентификации князя Никифора Мещерского, упомянутого в «Новом Летописце», также подробно рассмотрен В. Г. Вовиной-Лебедевой. Она допускает оба возможных варианта идентификации фигуранта памятника — и Никифор Федоров Мещерский (московский дворянин 1626/27, 1628/29, 1635/36 и 1639/40 гг.), и Никифор Яковлев Мещерский (московский дворянин в 1626/27 и 1628/29 гг.), склоняясь все же к Никифору Федорову сыну.³³ С этим нельзя согласиться. Новгородские источники начала XVII в. кн. Никифора Федорова-сына не знают. После убийства Ивана Салтыкова верстальный список, составленный при салтыковской администрации в Новгороде, хранился у князя Никифора Яковлевича (Кудеярова сына) Мещерского.³⁴ Этот князь — новгородский сын

окольного П. Ф. Басманова, проезжавшего в Новгород, и на других обидчиков. 1604, марта после 24 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Л. 58—61). Вскоре после переворота он бил боярам челом о вине, указывая, что «от неметцкие государи пустоты болень я нутреною болезнью» (Сборник памятей. Л. 218).

²⁹ Сборник памятей. Л. 142.

³⁰ Copia listu od Saltykowa z Ladogi de data Februarÿ 8 dnia // RA, Skoklöster Samlingen. № E 8596. С. 12—15. Благодарю Михала Страшевича за указание на этот документ.

³¹ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 40—41.

³² Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 54—55.

³³ Там же. С. 56—57.

³⁴ Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль—1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18; Дело по челобитной о по-

боярский, по Новгороду служили и его отец, князь Яков (Кудеяр) Иванов сын,³⁵ и братья — князя Алексей³⁶ и Богдан.³⁷ Сам князь Н. Я. Мещерский известен как новгородский служилый человек с 1594/95 г., а служба по московскому списку — это вершина его карьеры, достигнутая уже при царе Михаиле Федоровиче.³⁸ Следовательно, нет оснований однозначно утверждать, что человек, внесший поправки в Новый летописец редакции Ундольского (добавивший имя кн. Н. Я. Мещерского, верного сторонника царя Михаила, и переложивший вину за убийство Ивана Салтыкова с московских стрельцов на всех новгородцев), не был новгородцем.

Арест и убийство в Новгороде И. Салтыкова не повлекли за собой немедленного союза с подмосковным ополчением; вплоть до апреля 1611 г. документы из новгородских приказов выдавались именем царя Владислава и бояр И. Н. Большого Одоевского и В. Т. Долгорукова.

Дальнейшие политические события 1610—1611 гг. связаны с начавшимися под Новгородом новгородско-шведскими переговорами, закончившимися провалом и имевшими результатом штурм Новгорода 16 июля 1611 г. войсками Якова Делагарди и установлением в Новгороде новой власти во главе с последним и боярином кн. И. Н. Большим Одоевским.

Имеющиеся в Сборнике памятней сведения говорят о том, что переговоры новгородцев со шведами начались задолго до прибытия в город представителей подмосковного ополчения. Ведро вина, предназначенное «немецким людям», было отпущено с Михаилом Борисовичем Боборыкиным из новгородского винного погреба уже 23 марта 1611 г. В тот же день три ведра вина были выданы «для немецкие посылки» Гаврилу Бекетову.

Личности обоих новгородцев, с помощью которых были начаты отношения с Делагарди, примечательны. Михаил Борисович Боборыкин служил третьим воеводой Новгорода в 1605—1606 гг.³⁹ В 1608 г. он вместе с Иваном Судаковым и Андреем Бунаковым, а также смоленскими дворянами провожал из Москвы к польской границе Александра Гонсевского и других польских послов.⁴⁰ В 1609—1610 гг. Боборыкин в составе войск М. В. Скопина-Шуйского участвовал в походах к Александровой слободе, Троице, в снятии осады с Москвы. В разгар битвы при с. Клушино М. Б. Боборыкин вместе с думным дворянином Гаврилом Пушкиным был послан кн. Дмитрием Шуйским уговаривать

местье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:65.

³⁵ Помещик Дудоровского погоста Водской пятины в 1568 г. (Акты служилых землевладельцев. М., 1997. Т. 1. С. 142—143). Известен и позднее.

³⁶ Новик Водской пятины в 1596 г. с окладом в 300 четвертей (*Лихачев Н. П.* Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. СПб., 1909. Вып. 3. С. 113—209). Известен ранее как владелец холопов.

³⁷ В 1603—1604 гг. служил по Водской пятине с отцовских 400 четвертей. 27 сентября 1605 г. верстан на 400 четвертей (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 484).

³⁸ Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 83.

³⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 84.

⁴⁰ Это от них бежали к Тушинскому вору Марина Мнишек с отцом (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601—1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 359—360).

«немцев» не уходить от московского войска. И «Михайла тут немцы в полон взяли, а Гаврила Пушкин ушел».⁴¹

Полонный опыт имел и Гаврило Савинов сын Бекетов. В десятне Водской пятины 1605 г. его скитания описываются следующим образом: «В Иванегороде в толмачах для Свейскаго языку, а в московском списке и в десятне 112 году к поместному и к денежному верстанью не написан: 59. Гаврило Савинов сын Бекетов, и во 114 году в Иванегороде Гаврило Бекетов бил челом государю, а сказал: был де он в полону в Свейи 11 лет, а из полону вышел в 97 году, а государева жалованья поместья за ним учинено без верстанья за полон и за службу в Вотской пятине 400 чети, а велено ему быть в Иванегороде на время для толмачества свейскаго языку».⁴²

Миссия Боборыкина и Бекетова, по всей вероятности, была ответом на письма Деллагарди к князю Одоевскому из Лопского погоста, написанные в марте 1611 г.⁴³

Одновременно с началом переговоров были предприняты меры по усилению обороны города. 29 марта ведро вина было выдано атаману Семену Заруцкому и 50 казакам его станицы, стоявшим на карауле у Петровских ворот, «за то что они у тех ворот стоят, днюют и ночуют».

В апреле взаимоотношения со шведами активизировались. 11 числа «для немецкие посылки» было отпущено из государева погреба 28 ведер вина. Получали вино Потап Нарбеков,⁴⁴ уже упоминавшийся Гаврило Бекетов и подьячий Василий Бехтеев, которому на следующий день, 12 апреля было также выдано для немецких людей «три пуда меду, буде им кислово не дано». Тогда же ведро вина получил толмач Тимофей Хахин. В эти дни Сборник упоминает и небезызвестного дьяка Ивана Тимофеева. 21 апреля он был с ратными людьми послан к Москве, получив на дорогу пять ведер вина.⁴⁵ Судьба этой миссии неизвестна, во всяком случае осенью 1611 г. Тимофеев находился в Новгороде.

Следующий этап политической истории Новгорода, как правило, связывают с прибывшими в Новгород представителями подмосковного ополчения, и прежде всего с чашником Василием Ивановичем Бутурлиным. Однако кроме него крупными представителями московских таборов, появившимися в Новгороде после переворота, были бывшие тушинцы князь Семен Григорьевич Звенигородский и дьяк Денис Софонов.

Вместе с ними в Новгород приехали дворяне московские — князь Юрий Звенигородский, Семен Хованский, Данило Замыцкий, Федор Пушкин и Борис Поливанов, а также некоторые другие москвичи; 6 мая они получили по два ведра вина.

Князь С. Г. Звенигородский служил боярином и дворецким у Лжедмитрия II. Интересно, что служба князя была связана с Новгородом и в более раннее время. В 1600 и 1607 гг. он служил воеводой в Копорье, одном

⁴¹ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 208.

⁴² Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 472.

⁴³ Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции... С. 12.

⁴⁴ Помещик Бежецкой пятины. Служил письменным головой дворян Бежецкой пятины, посланным в 1608 г. из Москвы против Лисовского под Иосифо-Волоколамский монастырь с думным дворянином и воеводой Гаврилом Григорьевичем Пушкиным (Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 48).

⁴⁵ Сборник памяти. Л. 124.

из новгородских пригородов.⁴⁶ 6 мая 1611 г. он оказывается в Новгороде.⁴⁷ Между 11 и 13 мая 1611 г. к нему и к думному дьяку Д. И. Софонову были посланы три ведра вина, 28 мая им же были отосланы еще два ведра (вероятно, на переговоры, на которые Софонов и кн. Звенигородский поехали с подьячими Тимофеем Внуковым и Исаком Кудринным). 9 июня (опять одновременно с Софоновым) получил три ведра вина, 6 июля — еще три ведра.

Еще один деятель тушинского лагеря, оказавшийся в Новгороде в конце весны 1611 г., — печатник и думный дьяк Второго самозванца Денис Игнатьевич Софонов, потомственный московский приказной.⁴⁸ В Сборнике он именуется не думным дьяком, а думным дворянином. В середине мая Д. И. Софонов несколько раз получал вино вместе с кн. С. Г. Звенигородским, а 28 мая отправился на переговоры с Делгарди. Оба они покинули Новгород за 10 дней до штурма, 6 июля 1611 г., видимо незадолго до заключения перемирия.⁴⁹

Прибывший в город в апреле чашник и воевода В. И. Бутурлин впервые упоминается как получатель вина 9 мая 1611 г.⁵⁰ С этого времени ему регулярно выдают вино почти до самого новгородского штурма. В июне 1611 г. в Новгород прибывают еще два деятеля подмосковного ополчения.

Первый из них — дьяк Афиноген Голенищев, известный тем, что еще в 1605 г. вместе с В. И. Бутурлиным раздавал деньги под Кромами,⁵¹ позднее, в 1610—1611 гг., был назначен земским дьяком в Ярославль.⁵² 2 июня 1611 г. он получил из новгородского винного погреба пять ведер вина,⁵³ а за день до взятия Новгорода шведами, 15 июля 1611 г., подписал память о выдаче двух кружек вина стрелецкому сотнику Ивану Паршину.⁵⁴ По словам Ивана Плещеева (в октябре 1611 г.), просившего у правительства Владислава поместья

⁴⁶ Выборный дворянин по Дорогобужу в 1577 г. (*Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 191—202) и в 1588—1589 гг., когда был назначен в посольство в Грузию (Там же. С. 203—248); позднее, в 1598—1599 гг. (Там же. С. 250—258) и в 1606—1607 гг. — дворянин московский, написан на службе в Чернигове (Там же. С. 291—302). В 1600 г. служил воеводой в Копорье вместе с Матвеем Степановичем Хлоповым (РИБ. Л., 1926. Т. 38. Стб. 267—269), также в 1607 г. (ДРВ. 1782. Ч. 2. № 19. С. 57). В тушинском лагере — боярин и дворецкий (*Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 540). В боярской книге 1627 г. — дворянин московский (Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 67).

⁴⁷ Сборник памятей. Л. 141, 149.

⁴⁸ Печатник и думный дьяк Разрядного приказа у Лжедмитрия с октября 1608 по июнь 1609 г., с 21 октября 1611 г. по 25 июля 1612 г. — думный дьяк и печатник в ополчении Трубецкого и Заруцкого, в конце февраля 1613 г. — дьяк в Москве, в 1619 г. — дьяк Владимирского судного приказа. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 484—486).

⁴⁹ *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами... С. 119.

⁵⁰ Сборник памятей. Л. 146.

⁵¹ Описание архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот., вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 48.

⁵² *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 85.

⁵³ Сборник памятей. Л. 158; вар.: 2 июля (Приходно-расходные книги государева винного погреба... С. 18).

⁵⁴ Память погребному приказчику Григорию Афанасьеву да целовальнику Ивану Федотову с товарищи выдать сотнику стрелецкому Ивану Паршину две кружки вина. 1611. 15.07 // RA, NOA. Serie 2:119. Л. 3.

Афиногена Голенищева в Ярославском уезде, тот «умер в воровских таборах». ⁵⁵ На самом деле Афиноген Голенищев был убит при взятии Новгорода шведами. ⁵⁶

Другим представителем ополчения был князь Петр Иванович Пронский. Единственная запись о выдаче ему ведра вина относится к 21 июня 1611 г. ⁵⁷ Вероятно, он покинул Новгород вместе с кн. С. Г. Звенигородским и дьяком Д. И. Софоновым, однако в Новгороде осталась его жена Авдотья. Она жила в Новгороде и во время Земского собора 1613 г., уехав в Москву с гонцом Воином Богучаровым 14 марта 1613 г., ⁵⁸ уже после избрания на московский престол Михаила Романова.

28 мая 1611 г. Делагарди двинулся из Сольцов на Новгород. ⁵⁹ К Новгороду он подошел 2 июня 1611 г. и встал в Хутынский монастырь.

Активные переговоры начались только 6 июня 1611 г. В этот день к чашнику и воеводе В. И. Бутурлину в Спасский Хутынский монастырь, где велись переговоры, было отправлено 20 ведер вина, столько же — на следующий день. Особая порция вина была отпущена в конце месяца 27 июня — десять ведер вина «в приимощное ведро, а вино бы было доброе, чтобы неметцким людем въ почесть было».

Именно в конце июня—начале июля 1611 г., в дни накануне «новгородского взятия», наиболее интенсивно выдавалось вино из государственных запасов. 1 июля было выдано пять ведер вина казакам и по кружке вина есаулам приказа атамана Тимофея Шарова, а также ведро вина сотне дворян Водской пятины, возглавляемой Никитой Вышеславцовым. Тогда же 10 ведер вина было отпущено вновь в Хутынский монастырь чашнику и воеводе В. И. Бутурлину «для болшого неметцкого съезду, а взяти вина доброго», а также ведро вина посланному туда же князю Ивану Афанасьевичу Мещерскому. 4 июля пять ведер вина с подьячим Немиром Ручкиным было отправлено лично Якову Делагарди и десять ведер вина для шведских дворян-участников переговоров «дяйку Монше Мартынову» (секретарю М. М. Пальму). Еще два ведра вина было предназначено толмачам. На следующий день, 5 июля, в Хутынский монастырь отправили еще три ведра.

Интересна запись от 6 июля. Получателями вина в этот день явились боярин кн. С. Г. Звенигородский и думный дьяк Денис Софонов. В Сборнике не отмечены обстоятельства получения ими вина, но это последние упоминания об этих представителях подмосковного ополчения в источнике. Вероятно, вскоре после 6 июля они вместе с московскими дворянами отбыли из Новгорода под Москву.

Последняя запись о посылке шести ведер вина чашнику В. И. Бутурлину, но уже не для переговоров, а «про ратных людей», относится к 9 июля, т. е. на следующий день после заключения перемирия с Делагарди.

Обстоятельства взятия Новгорода подробно рассмотрены в двух статьях П. В. Седова. Ученый выяснил, что рассказ об этих событиях, содержащийся в Новгородской третьей летописи, использует «Повесть о взятии Московском и

⁵⁵ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С. 120.

⁵⁶ [Шокарев С.]. Указатель имен // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 493.

⁵⁷ Сборник памятей. Л. 189.

⁵⁸ Приходно-расходные книги государева дворца. 1612/13 // РА, NOA. Serie 1:34. С. 547, 549—550.

⁵⁹ Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции... С. 16.

о пленении земли Русские от царя Тохтамыша», и он не может считаться достоверным.⁶⁰ По мнению Седова, город в июле 1611 г. совершенно не был подготовлен к обороне. За три недели до штурма, 27 июня, стороны обменялись заложниками. Еще во время переговоров 8 июля дьяк Голенищев позволил себе открыто угрожать шведам. В тот же день новгородцы напали на шведов, прикрываясь дымом подожженных ими предместий. Через 4 дня, 12 июля, новгородцы вновь осуществили серьезную вылазку против войск Делагарди. 16 июля Софийская сторона Великого Новгорода была взята штурмом. Через день, 17 июля, шведы заняли и Торговую сторону. В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов, разграбив торговые ряды, ушли из города вместе с казаками. Отметим, что никто из новгородцев за ним не последовал. По мнению Н. П. Лыжина, эти действия Бутурлина вызвали под Москвой одобрение главы ополчения П. Ляпунова.⁶¹ Василий Гаутин, Тимофей Шаров и Афиноген Голенищев погибли при штурме Новгорода. П. В. Седову удалось выявить другие имена защитников, павших на улицах города: Афанасий Бутенев,⁶² Тимофей Бундов, Степан Кузминский, Михаил Нармацкий, Русин Данилов сын Хомутов, Шестой Палицын. Кн. Михаил Иванович Мещерский и есаул Степан Неустроев были тяжело ранены. Ученый обнаружил записи в синодиках Входоиерусалимской церкви Новгорода, свидетельствующие о том, что павшие при штурме Новгорода в июле 1611 г. поминались в этом храме на протяжении трех столетий.⁶³

Государев винный погреб продолжал выдавать вино по памятям и после штурма. Так был дан заголовок новому разделу в приходо-расходной книге государева винного погреба: «Да старого ж вина⁶⁴ в росходе июля с 17 числа».⁶⁵ Первые недели получателями вина являются только представители новой шведской администрации: Я. Делагарди, М. М. Пальм, Ганс Бойе (Анц Бой), Эверт Горн (Ивер Гор) и другие. Только 16 августа два ведра вина из казенных запасов получил представитель русской администрации, упоминавшийся выше дьяк Андрей Лысцов.⁶⁶ Аналогичная документация по более поздним годам в архиве Новгородской приказной избы не сохранилась.

Мы постарались показать, что приходо-расходная документация винного погреба очень точно отражает события политической жизни, кипевшей в Новгороде в 1610—1611 гг. Более того, она содержит уникальные биографические сведения о персоналиях Смутного времени и свидетельствует об активном использовании винных раздач для умиротворения разных политических сил, действовавших в городе в эту эпоху.

⁶⁰ Седов П. В. Интриги смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ. 1996. № 2. С. 84—89.

⁶¹ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 4.

⁶² По П. В. Седову неверно: «Батенев».

⁶³ Седов П. В. Интриги смутного времени... С. 89, прим. 22.

⁶⁴ «Новым» вином именовалось вино, конфискованное 28 марта 1611 г. на дворе Ивана Салтыкова, расход которого в книге отмечался отдельной статьей.

⁶⁵ Приходно-расходные книги государева винного погреба... С. 21.

⁶⁶ Там же. С. 31.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты Археографической экспедиции
АИ	— Акты исторические, собранные в библиотеке и архивах Российской империи
ВИЖ	— Военно-исторический журнал
ВОИДР	— Вестник Общества истории и древностей Российских
ИРГО	— Известия Русского генеалогического общества
НИС	— Новгородский исторический сборник
СПБИН	— Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей Российских
NOA	— Ockupationsarkivet från Novgorod
RA	— Riksarkivet (Stockholm)

О. М. ФИШМАН

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ПРАКТИКИ КАРЕЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Любая старообрядческая община существовала как коллектив, сплоченный единством духовного опыта и культовой практики. Своеобразие изучаемой карельской общины беспоповцев (в прошлом они являлись последователями федосеевского толка) определено возникновением и существованием ее в этнически (карелы) и сословно (крестьяне) однородном обществе в рамках конкретного стабильного локуса (бывший Тихвинский уезд Новгородской губ., ныне Бокситогорский р-н Ленинградской обл.).¹

Нормы богослужебной практики этого своеобразного этноконфессионального и социального сообщества вырабатывались на протяжении XVIII—XIX вв. и были узаконены на уровне письменных уставов и устной традиции, что позволяло и позднее, фактически до конца XX в., безошибочно ориентироваться во внешних — религиозной и социальной — средах и оценивать все возникающие ситуации с точки зрения собственной системы ценностей.

В беспоповских толках старообрядчества, в условиях отказа от большинства церковных таинств, основным источником получения Божественной благодати, приобщением к пути духовного спасения стали таинства крещения и покаяния, единоличная и совместная молитва. В совокупности с понятием духовного и физического (крестьянского) труда они почитались как главные заповеди Господни, «следование которым позволяет избывать грехи».

Молитва всегда являлась показателем религиозного самосознания, включавшего и оценку качества веры. Многие современные карелы говорят: раньше люди «умели веровать» и молиться — jumalankumardeliat / kumarella, «а мы молимся, а мысли... поди знай, куда черт везет их. Вот в этом-то дело. Надо молиться, значит, усердно молиться»; «В Великом посту надо молиться очень много. Пятьдесят листов надо за день, как ни больше» (по книге молиться. — О. Ф.). Будучи главным связующим способом общения человека с Богом, молитва была неотъемлемой частью повседневной жизни карела старовера. Она формировала особый ежедневный ритм жизни верующего: день начинался и заканчивался молитвой. Она предшествовала и завершала трапезу, любой вид

¹ Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.

повседневной деятельности, к ней прибегали в непредвиденных обстоятельствах, возникавших в течение дня.

На каждое дело необходимо Божье благословение: начинаешь ли сев или уборку урожая, печешь ли хлеб, идешь ли первый раз в году в лес, провожаешь ли сына в армию, обязательно скажи «Благослови, Христос» — так говорят и сейчас. К помощи молитвы, естественно прибегали во время болезни человека, домашнего скота. Молитва сопутствовала эзотерической практике *знающих*. Молитвенное обращение к Богу (и чтение книг для грамотных членов общины) было способом получения духовного знания, видения, переживания и приближения к ответам на сокровенные вопросы «о жизни, совести, загадке покаяния и возрождения души человеческой», — писал В. В. Розанов в одной из своих работ.² При этом отметим — в старообрядческой среде порицалась неумеренная божба.

Молитва выполняла охранительную и очистительную роли в широком христианском смысле и узком — индивидуальном, особенно при общении с последователями официальной Церкви и теми женатыми членами общины (и их семьями), которые, как говорили, «не остароверились». И тех и других здесь называли одинаково — *мирские* (*mirskoi*) в отличие от *истинно верующих* (*vierolazet*).

Молитва освящала окружающее пространство: озера, реки, ручейки, леса, поля. До совсем недавнего времени старообрядческий обряд крещения и перекрещивания *мирских* совершался в проточной, живой воде. К молитве обращаются всегда и везде, особенно в опасности, подстерегающей человека в дороге, не говоря об экстремальных ситуациях — столкновениях с нечистой силой. От Пасхи до Вознесения, прежде чем войти в лес или следовать по лесной дороге, на опушке леса поют пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых».³ Молитва — это и молчаливое крестное знамение, и приветствие — «Спаси Бог» и напутствие работающему — «Бог в помощь» — «*jumal abu*». Единоличные молитвы тому или иному святому лежали в основе обетной практики — так называемых *заветов*. Тем самым старообрядческое конфессиональное пространство воспроизводилось как самодостаточное целое и либо развертывалось во внешний старообрядческий мир, либо стягивалось до уровня семьи, дома, отдельной личности при контактах с чужим — антихристовым — миром.

Дневной богослужебный круг включал вечерню (около 5—6 часов вечера), павечерицу/павечерню (после ужина), полуношницу и утреню (ранним утром — 4—5 часов), часы (утром).⁴ Об использовании при этом служебных книг рассказывали еще в 1990-е гг. пожилые карелки: *Канонь* (Большой Канонник) содержит «начало, правила, повечерница»; *Часовник* читают, «когда на воскресенье часы в молебну» (моленном доме. — О. Ф.); *Правило* — «когда начинаем молица, перво правило читат, молитвенно писано. И сейчас читат».⁵

² Розанов В. В. Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы). СПб., 1914. С. 77.

³ Лобанов М. А. Лесные кличи. Вокальные мелодии-сигналы на Северо-Западе России. СПб., 1997. С. 10.

⁴ Правила домашней молитвы // Старообрядческий церковный календарь на 1990 г. Рига, 1990. С. 105.

⁵ Архив российского Этнографического музея. Далее — АРЭМ. Ф. 10. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 55—56 об.

В суточное богослужение старообрядцев входило и келейное правило. Последнее исполняли только пожилые верующие — *книжницы* и наставники — *отче*. В крестьянском обиходе существовал обычай обращаться к ним за частными требами жизненного значения: совершать молитвы о здравии родных и упокоении усопших. Одна из последних наставниц рассказывала: «*Салтырь* [Псалтирь следованная. — *О. Ф.*] начинается со слов 'Блаженный муж'. Это кафизмы. Все читаю, каждую неделю; через 40 дней после смерти» (того или иного человека. — *О. Ф.*). Многие из книжниц-богомолок, среди них были и такие, которые с детства посвящали себя Богу и не вступали в брак. *Девы* с возрастом становились *келейницами*; они вели уединенный образ жизни в кельях, специально выстроенных для них родственниками рядом с жилым домом, или в специальных помещениях, обустроенных в светелке. Некоторые жили и при моленных домах.

В местном книжном собрании, насчитывавшем до недавнего времени более 90 богослужебных и четых книг, был и рукописный Устав келейной молитвы, написанный в начале XX в. Известно, что существовали различные по объему уставы или правила. Так, великое («тысящное») правило включало: 300 земных поклонов, 600 молитв Иисусовых и 100 поклонов в пояс Богородице. Среднее («седмисотное») правило: 200 земных поклонов, 400 молитв Иисусовых и 100 поклонов Богородице или 100 поклонов, 200 молитв, 50 поклонов Богородице. Малое правило: 50 земных поклонов, 100 молитв Иисусовых и 17 поклонов Богородице. В случае занятости, как указывается в современном старообрядческом календаре, допустимо перенести молитву за правило на другой день.⁶

Любой молитве — келейной ли, домашней или общей, совершаемой в молитвенном доме — *моленной*, предшествует *начал / надо начала положить*.

Приведем текст приходного начала, до недавнего времени неукоснительно совершаемого карельскими богомолками, и сравним его с уставным текстом.

«Боже милостив, будём мы грешные. Заставляй меня Господи. Без числа я согрешила.

Достойно есть яко воистинуладычица Богородица, присно блаженную и непорочную, Матерь Бога нашего, честнейшую херуим, славнейшую воистину серафим, без исления Бога Слова рождешую, сущую Богородицу, Тя величаем. Во век.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

И ныне и присно. Во веки веков. Аминь.

«Боже, милостив, буди мне грешному (поклон)

Создавый мя, Господи, помилуй мя. Без числа я согреших, Господи, помилуй и прости мя грешнаго (поклон)

Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородица, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую воистину серафим, без исления Бога Слова рождешую, сущую Богородицу, Тя величаем (земной поклон).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (поклон).

И ныне, и присно, и во веки веков, аминь (поклон).

Господи, помилуй, Господи помилуй, Господи, благослови (поклон).

⁶ Правила домашней молитвы. С. 110.

Молитвы ради Пречистая Матери, животворящей Креста Господня, сих ... преподобных и богоносных отец наших, всех святых помилуй яко Блаже, Человеколюбец.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.⁷

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Твоея Матери, силою честнаго и животворящего Креста, и святаго ангела моего хранителя и всех святых помилуй и спаси мя грешнаго яко Благ и Человеколюбец (земной поклон).⁸

Сопоставление текстов свидетельствует о достаточно полной сохранности у карельских старообрядцев уставного текста, при явном сокращении и искажении, в том числе не понятных для них слов.

По завершении молитвы в беспоповской богослужебной практике полагаются отходные/исходные поклоны, включающие текст приходного начала и слова следующей молитвы: «Все упование мое (поклон), сохрани мя во своем си крове (земной поклон)». В случае необходимости допускалось объединять службы, тогда между ними приходные и исходные поклоны не полагались. Однако у современных карельских староверов эти правила в полной мере не сохранились.

Отличительным символом и обязательной принадлежностью старообрядческого богослужения является лестовка, у карел называемая *листофка* (*listofka*). Это традиционный тип четок для облегчения подсчета молитв и поклонов (в Русской православной церкви они сохранились лишь в монастырской практике). Эти четки олицетворяют собой лестницу духовного восхождения, по словарю «Старообрядчество», — «от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы».⁹

Определенная часть староверов и в конце XX в. строго придерживалась молитвенного правила, согласно которому каждая, в том числе и домашняя, молитва включала молитву по лестовке. Каждый старовер имел несколько самодельных лестовок, представляющих собой тряпичную ленту, сшитую в виде петли с 100 *бубенчиками/бубешками*. У некоторых сохранились старинные кожаные или тканые с бисером лестовки.

В цитированном выше современном старообрядческом календаре указываются возможные различия в службе: «За службы молятся по лестовке (от 1 до 3), поклонами (количество поясных и земных поклонов также различается) с молитвой Иисусовой или читают Псалтырь. Иногда просто творят молитву Иисусову без поклонов. По продолжительности молитвы имеется несколько видов уставов в зависимости от духовной подготовки, занятости христианина и состояния его здоровья».¹⁰ Именно это можно наблюдать в богослужебной

⁷ Воскресенская Т. А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX—начале XX века: Мироззрение. Быт. Культура. Великий Новгород, 2008. С. 44; АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 49.

⁸ Правила домашней молитвы. С. 110.

⁹ Лестовка — один из типов четок, называвшихся «вервица»; она предназначалась для отсчета молитв и поклонов неграмотными иноками и была введена в монастырской практике Византии еще в IV в. По мере развития учения об умной молитве стала принадлежностью и мирян. См.: Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 61, 158—159.

¹⁰ Правила домашней молитвы. С. 110.

практике карел, объясняющих все отклонения собственной неграмотностью и старческой немощью. Одна пожилая староверка, 1925 г. р., во время утренней и вечерней молитвы «читает по 4 листовочки». Другая молилась «целую листовку» утром, а «по вечерам», как она полагает, только начало кладут.¹¹ Некоторые староверки молятся с лестовкой только в субботу и воскресенье. Наставница В. И. Рыбакова молилась и после бани: «па́чала рання — начало положишь и листовку полную». Поминальная служба включает молитвы «по листовке св. мч. Фекле, преподобному отче Паисию, св. мч. Хрисогригорию».

Осознание вечного круга молитвы, создаваемого с помощью лестовки, чувствуется в традиционном ответе на вопрос, как молятся по лестовке: «„Господи“ кладем вкруговую» (Господи помилуй. — *О. Ф.*). У карел отсутствует символическое толкование лестовки, они излагают лишь практику молитвы: первые три *бубенчика* не молятся, а по следующим 40 *бубенчикам* 40 раз произносят текст: «Господи, помилуй»; вслед за этим «идет молитва, потом 17 Богородиц, Никола и другим святым, в конце — Аллилуя, Аллилуя, Слава Тебе Божья».¹²

Лестовка как образ и символ морального восхождения путем постоянной молитвы, думается, может быть соотнесена со строгой лествичной соподчиненностью членов беспоповской общины. Хотя может быть и наоборот: символика лестницы и ее конечная цель — восхождение к спасению — обусловили строгость конфессиональной иерархии.

Разграничение понятий «*mirskoi*» и «*vierolazet*» прослеживается в общении во время часовенной праздничной службы, общих молений в моленной и келейных молений: «староверы молились первыми, мы — мирские, не молимся, стоим»; «староверки у иконов (стоят. — *О. Ф.*), мирские сзади. Мирские говорят только: „Господи помилуй“ и не крестятся».¹³ Мирским не дозволялось креститься при входе в дом старовера, а также наблюдать или присутствовать при их домашней молитве.¹⁴ Не случайно до сих пор иконы в домах закрыты от «чужого» глаза занавесками — *пелёнками, пеленами*.

Другим неотъемлемым атрибутом моления у карел продолжает оставаться подручник — *подрушник* (*podrušnikka*), молитвенный коврик прямоугольной формы. Он шьется из ситцевой ткани или лоскутов, набивается плотной тканью или ватином и простегивается особым крестообразным образом. В верхней части подручника пришивается тканая ручка — *почепкань*, чтобы поднимать его, «не прикасаясь к полу или к грязной стороне подручника».¹⁵ Назначение подручника изложено в «Красном уставе»: «Егда же прилучится класти земные поклоны, то не бей главою своею в землю, и не стукай ею в мост церковный, или в дому такожде ... но на подручник полагай».¹⁶ Земные поклоны сопровождают каждую начальную молитву и неоднократно совершаются при богослужении и требах.

Суточные, седмичные (недельные/воскресные), осуществляемые по преимуществу наставниками, книжницами и келейницами, и годовые службы со-

¹¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46. Л. 10, 36; Д. 52 а. Л. 32.

¹² *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. С. 158; АРЭМ. Ф. 10. Д. 33. Л. 17.

¹³ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46. Л. 10, 13об., 46об.; Д. 51. Л. 35.

¹⁴ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 51. Л. 26.

¹⁵ *Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. С. 226.

¹⁶ Там же.

ставляют годовой круг богослужения или вселетнюю службу. Ее крайними датами являются Рождество и Успение Пресвятой Богородицы (8. IX—15. VIII). Именно дневная служба с ее постоянностью и закреплённостью во времени является основанием общественного богослужения. Отсюда признание приоритетности домашней молитвы перед общей, что было характерно для крестьян всей России, а не только старообрядцев.

Напомню, что крестьянская молитва карельских, как и русских, старообрядцев, прежде всего грамотных верующих, отличалась не только постоянством и продолжительностью. Важно, что ее знали все: в старообрядческих общинах с детства «учили Богу молища, по-божески петь». Обучение словесной и письменной грамоте мальчиков и девочек в возрасте от 6 лет было обязанностью книжниц; учительствовали по «старонареченным» богослужебным книгам (на церковнославянском языке), прежде всего по Псалтыри и Часовнику. Еще в конце 1990-х гг. были живы пожилые карелки, обучавшиеся в течение нескольких лет в *моленных* или на дому. В то же время, как отмечают исследователи, Русская православная церковь «молитвенным обучением крестьян никогда целенаправленно и последовательно не занималась».¹⁷ Установлено, что в первые годы XX в. около 10 карельских юношей и девушек продолжили свое образование при Преображенском кладбище, в бывшем в то время главном духовном и учебном центре для последователей всех беспоповских согласий России. Деревенские староверы вспоминали, «в Москве *иноки/инокини* учились в школе в числе 400 учеников, чтобы правила знать, молища день и ночь, петь по гласам».¹⁸ Поддержание, таким образом, относительно высокого уровня религиозной грамотности старообрядческой общины позволяло довольно долго сохранять келейную молитву и службы годового цикла.

Богослужение годового круга у старообрядцев и официально православных ведется по двум временным счислениям: минейному (месяцеслову) — с 1.09 (с неподвижными праздниками) и триодными — от Пасхи (с подвижными праздниками). «В помощь верующим Церковь установила (выделила) особые „времена“, совокупность которых делает границы церковного года подвижными и растяжимыми, не вполне совпадающими с пределами богослужебного и календарного годов. Времена эти суть: а) ежедневные (=будни), б) еженедельные, или седмичные (=воскресенья), в) постовые и г) праздничные».¹⁹

Среди праздников различаются великие (так называемые *праздники по кругу*), средние и малые (*маленькие/в крестах*). Понятие о первых из них бытует в одинаковой мере у православных и карельских староверов и означает общие и наиболее значимые праздники, объемлющие весь годовой праздничный цикл — Рождество Христово, Пасха, Троица, *Никола летний* и *зимний* и др. Название *праздники по кругу* иллюстрирует существование объемно-пространственного восприятия христианского праздничного года как замкнутого, постоянно воспроизводящегося цикла. Те из местных часовенных праздников, которые следовали в карельских деревнях друг за другом, например Кирик и Улита (15. 07), Ильин день (20. 07) или Успение Богородицы (15. 08), *Фролы* (18. 08), *Донской иконы Божьей Матери* (19. 08) и др., — обозначаются как *подрядовка*.

¹⁷ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 191.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46. Л. 35.

¹⁹ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 177.

В старообрядческих месяцесловах малые праздники отмечены знаком креста (+), этим объясняется закрепление за ними понятия *праздник в крестах*; они неукоснительно соблюдались современными староверками: «так то не празднуем, но отмечаем». В прошлом этот род праздников сопровождался полиелеосными службами,²⁰ состоящими из пения на утренях перед чтением Евангелия псалмов 134 и 135. Среди местных праздников ряд относится именно к полиелеосным: *Изосима, Никола, Параскева-Пятница*.

Своеобразие полиелеосных служб старообрядческого календаря состоит в том, что сосредоточивает внимание верующих прежде всего на днях памяти мучеников: свв. вмчч. čtyрeдeсяти, иже в Севастии (9. 03); св. мч. Савина (16. 03); свв. мчч. čtyрeдeсяти и пяти иже в Никополии (10. 07); свв. мчч. Киррика и Улиты (15. 07); св. мч. Иустина философа (1. 06); св. мч. Лукиана (3.06); св. мч. Акилины (13.06); сщмч. Евсевия, еп. Самосатского (22. 06); св. мч. Андрея Стратилата и иже с ним, пострадавших дву тысящ и пятисот и девяности и трех (19. 08); свв. мчч. Мины египтянина, Виктора и Викентия (11.11); св. прмч. Феодосии (29. 11); особо почитаемых в древлеправославии отцов Церкви Ефимия Великого (20. 01); Ефрема Сирина (28. 01); св. Кирилла, архиеп. Александрийского (9. 06); св. Николу, архиеп. Мир Ликийских, а также местных российских святых — св. блгв. кн. Александра Невского (23. 11); прпп. Зосимы, Савватия, соловецких чудотворцев, прп. Александра Свирского (30. 08).

Общие богослужебные соборные моления происходили в моленном доме. Еще в XIX в. службы были более продолжительными, чем у православных, так как сохранялась старая традиция богослужения, существовавшая в до-никоновской Церкви и во многом основанная на уставах древнерусских (Соловецкий и др.) собственно старообрядческих (Выговский) монастырей. Вместе с тем в различных старообрядческих общинах, особенно удаленных от конфессиональных центров (таковой являлась и карельская община), со временем и в ходе сложной эволюции учений, падении религиозной грамотности стали повсеместны расхождения в количестве и составе праздничных и повседневных богослужений, отдельных чинов, треб и даже часах их отправления.

Сказалось и влияние крестьянского образа жизни, поэтому вселетний год особым образом взаимодействовал с так называемым «народным» (крестьянским) календарем, характерный ритм которого был задан неизбежным и календарно привязанным чередованием будней и праздников согласно святам, с одной стороны, и местным аграрным традициям — с другой. Отсюда двусоставная избирательность в сложении местной системы праздников: старообрядческая, предпочитающая почитание мучеников, и крестьянская, выделяющая согласно христианскому преданию дни памяти тех святых, которые были помощниками в их труде и освящали все начальные и конечные даты крестьянского календаря.

Карельская составляющая богослужебной практики прежде всего отразилась на молитвенном слове. У преобладающей части *истинно верующих* в 1950-е гг., когда практически не осталось грамотных наставников и все кон-

²⁰ От полиелей — «многомилостив», которое происходит от повторения в этой части богослужения слов 135 псалма: «Яко в век милость Его» и возжения в это время елея в лампадах. См.: Барсов Н. Полиелей // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. / Отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1995. Т. 2. С. 361.

фессиональные связи с внешним старообрядческим миром были утрачены, знание молитв, богослужебных текстов, норм произношения при чтении и пении накладывалось на незнание или непонимание/недопонимание церковнославянского языка: «многие знали молитвы наизусть, с детства». Сложно сказать, как обстояли дела в XIX в., но, думается, будет уместным напомнить о карельских староверах XVII в., подвиги которых вызывали у Симеона Денисова — автора знаменитого «Винограда Российского» — бесконечное уважение. Его повествование «о девяти корелянах» — Никифоре, Панкратии, Иоанне, Григории, Неофите, Парасковии, Анне, Ксении и Акулине (гл. 65) — заканчивается следующим четверостишьем:

Корельстии люди мудро умирают;
Без письменно суще, предания знают;
Не боятся пламени, стоят за законы;
Все девять во огонь текут; да имут короны.²¹

Можно заключить, что незнание русского языка и неумение читать по церковнославянски («безкнижна суца») не являлось препятствием для духовного труда не только этих карельских старцев, но и сгоревших за веру более 100 карельских староверов Тихвищины XVIII в. и иноков нач. XX в., искавших спасения в молитвенном подвиге.

Общие моления, связанные с поминовением умерших, панихидами, девятинами, сороковинами и годинами; наличие нескольких моленных домов с *отче* и наставницами при них, т. е. моленных общин; различение старообрядческих и мирских часовен и кладбищ; функционирование библиотек с определенным кругом богослужебных и четьих книг и книгообмена, можно считать свидетельствами существования у тихвинских карел в прошлом и местного собора как независимого религиозно-социального института, венчающего структуру общины (как и в других старообрядческих группах).

На это указывает, как уже приходилось писать ранее, своеобразный, общий для всех тихвинских карел праздник *не в числах* — *Узмень, Узменка, Узменя* (названный так по месту сбора и проведения его на берегу реки Узменки). Удалось установить, что локальный *Узмень* являлся подвижным праздником Всех святых, приходящимся на первое воскресенье после Троицы. Совпадение праздника Всех святых с заговенами на строжайший апостольский Петров пост позволило предположить, что в прошлом это мог быть собор местных карельских староверов. Думается, что именно в подражание староотеческим образцам временем местного собора был избран один из соборных праздников — День Всех святых. Скорее всего, местный собор, как и большинство крестьянских, носил смешанный характер; когда-то в них участвовали для разрешения вероучительных вопросов, проблем религиозной и хозяйственной жизни общины *отче, книжницы и верующие* из стариков.

Соборная (общественная) служба была чрезвычайно важным фактором конфессионально-социального контроля в старообрядческой общине. Не случайно самым страшным наказанием для верующего было отлучение от собора, т. е. от участия в общей соборной молитве.

²¹ Денисов С. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисьевичем (князем Мышецким). М., 1906.

В. Г. ДОЛБНИН

ПРАВОСЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ СТРЕЛЬНЫ

Когда мы говорим о православных памятниках Стрельны, то прежде всего подразумеваем древнейшую на Северо-Западе России Спасо-Преображенскую церковь.

Как отмечали в журнале «Русская старина»: «Это небольшая деревянная церковь скромной сельской архитектуры, расположена на горе в довольно живописной местности».¹ Официально церковь освящена во имя Спаса Преображения Господня, но в архивных документах встречаются следующие варианты названия: в 1706 г. она была упомянута, как храм Преображения;² в 1721—1748 гг. — Преображенская церковь;³ в 1733 г. — Церковь Преображения;⁴ в 1742 г. — Церковь Преображения;⁵ в 1768 г. — Стрельнинская Спасо-Преображенская;⁶ в 1829 г. — Стрельнинская Спасопреображения Господня церковь;⁷ в 1837 г. — Стрельнинская Спасо-Преображенская;⁸ в 1845 г. — Придворная Спасопреображенская;⁹ в 1858 г. — Спасопреображенская;¹⁰ в 1859 г. — Стрельнинская Придворная во имя Спаса-Преображения церковь;¹¹ в 1911—1914 гг. — Стрельнинская придворная Спасо-Преображенская церковь.¹²

Датой основания церкви считался 1707 г.¹³ Некоторые путеводители относят дату ее основания к 1718 г.¹⁴ Правда, дата всегда указывалась без ка-

¹ Русская старина. Т. XLVII. 1885. Июль. С. 179.

² Надпись на антиминсе XVIII в. Антиминс — вестопрестольник (от греч. *ἀντί* (вместо) + лат. *mensa* (стол)) — освященный плат с изображением положения во гроб Иисуса Христа, на котором совершается Божественная литургия.

³ РГИА. Ф. 476. Оп. 4. Д. 325. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 476. Оп. 5. Д. 115, 1733. Л. 37.

⁵ Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 225, 1742. Л. 314.

⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

⁷ Там же. Ф. 495. Оп. 2. Д. 531, 1829. Л. 11.

⁸ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 69, 1837. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

¹⁰ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 787, 1858. Л. 50.

¹¹ Там же. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1531. Л. 28.

¹² Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 5652. Л. 22.

¹³ Юхнева Е. Д. «Церковь во имя Спаса Преображения Господня (Преображенская) была возведена в 1707 г. рядом с Петергофским дворцом» // Из Петергофа в Стрельну по Царской (Нижней) дороге. XIX век. Путеводитель. СПб., 2005. С. 333.

¹⁴ Путеводитель Стрельна. Константиновский дворцово-парковый ансамбль и исторические места. СПб., 2003. С. 63. Этой же версии придерживается и исследователь

ких-либо ссылок на подтверждающие документы. Некоторые авторы брали за точку отсчета 1708 г. Например, Н. Николаев в исторической справке «Здание бывшей церкви Преображения в Стрельне как исторический и художественный памятник» писал, что «первичный паспорт на церковь Преображения называет датой постройки церкви 1708 г.»; автор характеризует это здание как «редкий для Ленинградского района памятник деревянного зодчества начала XVIII в.».¹⁵ С небольшими вариациями объяснение сводилось к следующему: «Петр I построил здесь деревянный дворец, а неподалеку от дворца в 1708 году (непонятно, почему именно в этом году. — В. Д.) деревянную церковь».¹⁶ Иногда исследователи обращались к вещественным доказательствам: «В 1708 году церковь была освящена», как значится на старинном антиминсе, «Варлаамом, митрополитом Киевским и Галицким, церковь посвящена Преображению Господню с приделом во имя Св. Николая Чудотворца».¹⁷ Но через страницу мы читаем: «...к достопримечательностям церкви относится старый антиминс, освященный в 1706 г. Киевским митрополитом Варлаамом».¹⁸

Попробуем обратиться непосредственно к «старому антиминсу», на который ссылаются исследователи. Вверху на антиминсе вышито: «...Божественный алтарь Господа и Спаса нашего Иисуса Христа освящен благодатию всесвятото и животворящего Духа, рукодействован и благословлен православным, милостию Божью архиепископом, митрополитом Киевским, Галицким и всея малые Россия Варлаамом, при державе пресветлейшего, державнейшего и благочестивейшего Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белья России самодержца. В лето от создания мира 7214, от Рождества Христова 1706 месяца марта 21». Внизу: «Во еже на нем священнодействовати Божественную литургию во храме Преображения, что при доме Царского Величества в Стрельной мызе»; ниже бордюра: «Варлаам, митрополит Киевский»; и еще ниже: «и положися в лето 1708 февраля в 20 день протопопом Алексеем Васильевым собора Исаакиевского».¹⁹

Последняя дата — дата «положения» антиминса в церковь, по-видимому, и смущала исследователей, но нам для ответа на вопрос о времени основания

С. Б. Горбатенко: «Деревянная Спасо-Преображенская церковь была построена в 1717—1718 гг. (*Горбатенко С. Б.* Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 141). При этом ссылка дается на «правильную дату освящения — 1718 г., определенную сотрудником дворца Петра I в Стрельне А. С. Терентьевым ... на основании надписи на антиминсе» (Там же. С. 142). Но на антиминсе нет даты 1718 г. На нем четко указано, что он был освящен в 1706 г. «для священнодействия Божественной литургии во храме Преображения, что при доме Царского Величества в Стрельной мызе», а «...положися в лето 1708, февраля». Вызывает также недоумение утверждение С. Б. Горбатенко, что «надпись на стороне антиминса, судя по всему, относится ко времени освящения в Петербурге первой Исаакиевской церкви» (Там же. С. 142). И несколькими строчками выше: «Исаакиевская Церковь была перестроена из Адмиралтейского собора в 1707 г.» (Там же. С. 141). Так какую же из трех дат на самом деле выбирает автор?

¹⁵ Николаев Н. Здание бывшей церкви Преображения в Стрельне как исторический и художественный памятник. Историческая справка. Л., 1940. НА КГИОП, Н-2872. С. 4.

¹⁶ Лавры, монастыри и храмы на святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. Вып. V. СПб., 1908. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Там же.

храма не важно, когда в нем был положен антиминс. Главное, что он был освящен в 1706 г. для уже действовавшей церкви Преображения, «что при доме царского Величества в Стрельне». Ту же дату сообщает в 1837 г. и протоиерей Спасо-Преображенской церкви Петр Турчанинов: «...святое место должно отличаться от прочих частей церкви, тем более что храм своею древностью, антиминс, освященный еще в 1706 г., свидетельствует, что храм сей существовал уже в то время и был домовою церковью Великого Государя Петра I, и он заслуживает особенного внимания».²⁰

Это самое раннее найденное нами документальное свидетельство о существовании (но не основании) храма. Строительный сезон в Петербурге обычно начинался в апреле—мае, в зависимости от погоды, и если храм «существовал» в марте 1706 г., то построен он был не позднее осени 1705 г. Обратим внимание, что в обоих случаях приведенные документы связывают Спасо-Преображенскую церковь с домом Петра I, причем в несколько подчиненном значении: «при доме». Это позволяет предположить одновременное, а возможно даже с некоторым опережением, строительство деревянного дома Петра I и «при нем» возведение обязательного атрибута — домовою церкви. Такие простые деревянные церкви — «обыденки» — возводились бригадой плотников иногда за один день.

Освящение церкви могло последовать 6 августа 1705 г., в праздник Преображения Господня. На сегодняшний день эта дата является наиболее ранней из подтвержденных сроков постройки «деревянного дома» (Деревянного дворца Петра I. — *В. Д.*) и церкви Спасо-Преображения.

Церковь во имя Спасо-Преображения Господня при Петре I, как и само поселение Стрельна, целиком зависели от возведения дворцово-паркового ансамбля. Торжественная закладка дворца, бывшего основой всей композиции, состоялась 16 июня 1720 г. В Риме в Академии Святого Луки в составе коллекции архитектурных чертежей сохранились и оригинальные планы Н. Микетти Стрельнинского дворца.²¹ При их внимательном рассмотрении замечаешь отсутствие во дворце специального церковного помещения. Да и вообще, была ли задумана Н. Микетти церковь в Стрельне? Для ответа на этот вопрос вернемся в 1722 г., когда Петр I затребовал в Москву оригиналы и копии всех сколько-нибудь значительных архитектурных сооружений Петербурга. Так, Д. Трезини послал со своим учеником В. Зайцевым оригиналы чертежей Петропавловского собора и «Меру дела иконостаса». От Н. Микетти кроме общих копий чертежей Стрельны и Екатериненталя и других построек к Петру I были также посланы «чертежи церквам в Петергофе и в Стрелиной мызе, кои нарисовал архитектор Микеттий...».²²

В собрании отдела рисунков Государственного Эрмитажа действительно есть два варианта чертежей Н. Микетти с изображениями фасада, плана и двух разрезов церкви-ротонды «А» и «В».²³ И. Э. Грабарь считал оба этих варианта, незначительно отличающихся друг от друга, проектом церкви для Василь-

²⁰ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 69, 1837. Л. 1.

²¹ Archivio storico dell' Accademia nazionale di San Luca. N 2154—2157.

²² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Ч. I. Кн. 61. Л. 231.

²³ Западный фасад церкви-ротонды (вариант А) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4276. План церкви-ротонды (вариант А) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4277. Продольный разрез церкви-ротонды (вариант А) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4275. Продольный разрез церкви-ротонды (вариант В) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4278.

евского острова и датировал их 1723 г.²⁴ Затем, основываясь на мнении И. Э. Грабаря и архивном документе, гласящем, что Н. Микетти принимал участие в конкурсе проектов церкви для Васильевского острова,²⁵ исследователь Петровского времени М. В. Иогансен определила назначение чертежей как конкурсных проектов.²⁶

Но, как мы знаем, Н. Микетти не только принимал участие в конкурсе на строительство церкви для Васильевского острова, но и исполнил и отослал Петру I проекты церквей для Стрельны и Петергофа. Так как природные условия этих пригородов были очень схожи, нет ничего удивительного в том, что проекты церквей для них могли иметь лишь незначительные различия. Обе церкви в плане круглые, ведь еще в «Пунктах, каковы даны директору от строений У. Синявину в 1721 г., что надлежит делать в Петергофе и доделать», в пункте № 16 Петр I настаивал на создании в Стрельне и Петергофе именно круглых церквей. «Церквам в Питергофе и Стрелиной сделать чертежей, а особливо круглых»,²⁷ — требует он в начале 1722 г. В июне 1722 г. У. Синявин просит кабинет-секретаря А. В. Макарова сообщить «чертежи церквам в Питергофе и в Стрелиной мызе, кои рисовал архитектор Микеттий... Е. И. В. объявлены ль и по оным повелено ль делать или нет...».²⁸ По-видимому, чертежи настолько соответствовали желанию Петра I, что У. Синявин заранее начал заготавливать материалы для строительства круглой церкви в Петергофе и ждал только указа начинать работы.²⁹ Это подтверждает и «Ведомость» архитектора М. Г. Земцова, составленная предположительно в январе 1725 г. В ней М. Г. Земцов напоминает, что «Его Императорское Величество изволил указать в Петергофе строить святую церковь по чертежам, в которых внутри указал сделать круглые столбы (колонны. — В. Д.) из олонецкого камня».³⁰ Планы церквей для Стрельны и Петергофа почти тождественны плану церкви Св. Петра в Загороло (около 30 км от Рима), заложенной по проекту Н. Микетти в июне 1717 г. Оба плана круглые, центричные, с резко выделенной алтарной частью, восьмистолпные, с мощными контрфорсами по окружности. Создается впечатление, что Н. Микетти, выполняя распоряжение Петра I, взял за основу проверенную на практике в Загороло композицию храма, перенес ее в Стрельну, слегка видоизменив применимо к иным ландшафтным и климатическим условиям. В 1986 г. один из лучших археологов по городской тематике В. Коренцвит, сопоставив проектные чертежи Н. Микетти с генеральным планом Петергофа 1739 г., точно указал в Нижнем саду место ее предполагаемого возведе-

²⁴ *Грабарь И. Э.* Архитекторы-иностранцы при Петре Великом // О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников. М., 1969. С. 280.

²⁵ Подробно о конкурсе см.: *Долбин В. Г.* Один из первых архитектурных конкурсов в Петербурге // Эстетические проблемы советской архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. Л., 1979. С. 79—83.

²⁶ *Иогансен М. В.* Работы Доменико Трезини по планировке и застройке стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1973. С. 45—46.

²⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Оп. 2. Ч. III. Кн. 57. Л. 162 об.

²⁸ Западный фасад церкви-ротонды (Вариант А) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4276. План церкви-ротонды (вариант А) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4277. Продольный разрез церкви-ротонды (вариант А) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4275. Продольный разрез церкви-ротонды (вариант В) ГЭ ОИЗЕИ ОР № 4278. Л. 259.

²⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Оп. 2. Ч. III. Кн. 57. Л. 259.

³⁰ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 19. Л. 119.

ния. «...Сопоставление проектных чертежей Н. Микетти с его генеральным планом Петергофа убеждает, что церковь собирались поставить в Нижнем саду. Из этого можно заключить, что утвержденные проекты Микетти были назначены на плане и даже размерены на плане».³¹ Церковь с острым тонким шпилем не годилась как ориентир для террасы в Петергофе и должна была занимать явно подчиненное место в Стрельне по сравнению с громадой дворца и люстгаузами — доминантами продольных аллей Нижнего парка, тем самым не нарушая композиционной целостности обеих ансамблей.

Но где же собирались поставить церковь в Стрельне? Молчат об этом известные на сегодняшний день архивные документы, отсутствуют пометки на многочисленных планах. И только анализ задуманного Петром I развития ансамбля позволяет утверждать, что ее строительство намечалось на месте старой Спасо-Преображенской церкви. Деревянная и сильно обветшавшая, она явно не соответствовала монументальности «растущего дворца» и преобразуемой местности. Задуманная же в одной стилиевой тональности с дворцом, новая церковь органично входила в общий ансамбль, состоящий не только из собственно дворца и Нижнего и Верхнего парков, но охватывающий значительную преобразуемую территорию вокруг него.³²

Смерть Петра I повлекла за собой отказ от активного возведения дворца и преобразования территории вокруг него, создав уникальную ситуацию для автономного бытия церкви, просуществовавшей почти 250 лет. Осенью 1941 г. церковь во имя Спаса Преображения была уничтожена во время боевых действий.

³¹ *Коренцвит В. А.* Ранний план Петергофа из Стокгольмского Национального музея, как исторический источник / Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник. Л., 1984. С. 503.

³² Впервые версия о «возможности одного из этих проектов круглых церквей для Стрельны и Петергофа, изображенных на находящихся в Эрмитаже чертежах (фасад и план архитектора Н. Микетти)» была высказана Н. Николаевым (*Николаев Н.* Здание бывшей церкви Преображения в Стрельне как исторический и художественный памятник. Историческая справка. Л., 1940. НА КГИОП, Н-2872. Л. 8). Документально доказанная атрибуция проектов церквей (ГЭ ОИЗЕИ № 4725-4728), созданных Н. Микетти именно для Стрельны и Петергофа, была высказана автором в 1982 г. в диссертационном исследовании (*Долбнин В. Г.* Творческая жизнь архитектора Н. Микетти. Дис. ... канд. архитектуры. Л., 1982. С. 65—66. См. также список к диссертационному исследованию. № 61).

Утверждение, что это были проектные чертежи для перестройки именно «старой Спасо-Преображенской церкви», опубликовано автором в 2007 г. (*Долбнин В. Г.* История Стрельны. СПб., 2007).

V. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

Д. В. РУДНЕВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ТИПОГРАФИИ ПРИ АРТИЛЛЕРИЙСКОМ И ИНЖЕНЕРНОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Артиллерийский и инженерный кадетский корпус, подобно другим кадетским корпусам, в XVIII в. имел свою типографию, но история ее организации и функционирования практически неизвестна — в отличие от типографий Сухопутного кадетского и Морского кадетского корпусов, история которых в XVIII в. на настоящий момент описана достаточно полно. Настоящая статья призвана восполнить существующий пробел.

Отвечая в 1773 г. на запрос Сената об основаниях, на которых действует типография при корпусе, канцелярия Артиллерийского и инженерного корпуса сообщила, что типография была открыта в 1759 г. по прошению генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова «для печатания книг и прочаго (во всем на таком основании на каком онаия при Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе состоит)».¹ Однако никаких данных о том, была ли действительно открыта типография в 1759 г. и что именно она печатала, в нашем распоряжении нет. По-видимому, если типография и была организована, то быстро пришла в упадок и была закрыта.

Новый генерал-фельдцейхмейстер Александр Никитич Вильбоа 8 января 1765 г. велел канцелярии корпуса «для печатания на разных языках исторических и математических книг при сем корпусе учредить типографию немедленно». Своим приказом А. Н. Вильбоа назначил фактором типографии Ивана Ноака с жалованьем 300 руб. в год, а от канцелярии корпуса требовал «приискать» и представить ему, «какие к тои типографи еще служители потребны и с каким жалованьем».²

В мае 1765 г. канцелярия доносила Григорию Орлову, что ею был отправлен запрос в Академию наук относительно того, сколько необходимо работников для обслуживания двух станов и какова должна быть оплата труда. Академическая

¹ Подобные запросы получили все ведомственные типографии, в том числе типографии Сухопутного и Морского корпусов. (См.: Самарин А. Ю. «Под каким присмотром и цензурою печатание книг происходит»: Типографское дело и цензура в России эпохи Просвещения // Новое литературное обозрение. 2008. № 4 (92). С. 362).

² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. 1765 г. Оп. ШГФ. Д. 1685. Л. 144.

канцелярия отвечала, что для двух станов необходимы один наборщик, три ученика, три тередорщика, шесть батырщиков. Годовое жалованье наборщика на иностранных языках по штату должно составлять 180 руб., наборщика на русском языке — 100 руб., ученика наборщика — 50 руб., тередорщика — 80 и 75 руб., батырщика — 60 руб., «о(д)накож производитца наборщикам иностранным по учиненным с ними договорам, а Российским по усмотрению их искусства трудов, а тередорщикам и батырщикам смотря по работе и прилежности».³

Помимо прочего канцелярия корпуса просила у Академии наук направить академических типографщиков для работы во вновь учреждаемой типографии. В своем ответе канцелярия Академии наук сообщала: «...чтож касаетца до отпуску потребных типографических служителей то оных при академической типографии еще недостает, а о(д)нако на первой случаи о(д)ного тередорщика и батырщика о(т)пустить мо(ж)но».⁴ Получив отказ в отпуске типографских служителей из Академии наук, канцелярия Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса вынуждена была искать необходимых для работы типографщиков в других местах.

В апреле 1765 г. в канцелярию обратились бывшие типографские служащие Сухопутного кадетского корпуса Иван и Александр Сафоновы с предложением своих услуг: оба они «за распределением ныне состоящей в том корпусе типографии ... остались излишние, для чего сделанными о(т) онаго корпуса апшитами и атестатами о(т)пущены ко определению в другое место».⁵ Армейский сержант Иван Сафонов готов был выполнять должность старшего наборщика «как Российскаго так и на иностранных языках, и то(му) обучать учеников, и сверх того корректорскую должность на российском и немецко(м) языке исправлять», прося за работу 180 рублей в год и «сверх того квартиру и дрова».⁶ Александр Сафонов предлагал себя на место «старшего наборщикьего ученика».

Сафоновы представили аттестаты за подписью майора Сухопутного кадетского корпуса Е. Харламова о том, что ранее они выполняли функции наборщика и старшего ученика в типографии Сухопутного корпуса. Аттестат, выданный 31 января 1765 г. Ивану Сафонову, свидетельствовал, что «он будучи в бытнос(ть) в деле своем был прилежен и исправен, так что многих обучил наборному художеству, как при типографии онаго корпуса, так и взятых в типографию ж Государственной военной ко(л)легии учеников, которые ныне из них находятся старшими и младшими наборщиками». Вел себя Иван Сафонов «добропорядочно», «в штрафах и подозрениях не бывал и к произвождению чина достоин».⁷ Аттестат Александру Сафонову был выдан в апреле того же года, в нем говорилось, что Александр «в деле своем был прилежен и исправен, набирает как по российски так и на иностранны(х) языка(х) нарочито, и вел себя добропорядочно в штрафа(х) и подо(з)рения(х) не бывал».⁸

Типографию смущала запрашиваемая Иваном Сафоновым плата за труд (180 руб.), так как в Сухопутном корпусе ему платили всего 50 рублей, и до 20 рублей он зарабатывал каждые два месяца с напечатанных листов; кроме того, корпус обеспечивал его квартирой и дровами. Александр Сафонов полу-

³ Там же. Л. 144 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 145.

⁷ Там же. Л. 147.

⁸ Там же. Л. 146.

чал в Сухопутном корпусе 15 рублей в год и зарабатывал примерно 3 рубля каждые два месяца с напечатанных листов. Канцелярия оставляла решение вопроса о том, какое жалование следует платить Сафоновым, на усмотрение Г. Г. Орлову, добавляя от себя, что «как таковых знающих и уже при самом деле употребляемых людей сыска(т) не бес трудности, а буде вновь обучать то также и на то потребно время; то о(з)начен(н)ых служители в разсуждени знания их типографического художества и что и когда таковых в нужном случае, когда типография совсем учреди(т)ца, достать будет неможно, определить канцелярия за нужное признаует».⁹

В июне в типографию был определен писарем Тимофей Бортнев, ранее исполнявший ту же должность в канцелярии. В августе 1764 г. Бортнев учинил побег, был пойман, высечен и в качестве наказания определен к службе в артиллерийских полках. Однако канцелярия предлагала заменить службу в артиллерийских полках на должность писаря в типографии для ведения типографских приходных и расходных книг.¹⁰

Еще один вопрос, который необходимо было решить канцелярии Инженерного и артиллерийского кадетского корпуса для организации работы типографии, был связан с приобретением шрифтов. Канцелярия обратилась с заказом на изготовление русских шрифтов в Московский университет, однако выполнение заказа должно было занять значительное время, поэтому Григорий Орлов предложил купить необходимые для начала работы шрифты в Морском кадетском корпусе.¹¹ Канцелярия спешила с началом работы типографии, поэтому Морской корпус предложил купить шрифты, уже бывшие в употреблении, сделав на них скидку. По представлению фактора Ноака, для начала печатания было необходимо приобрести 4 алфавита «доппель цицера», 6 алфавитов «парагона антиквы прописной», 1 пуд «терции антиквы прописной и строчной», 8 пудов «гроб цицера прописной и строчной», 2 пуда «антиквы прописной и строчной» и 5 фунтов «украшеньев разных сортов» — всего на 253 руб. 50 коп.¹² Кроме списка шрифтов Иван Ноак представил реестр того,

⁹ Там же. Л. 145—145 об.

¹⁰ Там же. Л. 178—178 об.

¹¹ Следует заметить, что типография Морского кадетского корпуса регулярно получала заказы на отливку шрифтов от других типографий. Так, в апреле 1777 г. по заказу сенатской типографии было отлито двадцать пудов литер миттель антиква на 400 рублей. (Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 1. 182. Л. 18). В 1776 г. типография отпустила в типографию Правительствующего Сената 40 пудов литер миттель антиква и гарт на 1060 рублей. (РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 102. Л. 52—52 об.; РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 168. Л. 16; РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 249. Л. 4). В 1768 г. было отлито 22 пуда литер гроб цицера (на 2 листа) для типографии Военной коллегии; заказ обошелся в 572 руб. Литеры изготавливались для Военной коллегии также в 1765, 1775 и 1779 гг. (РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 18. Л. 263). В 1775 г. для типографии Военной коллегии было отлито 28 пудов 30 фунтов литер гроб миттель, 10 пудов 5 фунтов литер корпус антиква всего на 939 руб. 50 коп. (РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 140. Л. 1; РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 147. Л. 2). В 1779 г. для типографии Военной коллегии было отлито 2 пуда 12 фунтов латинских литер «называемых цицера антиква» на 59 руб. 80 коп. (РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 227. Л. 31). В 1778 г. были проданы российские, латинские и немецкие шрифты титулярному советнику Ивану Вейдемейеру на 11 рублей 53 $\frac{3}{4}$ копейки (РГАФМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 227. Л. 28).

¹² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. 1765 г. Оп. ШГФ. Д. 1685. Л. 166. Образцы шрифтов содержатся в «Реестре всем азбукам, знакам и типографским украшениям, которых

что еще необходимо для работы типографии. Примечательно, что список начинается с перечисления необходимого персонала (обученного ученика, двух типографщиков или тередорщиков, четырех новых учеников и сторожа) и продолжается списком необходимых вещей — кассы для литер, наборные доски, скамейки и проч.¹³

17 августа 1765 г. канцелярия доносила, что корпусная типография «для печатания на российском языке книг ... учре(ж)дена, и состоит в такой готовности, что и печатание книг начать бы мо(ж)но было», однако нет цензора.¹⁴ Григорий Орлов предложил поручить эту должность профессору Якову Иоганну Урсинусу, преподававшему в корпусе историю и географию.

При поступлении на должность учителя истории и географии в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус Яков Иоганн Урсинус, имевший звание «философи магистра», поставил условие перед канцелярией корпуса, что подпишет контракт «с тою кандициею что(б) ему от академии профессорской градус дан был». По прошению А. Н. Вильбоа, 18 июня 1764 г. 10 академиком проэкзаменовали Урсинуса и решили, что ему «чин Профессора дать можно», о чем был дан подписанный ими аттестат.¹⁵ После этого Урсинус подписал контракт с корпусом на один год.

В корпусе были довольны его преподаванием. Рапортом на имя Г. Г. Орлова от 7 июля Матвей Бегичев доносил, что Урсинус «с начала ево в корпус определения, то есть прошлаго 764 года августа с 21 числа, находящи(х)ся в ево класе кадет обучает прилежно з довольным показанием, о(т) чего во обучени оны(х) и хорошей успех происходит». Но сам Урсинус условиями работы в корпусе не был доволен. По контракту он помимо жалованья должен был получить от корпуса казенную квартиру. Однако «за помещением вступивших во онои корпус афицеров и определенных по кантрактам учителей» свободных казенных квартир не было, поэтому Урсинусу приходилось снимать себе жилье, на что у него уходило, по его словам, больше 7 рублей в месяц. В мае 1765 г. канцелярия корпуса обратилась к профессору истории и географии с вопросом, намерен ли он продолжать свою службу в корпусе, но тот увязывал свое согласие с решением вопроса о квартире, требуя выдавать ему от 6 до 7 рублей в месяц на квартиру. Канцелярия уговаривала, «что(б) он те(х) денег взял менее», однако Урсинус на это не соглашался.¹⁶ 22 августа 1765 г. Урсинус обратился с доношением непосредственно к Григорию Орлову, объясняя ему свой отказ продолжать службу в корпусе на прежних условиях; канцелярии же он заявил, что если он не будет удовлетворен в своих требованиях, то после 1 сентября 1765 г. перестанет обучать кадет.¹⁷

Видимо, вопрос о квартире для профессора истории и географии был каким-то образом решен, потому что 8 октября 1765 г. Григорий Орлов предложил канцелярии продлить с Урсинусом контракт еще на год, «с тем чтоб он при получении пре(ж)няго жалованья и исправления до(л)жности взял на себя и

при типографии Морского шляхетного кадетского корпуса находятся». (Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. 1765 г. Оп. ШГФ. Д. 1685. Л. 165—165 об.).

¹³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. 1765 г. Оп. ШГФ. Д. 1685. Л. 166 об.—167.

¹⁴ Там же. Л. 208.

¹⁵ Там же. Л. 214—215.

¹⁶ Там же. Л. 141—141 об.

¹⁷ Там же. Л. 212—212 об.

на(д)сматривание типографии». ¹⁸ Однако Урсинус на это не согласился. Вместо этого он составил «Примерное расположение типографии состоящей из двух станов» (см. *Приложение*), в котором подробно описывал порядок работы типографии. В «Расположении» было шесть пунктов: 1) «Писмена», 2) «Станы», 3) «Всегдашней снаряд для наборщиков», 4) Художники и им жалованья в год», 5) «Полза о(т) типографии состоящей и(з) дву стано(в)», 6) «Книги печатающиеся на счет типографии и от оных прибыль». По расчету Урсинуса вышло, что типография из двух станов может давать в год дохода на 4838 руб. 45 коп. Если из этой суммы вычесть 1200 рублей на оплату переводов (из расчета 240 листов по цене 5 руб. за лист), то чистая прибыль должна составить 3638 руб. 45 коп. «Из оных денег, — писал Урсинус, — можно определить типографи директору пристойное жалованье, а зато ему сверх назирания над типографиею старатся доставать для печати поле(з)ныя и росхожия кнги и притом ра(з)сматривать и(х) содержания чтобы чего противнаго не было для общества». ¹⁹ Составленный Урсинусом штат типографии показывает, что его автор был очень хорошо знаком типографским делом и дает возможность предположить, что ранее он был каким-то образом связан с одной из ведомственных типографий.

Судя по всему, канцелярия корпуса проигнорировала составленный Урсинусом штат типографии. 12 октября 1765 г. Урсинус писал в канцелярию корпуса, что не может принять на себя смотрение за типографией, пока не получит от Григория Орлова регламента, «по которому бы ... можно было разпоряжать ... дела, и зна(ть), каким образом ... надлежит поступать, а сие более для того, что план ... типографии оставлен без конфирмации». ²⁰ Кроме того, Урсинус отмечал в своем доношении, что не может взять на себя предлагаемые обязанности без увеличения жалованья. «Почтенной Канцелярии, — писал Урсинус, — также не бе(з)известно, что получаемое мною жалованье должен был заслуживать по крайней мере двояким против другаго трудом: и, конечно, бы не мог им довольствоватися, естли бы не присовокуплял к оному посторонних доходов, а ныне, зделафшис надзирателе(м) типографии, мне уже не останется времени к продолжению оных». Чем закончилось препирательство Урсинуса с канцелярией корпуса и Григорием Орловым, из архивных документов неизвестно. Имя Урсинуса позже всплывает в связи с работой Уложенной комиссии в Москве, где он представлял дерптское дворянство и проявил себя как защитник дворянских привилегий.

Так или иначе, типография Артиллерийского и инженерного корпуса начала работать. Из «Сводного каталога» известно о четырех книгах, изданных в 1765—1766 гг.: в 1765 г. были изданы «Подлинное известие о славнейшей крепости называемой Склонность» Г. А. Беклера ²¹ и «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды» Христиана Вольфа ²² (обе в переводе директора корпуса Матвея Бегичева ²³), коме-

¹⁸ Там же. Л. 252.

¹⁹ Там же. Л. 256.

²⁰ Там же. Л. 257.

²¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725—1800. В 5 т. М., 1962—1966. № 457.

²² Там же. № 463.

²³ Матвей Семенович Бегичев (1723 или 1724—после 1791) получил в 1762 г. чин капитана, в 1764 г. был назначен директором Артиллерийского и инженерного кадет-

дия «Опекун» А. Сумарокова;²⁴ в 1766 г. — «Французской бомбардир» Б. Ф. де Белидора.²⁵ О последней книге известно, что она была издана на средства Григория Орлова тиражом 520 экземпляров и обошлась в 397 руб. 57 ¼ коп.²⁶ Книга продавалась при корпусе по цене 2 руб.²⁷ В ноябре 1767 г. Григорий Орлов предложил канцелярии корпуса раздавать изданную им книгу офицерам корпуса бесплатно. Кроме книг в типографии печатались патенты.²⁸

В 1767 г., «в разсуждении пришествия заготовленных станов, литер и других типографических вещей в ветхость», печатание книг в типографии прекратилось, а «находящиеся при ней служители тогда ж распущены».²⁹ Типография не функционировала с 1767 до начала 1773 г.: 23 января 1773 г. она была отдана на содержание Иоганну Карлу Шнору «до тех пор, покамест корпус оную обратно на собственное содержание взять пожелает». Согласно договору, И. К. Шнор был обязан представлять все печатаемые им по частным заказам книги на предварительную цензуру канцелярии, которая для этого определила трех человек.³⁰

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕРНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ТИПОГРАФИИ СОСТОЯЩЕЙ ИЗ ДВУ СТАНОВ³¹

За главные вещи в типографии почитаются писмена стано(в), принадлежащие к тому припасы и снаряд, потом потребныя художники, а наконец бумага и для произведения в печать кнги.

Писмена получаютя здесь за наличную плату из академии наук, где нарочно для оных учреждена словолитная.

ского корпуса и пробыл в этой должности до февраля 1776 г., когда был переведен в артиллерию полковником. Служил в Москве, а затем в Киеве. В 1786 г. получил звание генерал-поручика (*Севастьянов А. Н.* Бегичев Матвей Семенович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 (А—И). Л., 1988. С. 73—74). Отмечаемый историками вклад Матвея Бегичева в дело организации типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса подтверждается архивными материалами.

²⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725—1800. Т. 1—5. М.: Книга, 1962—1966. № 1155.

²⁵ Там же. № 7012.

²⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. 1767 г. Оп. Ген. Пов. Д. 780. Л. 2.

²⁷ Санктпетербургские ведомости. 1767. № 23 (20 марта).

²⁸ Фактор Иван Ноак в доношении в корпусную канцелярию от 3 августа 1765 г. писал, что для набора «высочайшего титула» в патентах для генералитета и штаб-офицеров необходимо купить «россииски(х) литер малаго канона допельт цицери парагону прописнаго и терци прописной каждаго сорта на один раз, да сверх того парагона антиквы строчнаго с цыфрами и протчими к ней прина(д)лежностьюми один пу(д)» (Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. 1765 г. Оп. ШГФ. Д. 1685. Л. 209).

²⁹ *Самарин А. Ю.* «Под каким присмотром и цензурою печатание книг происходит»: типографское дело и цензура в России эпохи Просвещения // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 4 (92). С. 362.

³⁰ Там же.

³¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. 1765 г. Оп. ШГФ. Д. 1685. Л. 253—256 об.

Станы и снаряд делаются с подряду, а прочие припасы покупаются повольною ценою.

Художники наперед обучаются типографско(му) художеству в исправны(х) типография(х), а потом допускаются к делу и сами после обучают других.

Бумага покупается или здесь, или выписывается из-за моря.

Книги печатаются или на счот посторонни(х) ис платежа типографи обыкновенно(и) цены, или на счот само(и) типографи, и в таком случае типография сама известное платит за сочинение или за перево(д), а иногда случаетца, что сочинители или переводчики и бесплатны, а толко из одно(и) похвално(и) чести труды свои дарят типографии.

Ї

Писмена

л. 253 об. Сколко бы типография мала ни была, однако надлежит // в ней иметь по несколку всех употребляемых в типография(х) писмен; а тех, кои часто употребляются, по крайне(и) мере каждого звания на три листа, для того чтоб один лист был в печати, другой во поправлении, а третей в наборе, и таким образом печатание происходит может беспрерывно; прочи(х) же писмен как на примечании и на ссылки, так для предисловии и приписани по полулисту, а заглавны(х) и (д)ля надписей слов по десяти, математических разных знаков половинчатых цифров и типографски(х) украшениях по несколку строк и так полага примерную цену.

За писмена

ведомостныя за 3 листа	720 ру
артилериския за 3 листа	240
за средния за 3 листа	180
корпус за ½ листа	200
ведомостныя курзиф на ½ листа	120
артилериския	80
секунды за 1 лист	80
за главныя	40
за математическия знаки половинчатыя цифры и типографическия украшения	180

л. 254 об.

учинить всего 1840

.2.

Станы

По самой дорогой цене один стан стоит 150 ру.; а два 300

.3.

Всегдашней снаряд для наборщиков

16 касс или ящиков для писмен	80 //	л. 254
3 реала, на чем лежат кассы	30	
6 медных верстатеи	9	
6 щемляков	2	
2 дюжины шилье(в)	1 ру 20 ко	
2 дюжины наборных досок ра(з)ны(х) мер	6	
Жести на линейки	2	
1 дюжина скамеи наборных	6	
	<hr/>	
	всего	436 ру 20 ко

Снаряд для станов

1 дюжина рам железных	24	
½ дюжины скамеи смывальных	3	
на прочие мелочные припасы	24	
1 куб для алифы	12	
1 чугунной котел на щолок	3	
1 медная лахань	12	
	<hr/>	
	всего	78

Временныя припасы

масло лняное и деревянное, сажа галанская, поташь, кожи бараньи и сыромятные, волосы коневьи, веревки, шнур, квасцы, деревья на мацы, мел муки на клестер, марзаны, щети, ведра, корыты, лахани, мыло, шпоны, карту(з)ная бумага

на все в год	240
на переливку писмен в год	200

.4.

Художники и им жалованья в год

Фактор, которой имеет смотрение над типографиею и оныя за приходом и расходом	300	л. 254 об.
Корректор	250	
2 наборщика по 120 ру	240	
4 учйкa по 36 ру	144	
3 тередорщика по 48 ру	144	
3 батырщика по 36 ру	108	
1 помощник факторской из (з)нающих тередорщико(в), он же смотрит и за установлением стано(в) и приготовление(м) чернил	100	

1 сторож	24
	1306
Для такой типографии потребно четыре покоя магазин и кухня, за оныя положить можно в год	200
На дрова и свечи	100
На разныя починки да на временныя припа- сы и переливку	60
литер, о че(м) выше показано	440
	2106

.5.

Полза о(т) типографи, состоящей и(з) дву стано(в)

Если будет непрерывное печатание кнѣг то каждой мѣс набором ставить можно до дват- цати листов, считая за набор каждого листа по 3 ру	60
А отпечатывать в мѣс до 21 000 листов, счи- тая по 1 ко за лист всего учинит	240
	3600
А в го(д) всего учинит(т)	3600
Для лучшаго ж побуждения к прилежанию наборщикам с учениками можно давать сверх жалованья до 1 ру с ли(с)та, что учинит в год	240
А печатникам по рублю с тысячи листов, а в го(д) учинит	288
	528
Всего	528
Жалованья им и на припасы	2106
	2634
Вычтя из верхняго числа	2634
	966 ру
Остается за все(м) прибыли	966 ру

л. 255

И на оплату за писмена, стан и прочия всегдашние припасы, на кои упот-
ребить должно, на первой случаи 2354 ру.; что в три года может во(з)вратится,
и за тем еще останется 544 ру.; а пото(м) каждой год приходит будет прибыли
по 966 ру: ис чего можно будет распространять типографию далее.

NB чрез всякия пять лет следует переливать употре(б)ляемая часто и о(т)
того повредившияся писмена, на что выше положено 200 ру: на го(д), а в пять
лет учинит 1000 ру:

Сие положение показывает единственно типографские расходы и приходы, так как бы типография не для себя единственно, но для посторонни(х) печатала, и для того тут о бумаге ничего не упомянуто, ибо желающия что печата(т) на свои счет бумагу сам ставить может, какую похочет, то(л)ко каждой заво(д), то есть на 1200 листо(в), должно ему // наддавать по 100 листо(в), ис коих употребляется бумага на корректуры, при правки, ⟨нрзб⟩ на подкладку при печатании, на оборот и на кладку назад по 24 листа, коими по напечатании к̄нги случающияся неполныя э̄земпляры наполняются и переменяются драные, мораные и порченые листа, а оставшиися употребляются на ро(з)дачу в награждение трудящимся над тою к̄нгою, тож разуме(т) должно о таки(х) к̄нгах, кои печатаются и на само(и) типографской сче(т).

.б.

Книги, печатающияся на счот типографии, и от оных прибыль

Когда же типография печатать к̄нги на свои счот, то сверх о(б)явленнаго положения потребно ей иметь и свою бумагу.

Н̄е во всех почти типографиях употребляется на печатание к̄нг двоякая бумага российская комментарная, которой продается стопа по 1 ру: 15 ко: да заморская комментарная стопа по 3 ру: 15 ко:, а печатается на ни(х) обыкновенно на перво(и) по 1000, а на второ(и) по 200 э̄земпляро(в), что называется завод.

И так в год потребно иметь Российско(и) комментарно(и), считая стопу в 500 листо(в), 560: стоп

За ни(х) учинит	644 ру	
Заморско(и) ко(м)ментарной, считая стопу в 450 листов, за тем что верхняя и исподняя дести за негодностию выбрасывается, 29 стоп, а за них учинит	91: 55	
	<hr/>	
И того за бумагу	735 ру: 55	л. 256
Напечатанныя же к̄нги без отягощения о(б)щества продава(т) можно на российской комментарно(и) бумаге лист по три копе(и)ки, а за все учинит	7200	
на заморской комментарно(и) лист по 4 ко:, а все	480	
И так за проданные к̄нги учинит	7680 ру	
Вычтя из сего бумагу	735 ру: 55 ко:	
Типографские росходы и жалованье	2106	
	<hr/>	
За тем останется доходу	4838 ру: 45 ко:	

Из сего числа следует типографи платить за сочинени и переводы на пример за каждо(и) лист по 5 ру: смотря по доброте и трудности сочинения или перевода, а все(х) листов в год напечатата(т) можно 240, и так за ни(х) заплатить должно 1200 ру:, и по вычете си(х) из 4838 ру: 45 ко: останется настояще(и) типографско(и) прибыли 3638 ру: 45 ко:.

Из оных денег можно определить типографи директору пристойное жалованье, а за то ему сверх назирания над типографиею старатся доставать для пе-

чати поле(з)нья и росхожия кнѣги и при том ра(з)сматривать и(х) содержания, чтобы чего противнаго не было для общества.

Можно и(з) сих денег содержать небольшую книжную лавку.

л. 256 об. Всем же отдаваемым в печать сочинениям и перевода(м) должно быть написанным чотким, ясны(м) и правильным писмом, и чтоб после болши(х) переправок не было, // ибо о(т) того зависит поспешность и исправность в деле, также и збережение писмен и припасов.

Прочие ж распорядки учредить может исправной знающей типографския обряды фактор, от его же добраго смотра можно надеется нарочитаго остатка на каждо(и) год в припаса(х) и бумаге, за то он ожидать имеет похвалы и и(з)лишняго вознаграждения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов Андрей Николаевич — доктор филологических наук, профессор, зав. отделом русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Дмитриева Анна Алексеевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейского искусства исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Долбнин Виктор Георгиевич — кандидат архитектуры, докторант Санкт-Петербургского института истории РАН.

Каганович Борис Соломонович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Лапшин Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

Марова Елена Борисовна — старший преподаватель кафедры немецкого языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

Митрофанов Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Оглоблин Александр Константинович — доктор филологических наук, профессор восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Павлова Ирина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров.

Руднев Дмитрий Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

Селин Адриан Александрович — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника.

Ушаков Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Фишман Ольга Михайловна — кандидат исторических наук, зав. отделом этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея.

Храковский Виктор Самуилович — доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией типологических наук Института лингвистических исследований РАН.

Худякова Татьяна Андреевна — аспирант кафедры истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>А. К. Оглоблин, В. С. Храковский.</i> Петербургская типологическая школа	3
<i>Б. С. Каганович, Е. В. Тарле</i> и петербургские медиевисты	25

II. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

<i>А. Н. Власов.</i> Некоторые актуальные проблемы полевой фольклористики. (Краткий обзор и характеристика музейных коллекций, материалов краеведов и местных изданий на территории европейского Севера России)	33
<i>И. К. Павлова.</i> Деятельность российских транспортных компаний в Персии в начале XX века (по материалам русских архивов)	56

III. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>А. Ю. Митрофанов.</i> Квеснеллово собрание канонов как памятник «геласиевского» возрождения римского права	68
<i>В. А. Лапшин.</i> Внешние связи средневековой Твери	78
<i>В. А. Ушаков, Т. А. Худякова.</i> Биографии Вашингтона и Франклина как жанр нравоучительной литературы в дореволюционной России	91
<i>А. А. Дмитриева.</i> Голландская эпистолярная культура XVII века и ее отражение в живописи	98
<i>Е. Б. Марова.</i> Немецкий сонет XVII столетия. (К вопросу enjambements в немецком сонете)	111

IV. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

<i>А. А. Селин.</i> Приходо-расходная документация Новгородского винного погреба как источник по политической истории 1610—1611 гг.	125
<i>О. М. Фишман.</i> Богослужбные практики карельских старообрядцев	137
<i>В. Г. Долбнин.</i> Православная святыня Стрельны	145

V. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Д. В. Руднев.</i> Организация типографии при Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе	150
Сведения об авторах	161

Научное издание

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2008

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским научным центром
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *М. Н. Сенина* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Подписано к печати 30.12.09. Формат 70 × 100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.3.
Уч.-изд. л. 15.1. Тираж 150 экз. Тип. зак. № 1001. С 1

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Типография ООО «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

ISBN 978-5-02-025618-7

9 785020 256187

1 Зак. № 1001

2 Зак. № 1001

3 Зак. № 1001

4 Зак. № 1001

5 Зак. № 1001

6 Зак. № 1001

7 Зак. № 1001

8 Зак. № 1001

9 Зак. № 1001

10 Зак. № 1001

11 Зак. № 1001

12 Зак. № 1001

13 Зак. № 1001

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52,
292-46-52, 292-50-43
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
бук. 273-13-98
197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85